

АПРЕЛЬ | 2023

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КОСМОС В ОКОШКЕ

Жизнь и мечта
Константина Циолковского

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

РУССКИЙ МИР

04 Ответ русофобам

ИНТЕРВЬЮ

06 «Экран
беспощаден»

НАСЛЕДИЕ

24 Влюбленный
в Россию

30 «Человек
с Луны»

38 Скромный
исследователь

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

52 «Я сижу,
а он стоит»

56 Разноцветное
небо казаки
Александры

КУЛЬТУРА

60 Дивная
обряда

70 Новая
жизнь
старого
дома

76 Певец
живой стихии

ИСТОРИЯ

12 Митрополит
покинул
Киев

18 Московия
и москвиты

МУЗЕИ

44 У истоков
грёз
о космосе

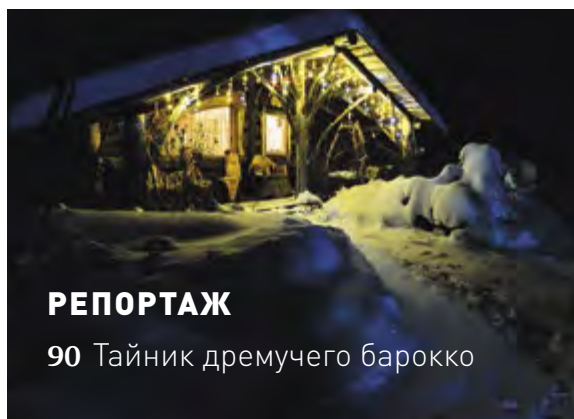
ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

82 Покровка.
Вверх-вниз

РЕПОРТАЖ

90 Тайник дремучего барокко

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Николай АНДРЕЕВ
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Анастасия НЕЧАЕВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Наталья РАЗУВАКИНА
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.
Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

АНТОНИЙ (СЕВРЮК А.Ю.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.
Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.
Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.
Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.
Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.
Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.
Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

Министр
иностранн
дел России
Сергей Лавров

Илья Питалев/РИА Новости

ОТВЕТ РУСОFOBAM

АВТОР

АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РАСТУЩЕЙ РУСОFOBИИ В МИРЕ – ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ЗАДАЧ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ РУСОФИЛОВ. УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ КОНГРЕСС ДВИЖЕНИЯ ПРОШЕЛ В МОСКВЕ 14 МАРТА НЫНЕШНЕГО ГОДА.

В РАБОТЕ КОНГРЕССА Международного движения русофилов (МДР) приняло участие около 90 представителей из 42 стран мира, включая ЕС, США, бывших советских республик, а также государств Азии и Африки. Инициатором созыва конгресса, первое заседание которого прошло в Государственном музее им. А.С. Пушкина, стал лидер болгарского движения «Русофилы» Николай Малинов, единогласно избранный руководителем МДР.

С приветствиями к участникам конгресса МДР обратились президент РФ Владимир Путин, глава Совета Федерации Валентина Матвиенко и глава Всемирного русского народного собора, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. «В основе вашего зарождающегося общественного движения – давние традиции дружбы и взаимоуважения, связывающие россиян с дру-

гими народами, – отметил в приветственной телеграмме участникам конгресса президент Владимир Путин. – Эти славные традиции сохранялись даже на самых крутых переломах истории. Живы они и сегодня, невзирая на то, что во многих государствах целенаправленно нагнетается антироссийская истерия, притесняются наши соотечественники и те, кто им сочувствует, вводятся запреты и ограничения даже на принадлежащее к сокровищнице мировой культуры творчество великих русских классиков». А патриарх Кирилл в своем обращении подчеркнул, что «задачами международного движения являются распространение русской культуры и знакомство с ее достижениями, помощь друзьям России во всем мире, противостояние русофобии в различных ее проявлениях, укрепление «народной дипломатии» в защиту многополярного, спокойного и гармоничного мира».

Перед собравшимися выступил министр иностранных дел России Сергей Лавров. Он отметил, что сегодня, «в период ожесточенной гибридной войны, мы никого не ставляем занимать ту или иную позицию». «Давайте не будем пытаться относиться к кому-то свысока, как это делают наши западные коллеги, публично требуя от всех подряд, включая страны, представляющие древнейшие великие цивилизации, выполнять их приказы, – подчеркнул глава МИДа. – Западная цивилизация сейчас бьется не на жизнь, а на смерть для того, чтобы всеми правдами и неправдами сохранить или попытаться удержать ускользающее от нее господство на мировой арене. Понятно, что сейчас трудно признать новую реальность, объективный ход истории, но это придется сделать. Объективный ход истории отражает позицию подавляющего большинства

Председатель
совета
директоров
группы компаний
«Царьград»
Константин
Малофеев

Илья Питалев/РИА Новости

ИЛЬЯ ПИТАЛЕВ/РИА НОВОСТИ

ИЛЬЯ ПИТАЛЕВ/РИА НОВОСТИ

ИЛЬЯ ПИТАЛЕВ/РИА НОВОСТИ

населения Земли за пределами «золотого миллиарда». Но и в его рамках, как можно убедиться в ходе сегодняшнего заседания, есть много людей, прекрасно понимающих пагубность этого курса».

Министр поблагодарил участников конгресса за их принципиальную позицию. «То, что вы приехали в Москву в столь напряженное время, заслуживает самого глубокого уважения, – сказал Сергей Лавров. – Сегодня это по-настоящему акт мужества». По его мнению, следует ожидать, что против МДР вскоре будет развязана пропагандистская кампания, «будет сказано, что это происки Москвы, что это интрига, направленная на то, чтобы завлечь людей на свою сторону. Тем важнее нам в подобных обстоятельствах оставаться честными, приверженными самым лучшим интернациональным традициям дружбы между народами».

Участников конгресса, желавших выступить с трибуны перед собравшимися в атриуме музея единомышленниками, оказалось слишком много. По мнению известного политолога, главы Фонда исторической перспективы Натальи Нарочницкой, такое движение, как МДР, должно было быть создано еще много лет назад. Пьер де Голль отметил, что его дед, Шарль де Голль, всегда отстаивал необходимость партнерства с Россией, которое является гарантом равновесия в мире. Предприниматель и основатель телеканала «Царьград» Константин Малофеев отметил, что нынешняя неслыханная волна ксенофобии и расизма

Лидер болгарского Национального движения «Русофилы» Николай Малинов, специальный представитель МИД России по вопросам российско-американских гуманитарных отношений, актер, кинопродюсер Стивен Сигал и писатель, переводчик Виттория Аллиата ди Виллафранка (слева направо)

В центре – настоятельница монастыря Святого Иакова в Сирии Агнесс Мариам Ас-Салиб

ИЛЬЯ ПИТАЛЕВ/РИА НОВОСТИ

Лидер Международного Евразийского движения, политолог Александр Дугин

в мире сравнима с тем, что происходило восемьдесят лет назад в нацистской Германии. «Мы понимаем, что это ненависть глобалистской элиты, а не народов, – сказал он. – Международное движение русофилов – это движение за собственный суверенитет, собственные традиции. Русофилы – это те, кто любят русских как отражение собственной мечты о независимости и свободе». Сенегалец Сулейман Анта Ндьей также подчеркнул, что русофобия существует «на уровне западных правительств, а не на уровне народов». Известный актер и кинопродюсер Стивен Сигал заявил, что он «на сто процентов русофил и на миллион процентов русский». А философ и политолог Александр Дугин подчеркнул, что МДР нельзя рассматривать просто как еще один «международный инструмент России». «Русофилы знают и любят

Общественный деятель, внук экс-президента Франции генерала Шарля де Голля Пьер де Голль

нас больше, чем мы сами, – считает Александр Дугин. – И эта их любовь обращена к нашей великой культуре, нашим героям и мыслителям. Мы тоже стараемся соответствовать этой любви, мы сами хотим стать русскими, которых можно любить. Любовь – это не сделка».

Международному движению русофилов предстоит огромный фронт работ, напомнил глава МДР Николай Малинов. И это не только организация акций в поддержку России, фестивалей и конкурсов по популяризации русского языка и русской культуры. Николай Малинов пообещал собрать миллион подписей жителей европейских стран под петицией об отмене санкций против России и представить ее на рассмотрение руководства Евросоюза. Кроме того, глава МДР намерен реализовать инициативу по созданию музыкального конкурса «Интервидение» – своего рода антипода «Евровидения». Также в планах – налаживание активного взаимодействия со СМИ для распространения достоверной информации о нашей стране, формирование календаря русофилов и организация масштабного автопробега в поддержку России. Кроме того, правление МДР рассмотрит возможность создания такой организации, как Институт противостояния русофобии, и даже введение «почетного» звания «Русофоб года». ■

«ЭКРАН БЕСПОЩАДЕН»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

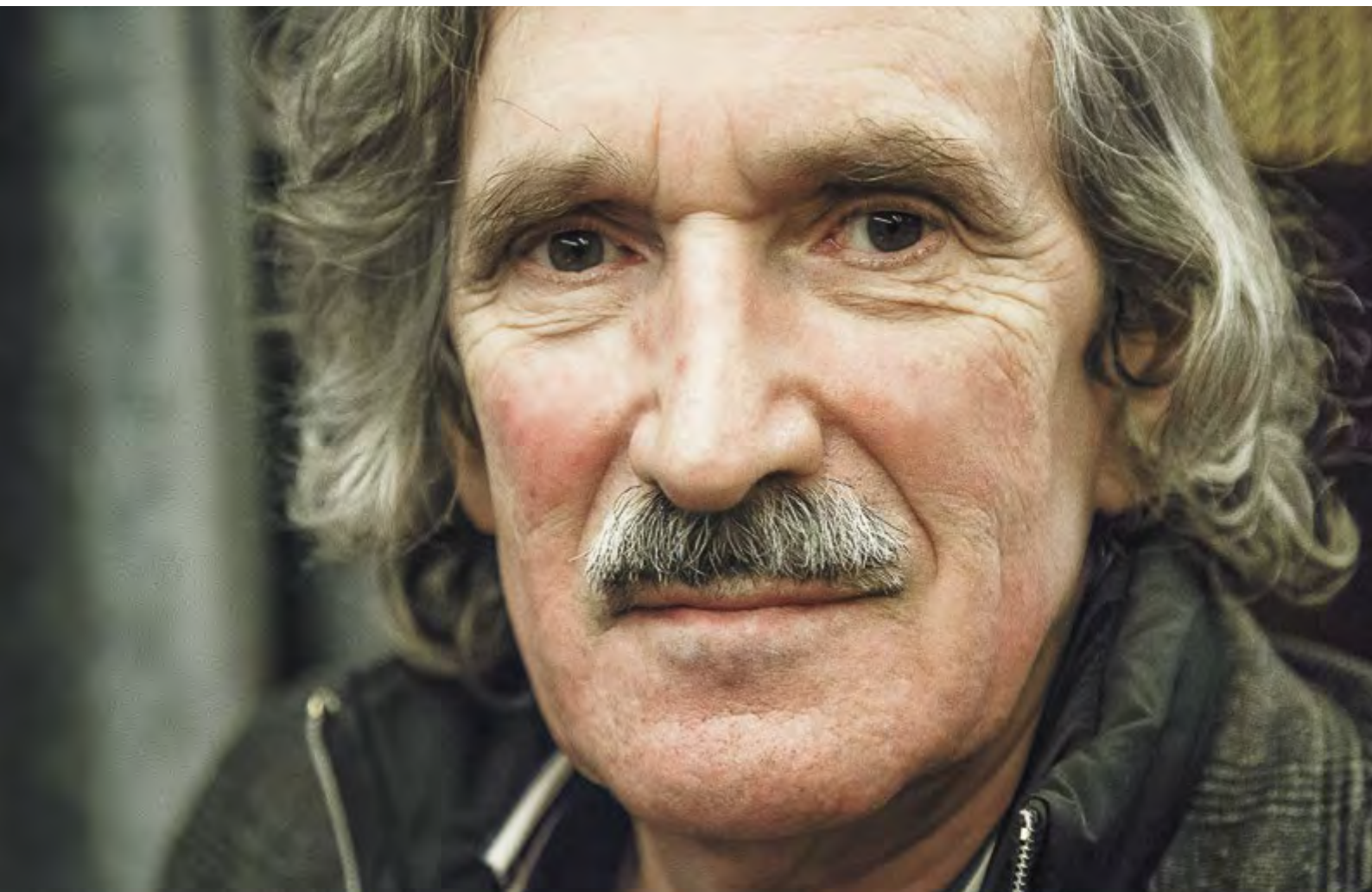
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЗРИТЕЛЬ НЕ ЗНАЕТ ИХ В ЛИЦО, НЕ ПРОСИТ НА УЛИЦЕ
АВТОГРАФ И НЕ ДЕЛАЕТ С НИМИ СЕЛФИ. НО ИМЕННО ОНИ –
ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ОПЕРАТОРСКОГО ЦЕХА» – В КИНО НЕЗАМЕНИМЫ:
БЕЗ НИХ «КАРИНКА» НЕ ПОСТРОИТСЯ, НЕ ОЖИВЕТ И НЕ СОХРАНИТСЯ.
ВЛАДИМИР КЛИМОВ – ОДИН ИЗ ВЫДАЮЩИХСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ЭТОЙ СЛОЖНЕЙШЕЙ ПРОФЕССИИ. СНЯТЫЕ ОПЕРАТОРОМ КАРТИНЫ
ПРИНЕСЛИ ЕМУ МНОЖЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАГРАД
И БЕЗУСЛОВНЫЙ АВТОРИТЕТ.

— **В**ЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, В ВАШЕЙ ФИЛЬМОГРАФИИ БОЛЕЕ 70 КАРТИН, ПРИЧЕМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ, ТАК И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ...

– Я их давно перестал считать. Скажем, документальное кино у нас находится вне проката, поэтому его как-то и не вспоминают, но, вообще, я снял достаточное количество картин. Например, документальный сериал «Прощай XX век. Прости» с Саввой Кулишом, документальную картину с Марленом Хуциевым о последних днях Москвы перед войной – «Люди 1941 года» и много других. А в 2021 году мы с режиссером Евгением Голынкиным выпустили фильм «Женщина, которая строила города» – о легендарном художнике-постановщике Людмиле Кусаковой. С самого начала Людмила Михайловна поставила условие продюсерам, чтобы ее снимал именно я, мы ведь с ней пять картин сделали, в том числе «Яды, или Всемирная история отравлений» и «Всадник по имени Смерть» Карена Шахназарова. А «26 дней из жизни Достоевского» режиссера Александра Зархи – уже классика. Очень сложная картина, были серьезные проблемы с актерами. В заглавной роли – замечательный Олег Борисов. Но во время съемок его

заменял Анатолий Солоницын – прекрасный, но абсолютно другой актер. Пришлось заново переснимать некоторые сцены. Борисов был удивительно хорош! Очень жалею, что он не снялся в этой роли полностью – глубоко, интересно делал образ. И очень жалею, что я не забрал потихоньку материал с Борисовым, чтобы сохранить для истории кинематографа. У меня такая возможность была, но я не догадался. Отснятый материал с пленки просто смыли... Зархи зараннее причитал: «Я буду расстраиваться». Правда, потом не расстраивался, картина, несмотря ни на что, получилась. Кстати, он очень смешно рассказывал, что он всех операторов, с кем работал, научил снимать кино – Леонида Калашникова, Владимира Нахабцева. Я ему сказал: «Александр Григорьевич, вы всем потом будете рассказывать, что и меня тоже вы научили снимать?» Тем не менее я благодарен ему: какие-то профессиональные вещи я у него, конечно, перенял. У людей того поколения существовала очень хорошая, крепкая кинематографическая база. Притом что Зархи был в чем-то наивный, даже смешной, а в чем-то и грубый, но он был мастер! И с Людмилой Кусаковой мы старались создать правдивую среду того, что составляло мир Достоевского.

– Она очень талантливый художник, на ее счету «Обыкновенное чудо» Марка Захарова, «Покровские ворота» Михаила Козакова, «Барышня-крестьянка» Алексея Сахарова, «Звезда» Николая Лебедева.

– Людмила Михайловна очень не хотела сниматься в фильме о себе. Ну, как водится, «я не так выгляжу»... Но мы поехали к ней на дачу, я сначала снимал маленькой камерой, потом вообще с колен смартфона, дурака валял, собственно говоря... Трагическая история случилась в день, когда мы должны были официально начать съемки: приехали к ней, а она умерла. И выяснилось, что все, мною отснятое, чуть ли не основной материал. Он и вошел в фильм. Да и картина по-другому зазвучала, получилась очень пронзительной...

– Потому что получился живой, доверительный разговор...

– Да. Сейчас, на мой взгляд, у нас вообще документальное кино сильнее игрового, которое находится просто в отвратительном состоянии. Я не против того, чтобы мы делали кассовые фильмы, но копирование голливудских схем ни к чему хорошему не приводит. В традициях нашего кино много новаторского. Незачем слепо или специально повторять чьи-то лекала. У нас

часто говорят, что мы якобы технически не можем. Неправда, можем – при необходимом бюджете и правильной организации. Но мы все равно думаем по-другому. И чувствуем по-другому! Ценности другие – понятие добра и зла, другие песни и сказки, другие нравственные и бытовые опоры. Внешне, казалось бы, делаем то же самое. А камера видит все иначе. Экран ведь беспощаден, на нем видно все.

– То есть наша неспособность снимать кино «по-голливудски» связана с менталитетом?

– Нет, я не вижу связи между менталитетом и этой «неспособностью». У нас огромное число талантов! Можно петь чужие песни, только не надо их выдавать за свои. Тем более что у нас есть на что опереться. Горжусь тем, что я – советский кинематографист, что я – мосфильмовский человек. Я видел тот, настоящий «Мосфильм», я на нем, собственно, всю жизнь проработал. Мне Зархи рассказывал: вот раньше, бывало, идешь по коридорам «Мосфильма» и смотришь – слева написано «Эйзенштейн», справа – «Пудовкин», потом – «Довженко», а сейчас... Я тоже могу старчески брюзжать: а я вот помню, иду по «Мосфильму» и вижу таблички на дверях – «Андрей Тарков-

ский», «Сергей Бондарчук», «Савва Кулиш», «Элем Климов», «Леонид Гайдай», «Петр Тодоровский», «Марлен Хуциев», «Станислав Говорухин»...

– *Это наша великая история. Вот выдающийся режиссер Савва Яковлевич Кулиш, которого зрители знают по фильму «Мертвый сезон»... Вы ведь с ним тоже на нескольких картинах работали – «Железный занавес», «Трагедия в стиле рок», «Сказки старого Арбата», «Взлет».*

– «Взлет!» Мы все никак не могли договориться в Госкино СССР о бюджете и сценарии, которому несколько раз меняли название. Первое название было «Второе пришествие», второе – «Воля Вселенной». А нам говорили: «Что это у вас Циолковский бегаёт на колокольню и там мечтает о звездах, почему он бегаёт на колокольню?!» Ну, хорошо, в итоге Циолковский у нас поднимался не на колокольню, а на сторожевую башню. Вот на таком уровне шла волокита. Это был 1977 или 1978 год. И пока все это решалось, мы сняли экспериментальный фильм «Первые старты» по заказу министерства то ли среднего, то ли общего машиностроения. Замечательная картина о том, как вообще пришла идея выйти в космос. Документальный фильм! Я, кстати, там снимался: играл в эпизоде роль Джордано Бруно. Замечательный художник Володя Аронин построил помост на Ахун-горе в Сочи, там меня «сжигали». Я не был привязан, сам притянул себя к столбу – вошел в образ. Ночью снимали, ничего не видно, приборы мне прямо в глаза светят. И чувствую: усы трещат, волосы трещат. Правда, чуть не сожгли! Савва выскочил в кадр и буквально выдернул меня из огня. И стал орать: что же вы, злодеи, творите?! А народ в ответ: «А красиво горел». Всем понравилось... Причем в фильме снималась вся съемочная группа. Аронин играл Коперника, Саша Двигубский – Ньютона. Все были хороши, между прочим!

– *Сейчас это называется «мокьюментари» – псевдодокументальный фильм.*

– Мы с Саввой Кулишом назвали это тогда «реставрация факта». Может быть, это был чуть ли не первый такой опыт. И тогда же случилась замечательная история. Один из наших министров съездил в Америку и увидел там черно-белую говорящую объемную голову знаменитого пилота Линдберга, который в начале XX века первым перелетел через океан. И, вернувшись, министр сказал: «Как же так? У нас же есть Гагарин!» И нам заказали сделать в рамках проекта «Первые старты» говорящую объемную голову Гагарина. К работе привлекли племянника космонавта – тоже Юрия Гагарина, правда, внешне совсем непохожего на дядю. В общем, мы использовали пластический грим, выставляли специальный свет, применили технологии, которых тогда практически еще не было... Только фонограмма Гагарина была реальная: «Дорогие друзья! Люди всех стран и кон-

тинентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной»...

А выглядело так: шлем Гагарина-космонавта, внутри – стилизованная белая маска, специально обработанная скульпторами. На маску шла совмещенная кинопроекция. И мы этот «объект» сняли на пленку – там все было очень сложно, никто не делал такого до нас. И потом мы это сюрреалистическое зрелище показывали в проекционной Научно-исследовательского кинофотоинститута. Собрались высокие чины. И помню, как главный инженер «Мосфильма», Борис Николаевич Коноплев, на просмотре ко мне наклонился и заговорщически прошептал: «Говорит!» Нам за этот эксперимент дали премию, обещали дать медаль ВДНХ и бесплатный проход туда на всю жизнь – как водится, обманули. Этот наш Гагарин много лет работал, это был один из самых популярных аттракционов ВДНХ.

– *Это две первые ваши картины, посвященные космосу. А в 2015 году вы работали с Юрием Карой над фильмом «Главный» – о Сергее Павловиче Королеве.*

– Получается, у меня с космосом особые отношения. Сейчас все открыто, а когда мы с Саввой в 1978 году должны были снимать «Взлет», даже сам Циолковский был «закрыт», его космическая философия для широкой публики была недоступна. Нас в Калуге пустили в подвал, где хранились оригиналы сочинений Циолковского, мы их читали и были потрясены. Это абсолютный гений, который смотрел на десятилетия вперед! А еще меня с космосом связывает мой родной дядя – один из конструкторов американского корабля «Аполлон». Да, именно этот человек просчитал облет Луны на «Аполлоне»! И его бронзовый профиль Нил Армстронг оставил на Луне вместе с профилем Вернера фон Брауна.

– *Ваш дядя когда-то переехал в Штаты?*

– Это сложная и неоднозначная история. В интернете он значится как Григори Токати. На самом деле – Григорий Александрович Токаев, ведущий специалист в области авиационных и ракетных разработок в СССР. В 1947 году вместе с Королевым его отправили в Германию заниматься «Фау» и дальней реактивной бомбардировочной авиацией. Григорий Александрович считал своим главным недругом Ивана Серова, первого заместителя Берии. Еще – Маленкова и Василия Сталина. Я с дядей потом несколько раз общался, бывал у него в гостях. И он рассказал, что вокруг него тогда сложилась критическая ситуация, ему сказали: или ты сейчас решишь, как спастись, или завтра поедешь в Москву и будешь арестован. Он был вынужден спастись. У него был пропуск во все зоны. И он посадил жену и дочку в машину и выехал в Британскую оккупационную зону Берлина... Позже он стал главой департамента аэро-

навтики и космической технологии Лондонского университета. У нас его заочно приговорили к 25 годам. Он умер в 90 лет, в 2003 году...

Надо бы кино сделать про это, но все сложно... Мне уже давно предлагали: «Вот, жертва сталинизма». А я с ним и об этом говорил, он мне очень много о Сталине рассказывал и, кстати, очень хорошо к нему относился. Так что у меня с космосом личная история, мне все это близко.

Что же касается фильма «Главный»... С Юрием Карой мы давно были знакомы, но как-то не получалось вместе поработать. И вот он мне позвонил и предложил новый проект снимать. Я согласился. Подумал: ну, хорошо, еще раз на Байконур съезжу, до того был там, когда снимали «Взлет». У Кары «Главный» получился действительно хорошо. К сожалению, наш бюджет был в десять раз меньше, чем у фильма «Время первых», который вышел позже и повторял отдельные эпизоды подвига космонавтов, о которых рассказывал «Главный». В этом была наша проблема: мы просто не могли себе позволить осуществить какие-то важные вещи, технических возможностей было очень мало. Хотя с точки зрения правды событий, правда – у нас в картине. А «Время первых» – хорошее кино, но там ради зрительского успеха многое просто выдуманно.

– Как вы относитесь к вымыслу в кино, основанному на реальных событиях и биографиях?

– Если кино художественное, то почему нет? Хотя у меня в свое время был спор с кинооператором Вадимом Ивановичем Юсовым по поводу его фильма с Тарковским «Андрей Рублев». Я советовал назвать главного героя не Андреем Рублевым, а любым другим именем. Ведь о жизни великого иконописца нам известно очень немного. Называйте как угодно и что угодно снимайте. Я в те годы был категоричнее, чем сейчас. Для меня светлый Рублев – символ ренессанса русского духа. А в картине «Андрей Рублев» художник смотрит на погрязшую в предательстве и хаосе Русь, и поэтому у него рождаются светлые образы. Странно. Для меня искусство Рублева – светлое, это было возрождение духа, а не протест против предательства и всего того, что показано в фильме Тарковского. Но картина – великая.

– Кинематограф сильно влияет на мировоззрение зрителей. Однако сегодня в фильмах часто искажается история, происходит подмена понятий. Грешат этим даже документальные фильмы...

– Увы, время такое. Наверное, это движение к сатанизму, ведь именно сатана – отец лжи. Ложь

пронизала все, стала тотальной. Все фальсифицируется со страшной силой. Ладно бы в благих целях. Но, к сожалению, не всегда это так. Посмотрите, что творится в мире: Слово – в его истинном смысле – ничего не стоит. И на самом деле страшно жить, когда Слово ничего не стоит! Ведь «В начале было Слово». Надеюсь, мы переживем этот период.

А кино – это такая боковая ветвь... На мой взгляд, сегодня кинематограф утратил главную свою функцию – делать человека лучше, прекраснее. Это ведь функция искусства вообще. И, видимо, не случайно американцы называют кино entertainment – развлечение. То есть товар, продукт, который просто надо продать – и все. Да, кино нужно разное, и зрительский успех необходим, но не в ущерб высшим смыслам и нравственным опорам.

– *Современное авторское кино довольно остро отражает тему самоидентификации, в том числе национальной. Часто в виде конфликта. Как вы думаете, почему это актуально?*

– Потому что обязательно надо вести со зрителем разговор на эту тему. Я жил в Советском Союзе и учился во ВГИКе. Это было интернациональное время. И меня как русского человека, конечно, задевает, что любая попытка произнести слово «русский» воспринимается сегодня как некий шовинизм. Я не воспринимаю понятие «русский» как этническую принадлежность. Сам я русский наполовину. Но мы все – те, кто дорожит Россией и бережет ее, – русские. Понимаете, кто угодно может говорить о своих проблемах, только русские не могут. Тут же звучит: «А, опять это русофильство!» Проблем у нас, кстати, не меньше, чем у других. Но, видимо, так повелось, что русский народ – стержневой в империи и он все вытерпит. И ту Гражданскую войну, которая закончилась в СССР, опять пытаются раздуть. Кому-то очень хочется, чтобы мы – все народы, которые жили в СССР, – поссорились. И это, конечно, очень больно и очень опасно. Межнациональные отношения должны обсуждаться в обществе, в том числе и в кино. Мы от этого никуда не денемся.

– *А такие фильмы не ссорят нас?*

– Ставить проблему все равно надо. Попытаться загнать это куда-то «под ковер» или замолчать – нельзя. Необходимо осторожно с этим разбираться, ведь межнациональные вопросы очень сложные. Не всегда это удавалось решить в царской России, в СССР с этим было значительно лучше. Не уберегли...

– *В 2022 году исполнилось 210 лет Отечественной войне 1812 года, о которой у нас снято крайне мало фильмов. В 1985 году вы сняли картину об одном из ее славных героев – Багратионе...*

– Картину «Багратион» вообще забыли, потому что национальное самосознание грузинского на-

рода как раз в тот момент проснулось. «Багратион» – это совместное производство «Грузия-фильм» и «Мосфильма», но правообладателем является грузинская сторона. Багратион родился в Дагестане, в Кизляре, хотя он и царских грузинских кровей, но грузинского языка не знал, говорил по-русски и по-французски, служил царю. Вот это им не очень понравилось, в итоге картина не получила должного звучания. Очень жаль, потому что мы долго и непросто ее снимали. Хотя бы в интернете ее можно посмотреть. Видимо, грузинской стороне не очень хочется вспоминать русского генерала грузинских царских кровей...

– *Вы много работали и на картинах о Великой Отечественной войне: «Отец», «Сашка. Дневник солдата», сериал «Остаться в живых», сериал «Ленинград»...*

– «Ленинград» – одна из моих любимых картин. Там собрался «цветник» российских, американских, британских и немецких актеров. Но психологически было очень тяжело снимать фильм про самые страшные месяцы блокады Ленинграда, находиться три зимы подряд в таком депрессивном состоянии... Депрессия присутствовала на съемочной площадке каждый день, и после съемок я понимал, что единственный способ как-то выйти из нее – пройтись по освещенному Невскому проспекту и выпить 150 граммов какого-нибудь напитка...

– *Снимать фильмы о войне трудно?*

– Психологически очень непросто. Я все время с режиссером Александром Буравским ругался: вот ты везде трупы раскладываешь... Помню, мы на Миллионной улице, недалеко от Эрмитажа, снимали сцену с актрисой Мирой Сорвино, которая играла главную роль. Вдруг сзади меня какой-то человек подошел и стоит, а посторонним на съемочной площадке находиться вообще-то нельзя. Я повернулся и говорю: «Вы что-то хотите?» Он говорит: «Вы знаете, я блокадник». «Ну ладно, – говорю, – смотрите... Похоже?» А он в ответ: «Очень похоже. Только трупов на земле было намного больше. Они были везде, мы ходили по трупам. Они просто лежали везде...»

«Ленинград» – чудесная картина, замечательная работа, я ее очень люблю, потому что все равно она была светлой.

– *Владимир Михайлович, у вас огромное количество профессиональных наград и призов. Народный артист, заслуженный деятель, и «Тэффи», и «Золотой орел», и «Белый квадрат»...*

– Вот «Оскара» нет. Есть только номинация на «Оскар» – за картину «Вор» Павла Чухрая. И номинация на премию Golden Osella в Венеции. У нас мало кто имеет «Оскар». К сожалению, часто зарубежные призы связаны с политической мотивацией. Вообще, успех крайне субъективен и нередко приносит разочарование.

А вот недавняя короткометражная картина «Ябло- ня», дебют режиссера Ольги Ажнакиной, собрала более ста призов, причем половину из них вручили международные престижные фестивали. Такая камерная, чистая, добрая история, такое редко сей- час снимают.

Я сейчас меньше работаю, спрос на таких опера- торов, как я, уже не так велик – кино стало другое. Нужны более сговорчивые, менее требовательные люди. Сейчас возьмут парня молодого, он будет де- шевле в три раза, будет бегать, прыгать и делать что скажут, не задавая вопросов. У меня же обязательно будет профессиональная команда, будет высо- кое качество, потому что совсем не умею халтурить.

– Вообще, зритель видит кино глазами опера- тора...

– Это правда! Но сейчас господствует «цифра». Она рождает иллюзию того, что все умеют сни- мать. Ну, взял «айфон» и снимаю. Поэтому цена изображения стала другой, то есть изображение буквально стало дешево стоить. И возникла ил- люзия, что профессия кинооператора не так важ- на. Хотя на самом деле ничего не изменилось. На пленке все было гораздо серьезней. И дело даже не только в том, как ты снимаешь...

С Александром Стефановичем мы снимали фильм «Душа». Снимаем эпизод в какой-то гряз- ной избе, сложный по свету и мизансцене про- ход в сених. Потом всей группой смотрим отсня- тый материал на экране, и все говорят: «А это где? Мы там были? Ну, мы же там были, но непо- нятно, что это такое...» Я говорю: «Вы там были и видели грязные сени, а я видел романтическую светлую картину детства героини».

В операторском деле я сторонник передачи че- рез изображение эмоциональных ощущений. Техническая сторона важна, но вторична. Важ- нее передача ощущений, вплоть до запаха! Как- то раз мой коллега о моей картине «Скоро вес- на» сказал: «Вы – единственный оператор, кто передает запах на экране». Для меня это была, может быть, самая высокая похвала. На мастер- классах и семинарах, где собираются не только студенты, но и практикующие коллеги, я объяс- няю, что оператор – не тот, кто снимает то, что видит. Суть операторской профессии в том, что- бы внутри себя сформировать зрительный образ и с помощью технических средств перенести его на экран. А большое кино – это невероятно слож- ная система и очень длинная цепочка визуально сцепленных образов... ■

МИТРОПОЛИТ ПОКИНУЛ КИЕВ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

В 1250 ГОДУ МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ – ПЕРВОСВЯЩЕННИК ВСЕЯ РУСИ – ПОКИНУЛ ДРЕВНЕРУССКУЮ СТОЛИЦУ И ПЕРЕБРАЛСЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОК, ВО ВЛАДИМИР. ЭТОТ ШАГ ЗНАМЕНОВАЛ ПЕРЕНОС ЦЕРКОВНОГО ЦЕНТРА СТРАНЫ, А ЗА НИМ И КУЛЬТУРНОГО, И, В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ, ПОЛИТИЧЕСКОГО. РАСКОЛ РУССКОГО МИРА СОСТОЯЛСЯ.

НЕТ, ОН НЕ СМЕНИЛ титул и не отказался от Киева как от резиденции. Он даже туда потом ездил – через много лет. Но жил большей частью в Суздальской земле и умер в 1280 году в Переяславле-Залесском. Преемником его стал прибывший из Константинополя грек Максим. Он пытался держать стол в Киеве, но в 1299 году, как сообщает летописец, «не терпя татарского насилия», перебрался вместе с клиром сначала в Брянск, а потом «в Суздальскую землю со всем своим житем» – на Северо-Востоке было безопаснее. Накануне золотоордынский хан Тохта поссорился с соседним улусником Ногаем, контролировавшим Поднепровье, и прошелся огнем по этим землям. Киев был взят и сожжен, население разорено и разошлось куда глаза глядят: «весь Киев разыдётся». Митрополит тоже «сбежал». На этот раз окончательно. Умер Максим в 1305 году во Владимире.

В те годы на Западе Руси, в Галиции, правил князь Юрий Львович (умер в 1308 году). Вслед за дедом, Даниилом Романовичем, он называл себя русским королем – Rex Rusiae. Впрочем, в отличие от деда, коронован не

был, как и его потомки. Однако когда в 1349 году Галицию присоединил к своим владениям польский король Казимир, то также приписал себе этот титул. Осознав, что церковный центр переносится в Залесскую Русь, Юрий Львович попытался исправить ситуацию. В 1303 году он убедил константинопольского патриарха повысить статус галицкого епископа – возвести его в сан митрополита. А когда узнал о смерти Максима, то попытался сделать свою митрополию одновременно и киевской. Галицкую кафедру тогда занимал Петр, выходец с Волыни, бывший настоятель монастыря на реке Рате. В 1307-м он отправился в Константинополь, и патриарх посвятил его в киевские митрополиты, совместив, таким образом, оба сана. Однако Петр лишь год прожил в Киеве, а затем, как и его предшественники, перебрался на Северо-Восток – сначала во Владимир, а потом и в Москву. Здесь в 1326 году он скончался и был похоронен в Успенском соборе Кремля. Священники тянулись к людям и жизни, а на юге с этим становилось все хуже и хуже.

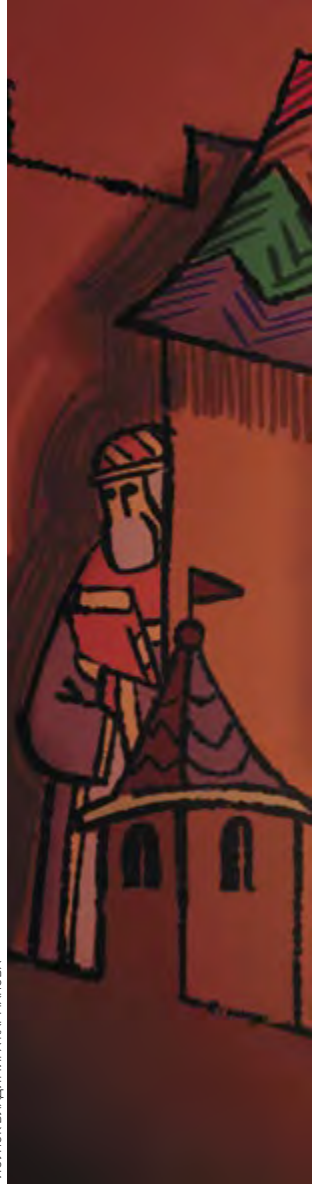
Это не был конец истории Галицкой митрополии: позже она еще несколько раз появлялась и ис-

чезала. Некоторое время существовала даже Литовская митрополия. В середине XV века все закончилось неудачной попыткой объединения православных под эгидой Флорентийской унии и финальным оформлением автокефальной митрополии в Москве. В эти годы никаких западнорусских королевств уже не было. Все они в первой половине XIV века были подчинены сначала Литве, а потом Польше. С 1323 года здесь больше не правили Рюриковичи. Последним правителем Галицко-Волынского княжества, имевшим русские корни, был Болеслав-Юрий из династии Пястов – сын польского князя Тройдена и дочери Юрия Львовича. Он умер в 1340 году, причем подозревают, что был отравлен местными боярами. Дальнейшие события привели к разделу княжества соседями: Галиция отошла Польше, а Волынь – Литве. Не об этом мечтал славный предок галицких князей Даниил Романович, добрых полвека бившийся за объединение русских земель под своей властью. И можно ли с уверенностью сказать, что эти и последующие события были предопределены только последствиями монгольского нашествия?

УБЕЖИЩЕ ПРАВОСЛАВНЫХ

Последним киевским митрополитом был Иосиф (Есиф). Он прибыл из Никеи в 1236 году – на этом сведения о нем в источниках заканчиваются. То ли он бежал перед нашествием монголов, то ли погиб во время штурма Киева в декабре 1240 года. Как бы то ни было, главного архиерея страны не стало. Впрочем тогда сгинуло немало церковнослужителей. Владимирский епископ Митрофан погиб зимой 1238-го во время монгольского штурма. Кажется, то же самое случилось с переяславским епископом Симеоном. Черниговский епископ Порфирий в 1239 году сдался монголам и был ими отпущен, но дальнейшая его судьба неизвестна. Бежал перед нападе-

РИСУНОК ВЛАДИМИРА КАРМАНОВА

нием монголов рязанский епископ. Люди были разорены, а церковь обезглавлена.

Попытки восстановить иерархию не заставили себя ждать. Правда, дело осложнялось тем, что в 1240 году умер константинопольский патриарх Герман (1222–1240), а новый, Мефодий, не прожил и года. В результате место православного церковного предстоятеля пустовало вплоть до 1244 года.

Не стоит забывать, что с 1204 года Константинополь был захвачен латинянами. И в те годы стол там держал патриарх-католик, назначаемый из Рима. Православие укрылось в соседней Никее. Русь признала авторитет Никей – киевский митрополит назначался оттуда. Влияние восточного христианства в те годы было как никогда слабым. Фактически оно сохранялось в нескольких деспотиях в Малой Азии и на Балканах, а также на Руси. Только в 1261 году Палеологи, правители Никей, отвоевали Константинополь: трон василевса снова заняли греческие

императоры, а в резиденцию патриархов в Святой Софии вернулись православные. Кстати, латинские патриархи Константинополя существовали вплоть до середины XX века, правда, только формально, никогда не посещая своей номинальной столицы. Титул был упразднен лишь в 1964 году.

В этих условиях монгольский погром стал новым поводом для активизации католических миссий на Востоке. С одной стороны, в Риме полагали, что если кочевники воюют с мусульманами, то они – потенциальные союзники христиан. С другой – они громят и восточных христиан, что служит хорошей основой для убеждения последних принять покровительство римского понтифика, якобы способного их защитить. Впрочем, на Западе тоже не все было благополучно. В те годы полыхала вражда между императорами Священной Римской империи и папами. Особенно острым был конфликт при папе Григории IX, скончавшемся летом 1241 года.

Престол святого Петра пустовал следующие два года. Летом 1243-го папой был избран Иннокентий IV. В 1245-м начался очередной виток противостояния между понтификом и императором Фридрихом II. Одновременно папа стремился усилить свое влияние на Востоке – в землях, охваченных монгольскими завоеваниями. Были восстановлены контакты с Никеей для переговоров об унии. Кроме того, папские легаты посетили наиболее влиятельных русских князей – Александра Ярославича Невского и Даниила Романовича Галицкого. Послы отправились и к монголам – миссию возглавил Иоанн де Плано Карпини. Казалось, вот-вот христиане соберутся под властью Рима и выступят единым фронтом против ислама, полагаясь на союз с дикими до поры до времени кочевниками, которые тоже вскоре примут истинную веру. Сейчас мы знаем, что все пошло не так. Но в середине XIII века властители духовные и светские только искали свой путь.

НА СЕВЕР

Русские земли были разорены монголами, княжества лежали в руинах. Собирать – дело властей, смирать – священников. Не все князья сразу разобрались в своих правах. После гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича в битве с монголами на реке Сити в 1238 году на Северо-Востоке Руси утвердился его брат Ярослав. В 1243 году он отправился в Золотую Орду и договорился с Батыем, получив ярлык на княжение. В 1246-м Ярослав скончался. Сначала его сменил брат Святослав, а с 1249 года – сыновья. Они разделили наследство так, что Александр Невский по согласованию с Ордой стал киевским князем, получив «старейшинство во всей братии». Андрей занял столицу Суздальской земли – Владимир, другие дети – вотчины поменьше. При этом Александр сохранил за собой новгородский стол. Он, кажется, никогда не посещал собственно Киев, но формально держал титул главного князя страны, что для южнорусских земель име-

ло уже мало значения. Там продолжали бороться черниговские и волынские князья. Все они перед приходом монголов в 1240-м укрылись в Польше. Когда опасность миновала, вернулись. Михаил Всеволодович Черниговский в 1241 году сразу захватил разоренный монголами Киев. Жить в городе было невозможно, и он обосновался где-то в окрестностях. В родовой Чернигов князь даже не поехал – тот был стерт с лица земли. Сын Михаила Ростислав попытался напасть на Галич, но туда выдвинулся прибывший из Польши волынский князь Даниил Романович с братом Васильком.

Борьба за Галич длилась уже почти полвека. Около 1200 года князь Роман Мстиславич объединил все южнорусские земли и создал огромное могущественное государство, включавшее все киевские и галицко-волынские области. Современники называли его «самодержцем всея Руси» и даже царем. Однако в 1205-м он погиб во время похода на Краков. Государство князя

Романа распалось, но его сыновья, Даниил и Василько, считали себя наследниками этого величия. Им досталась Волынь, а за Галич они долго и упорно бились: сначала с венграми, потом с черниговцами, затем с местными боярами. Казалось, что к 1238 году они со всеми справились. Но тут появился Ростислав Михайлович...

Междоусобицы отражались на Церкви. Пустующее место киевского митрополита манило лихоимцев. Его попытался захватить угорский епископ Иоасаф (Асаф), но его изгнал князь Даниил Романович. Иоасаф был низложен, а кафедра его перенесена в Холм. Судя по всему, этот случай заставил Даниила серьезно задуматься о духовных институтах.

К 1243 году относятся известия о присутствии в свите князя митрополита Кирилла. Не ясно, откуда он пришел и кем был прежде. Известно, что он был русским, хотя прежде киевские митрополиты почти всегда были греками. Только в

РИСУНОК ВЛАДИМИРА КАРМАНОВА

1246 году Кирилл смог отправиться в Никею на поставление в сан. И только в 1251-м встретился с великим князем Киевским Александром Ярославичем – в Новгороде. В Никею он ехал через Венгрию, где задержался из-за переговоров о браке дочери короля Белы с сыном князя Даниила Львом. Потом Кирилл вернулся в Галич и снова отправился через Венгрию к патриарху. Судя по всему, своей цели – рукоположения в митрополиты – он достиг только в 1247-м.

Из этих перемещений видно, что митрополит был не только ставленником галицкого князя, но и его доверенным лицом. В этой связи обычно высказывают предположение, что прежде он был княжеским печатником. О деятельности такого печатника Кирилла известно из летописи. Весной 1242 года Даниил послал его к городу Бакоте (ныне – поселение в Хмельницкой области Украины), где тот должен был «исписати грабительства нечестивых бояр и утешити землю». Тогда во многих отдаленных от столицы областях чуть ли не «вокняжились» местные нобили. Почувствовав слабость центра, они подмяли под себя что могли, бесчинствовали и грабили. Князьям после ухода монголов приходилось заниматься наведением порядка. Судя по всему, Даниил готовил документы для публичного судилища над зарвавшимися боярами. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать в Англии в 1275 году, когда вступивший на трон Эдуард I проводил опись злоупотреблений баронов в период гражданской войны (так называемые «Изыскания старьевщика», Ragman quest), после чего созвал парламент для вынесения приговора виновным.

Но у печатника Кирилла миссия оказалась сложнее, чем просто опись преступлений. У Бакоты он встретил черниговцев и князя Ростислава Михайловича, который намеревался создать там базу для атаки на Галич. Кирилл заперся в крепости и отбил пер-

вый штурм, а потом отвлек Ростислава переговорами и, пока шли пререкания, организовал вылазку, разгромив отряд княжича. Ростислав бежал за Днестр. Фактически Кирилл сорвал начало новой междоусобицы.

В том же, 1242 году Даниил провел карательную операцию против болоховских князей, которые не только союзничали с монголами, но и дружили с черниговцами. Были заняты города Губин и Кобуд, Кудин городец и Дядьков. Последний брал печатник Кирилл с 3 тысячами «пешец» и 300 «коньник», после чего прошелся («пленив») по Болоховской земле «и пожег». Если речь про будущего митрополита, то он отличался крутым нравом. Более пяти лет Кирилл был лишь «избранным митрополитом» и не мог действительно влиять на положение дел в Русской церкви. Нет известий о его отношениях с суздальскими князьями в эти годы. Тогда, спустя десятилетие после монгольского погрома, на Севере и Северо-Востоке Руси, кажется, вообще остались только два епископа: новгородский и ростовский. Страна едва оживала.

Кирилл отправился во Владимир-Залесский в 1250 году, сопровождая дочь Даниила Романовича – невесту князя Андрея Ярославича. Потом он их венчал. И остался рядом. Он был южанином и никогда прежде в Залесском крае не бывал, никого здесь не знал, но что-то его тут сразу и навсегда задержало. К Даниилу митрополит больше не вернулся.

Весной 1251 года он поехал в Новгород, где в мае рукоположил нового архиепископа, Далмата. Там он встретил великого князя Киевского и Новгородского Александра Невского, с которым сразу нашел общий язык. Кирилл стал верным союзником Александра Ярославича, а после его смерти – агиографом, прославившим правителя в веках. Особенно ярко проявилось их сотрудничество при противодействии немецкой и шведской экспансии в Прибалтике.

ЗАПАДНАЯ МИССИЯ

В 1240 году шведы пытались закрепиться на Неве. Тогда князь Александр их отогнал. В 1256-м они высадились на Нарве, их снова обратили в бегство. Затем Александр решил перейти в наступление. Был организован большой поход в Финляндию на емь (тавастов), покоренных ярлом Биргером в 1249-м.

Кампания готовилась в условиях секретности. Как отмечает летопись, новгородцы не знали, куда князь направляется («новгородцы не ведяху, кде князь идет»). Зато это, кажется, хорошо знал митрополит: он сопровождал Александра. Они дошли до Копорья, откуда зимним путем через залив войска направились в Финляндию, а архиерей остался просвещать местных язычников. Прежде ни один глава Русской церкви не заходил так далеко на север. Христианская проповедь в тех краях еще не пустила глубоких корней. Более того, считалось, что это зона конкурирующих миссионерских инициатив католиков и православных. В 1227 году Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, уже направлял попов крестить Карелию. Однако позднее папа римский назначал туда своего епископа, полагая, что земли еще не обращены полностью. Даже в XIV веке шведы считали ижорцев некрещеными. Судя по всему, Кирилл приложил усилия к христианизации прежде всего Водской земли. По археологическим данным известно, что примерно в это время – в 30–80-х годах XIII века – там резко сменились традиции в погребальных обрядах. По имеющимся сведениям, Александр Невский выглядит активным поборником проповеди православия. Этим он разительно отличается от Даниила Галицкого, который как раз в те годы все более склонялся к унии с Римом. В 1246–1248 годах папа направлял послания русским князьям, завлекая духовным единством и помощью против монголов. Александр искушения отверг, а галицкий князь колебался. Он ездил к Батыю, пытался

договориться, но потом поверил, что Запад ему поможет.

К началу 1250-х положение обострилось. Отвлеченный прежде внутренней борьбой за власть в Монгольской империи Батый теперь смог заняться наведением порядка у своих вассалов. В 1251 году великим ханом стал его протеже Менгу. Даниил, кажется, не уловил этой конъюнктуры и втянулся в конфликт с ханом Куремсой, курировавшим подчиненные Батыю области в Поднепровье. Началась война. Зимой 1252/53 года Куремса напал на Каменец, но был отбит. Даниил намеревался развить успех и запросил помощи у Рима. Папа отозвался и в мае 1253-го обнаружил послание с призывом к крестовому походу против монголов. Обращен призыв был не ко всем христианам, а только к тем, что в Чехии, Моравии, Сербии, Померании и Польше. Осенью того же года в Галицию прибыл папский легат, который принял причастие у Даниила как у католика и венчал его королевской короной. Теперь Галиция стала королевством, а местная церковь должна была подчиняться понтифику.

Даниила обманули. Развязав большую войну, никакой существенной помощи от западноевропейских единоверцев он не получил. В итоге Даниилу пришлось вновь кланяться монголам. В 1258 году к его землям подошел Бурундай «в силе велице», и король немедленно согласился на все требования степняков: они совместно напали на литовцев, бывших прежде союзниками Даниила. Умывшись позором, галицкий венценосец больше не затевал войн с монголами. Он уехал в Венгрию и вернулся на родину только накануне смерти – в 1264 году.

Ничего не известно о его контактах с митрополитом Кириллом в эти годы. Кажется, Даниил до конца дней своих оставался католиком. А русского первосвященника тогда увлекали совершенно другие перспективы. Степняки разорили страну. Они определенно изверги, исчадия ада. Но если так, то насланы они по Божьему попущению – за грехи наши. Чем

мы ответим? Войной или смирением? А если бесов крестить? Может, в этом дерзании воля Господня? И Кирилл отправился с крестом на Восток. Монгольские ханы не возражали. В 1261 году в Сарае, столице Золотой Орды, была основана православная епархия.

Сарайский епископ стал духовным посредником между восточными христианами и евразийской империей. Очевидно, что у него было немало прихожан и миссия первое время развивалась успешно. Известно, что сын и наследник Батыя Сартак был христианином. Православный епископ держал стол в золотоордынской столице вплоть до 1454 года, после чего «из ослабевшей Орды» перенес ставку в Москву на Крутицкое подворье. Епархия была упразднена только в 1785-м, поскольку те области к тому времени уже давно вошли в состав Российской империи и архиерейские диоцезы были разделены иначе.

Существует предположение, что для учреждения архиерейского служения в 1261 году в Сарай ездил сам Кирилл. Впрочем, это было не обязательно. В любом случае ясно: определяющим здесь было влияние при ханском дворе князя Александра, который не только помирился с монголами, но и заложил основы будущего величия Руси. Митрополит всемерно этому помогал, а потом славословил этот путь.

ИНОЙ ПУТЬ

В Галиции после отъезда Кирилла удивительным образом хирет летописная традиция. После 1258 года записи там становятся эпизодическими и разрозненными. Напротив, в исторических сводах Северо-Востока – во Владимире, Ростове и других городах – появляются прямые заимствования из галицких источников. Создается впечатление, что митрополит не только захватил с собой копии южно- и западно-русских летописей, но и перевез самих авторов и переписчиков. Скорее всего, он сам был причастен к составлению жизнеописа-

ния князя Даниила, которое позже вошло в Галицко-Волынскую летопись. Перебравшись в суздальские земли, Кирилл сохранил любовь к историописанию. Исследователи уверенно возводят создание Жития Александра Невского к деятельности митрополита Кирилла. Князь умер в 1263 году на пути из Орды. Кирилл лично его отпевал, а потом приложил усилия, чтобы увековечить память о своем единомышленнике. Именно из этого Жития мы узнаем многие факты о деятельности святого князя. Именно там содержатся подробности Невской битвы 1240 года, которая предстает не мелкой пограничной стычкой, а эпохальным противостоянием с западным иноверием. Именно там отмечена решительность князя при отказе от лестных предложений Рима, на которые оказался падок Даниил Галицкий. Именно из Жития становится понятно значение князя Александра для будущего страны и православия. Характерно, что в тексте Жития Александра встречаются текстуальные заимствования из жизнеописания Даниила, к составлению которого также был причастен Кирилл, но не успел его закончить – фрагменты сохранились в Галицко-Волынской летописи.

Позднее, возможно, после смерти Даниила, Кирилл посещал Поднепровье, но сведений о его деятельности там почти нет. А на Северо-Востоке он оставался постоянным участником как духовной, так и политической жизни. Сохранилось известие, как в 1270 году сменивший Александра брат Ярослав поспорились с новгородцами. Те обвинили князя в нарушении «ряда». Ярослав оправдывался и обещал все исправить, но горожане не верили – до тех пор, пока поручителем не выступил сам митрополит. Кирилл пригрозил новгородцам отлучением, если они будут упорствовать. В итоге все примирились. Это единственный случай в русской истории, когда архиерей вмешивался в светские дела, угрожая интердиктом.

РИСУНОК ВЛАДИМИРА КАРМАНОВА

После гибели Митрофана в 1238 году стол владимирского епископа пустовал вплоть до 1274-го, когда его занял известный проповедник Серапион, бывший прежде архимандритом Киево-Печерского монастыря. Судя по всему, все эти годы Кирилл сам замещал этот пост – лично руководил Владимирской епархией. Здесь он в 1274 году организовал первый после монгольского нашествия церковный собор, где был принят ряд постановлений, вошедших в кормчие книги под заглавием «Правила митрополита Кирилла». Архиереи тогда вновь осудили мздоимство священников, симонию, литургические ошибки и особенно подчеркнули необходимость благочиния – достойного поведения церковных предстоятелей, которые не избежали отчаяния в атмосфере насилий иноверцев. Тогда местами люди даже начали возрождать языческие культы, чего терпеть было никак нельзя. Кирилл уделял большое внимание сбору, переводу и распространению церковных книг. Он

прилагал усилия к закреплению норм канонического права. При нем был заново переведен греческий Номоканон, специально выписанный из Болгарии. Одновременно он усиливал внешнюю безопасность Церкви. При нем были получены ханские ярлыки, освобождающие священников от ряда налоговых сборов и повинностей. Сохранился один из них, выданный ханом Менгу-Тимуром «в год зайца» (1267). Кирилл умер 6 декабря 1280 года. Его отпевали в Успенском соборе Владимира, а потом отправили тело в Киев. Он стал последним киевским митрополитом, похороненным в кафедральном Софийском соборе. Друг и сподвижник Серапион Владимирский скончался еще раньше – в 1275 году. Четверть века он игуменствовал в Печерском монастыре Киева и только неполный год прожил на Северо-Востоке. Но именно здесь сохранились его сочинения. Известно пять его поучений. Последнее, «Слово о маловерии», дошло в сборнике XV века. Иногда

говорят, что он хвалит монголов, благожелательно настроен к захватчикам, ставит их в пример правотворным. Это не так. Его слова не привязаны к этносу и месту, они обращены в вечность, заставляют оглянуться вокруг, посмотреть на соседа, напитаться надеждой в собственные силы и мудрость окружающих. Кажется, что этим руководствовался и митрополит Кирилл: «Распоряжается Божьим созданием, но о безумье своем почему не скорбите? Даже язычники, Божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клеветают, не крадут, не зарятся на чужое; никакой язычник не продаст своего брата, но если кого-то постигнет беда – выкупят его и на жизнь дадут ему, а то, что найдут на торгу, – всем покажут; мы же считаем себя верными, во имя Божье крещенными и, заповедь Божию зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия: братьев своих грабим и убиваем... доносам, завистью, если бы можно, так съели б друг друга, – но Бог охраняет!»

Московиты.
XVI век.
Из «Космографии»
французского
путешественника
и просветителя
Андре Теве

Н О В ДАННОМ СЛУЧАЕ речь не об этом. И даже не о том, что президент Зеленский поручил премьер-министру Украины Денису Шмыгалю «тщательно проработать» возможность переименования России в «Московию». За стремлением переименовать Россию в «Московию» скрываются вовсе не научные споры филологов. Речь идет о территориях, которые якобы незаконно присвоила себе Московия (это название употреблялось для обозначения Московского княжества параллельно с названием «Россия» с XV до начала XVIII века. – **Прим. ред.**). Как и само слово «русские». Идея о том, что Россия – это полуазиатская «Московия», которая незаконно присвоила себе не принадлежавшие ей земли и слово «русские», имеет весьма глубокие корни. Одним из первых мнение о том, что Московия не

МОСКОВИЯ И МОСКОВИТЫ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

В НОЯБРЕ 2022 ГОДА НА САЙТЕ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ ПОЯВИЛАСЬ ПЕТИЦИЯ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ РОССИИ В «МОСКОВИЮ». В ФЕВРАЛЕ 2023 ГОДА ПЕТИЦИЯ НАБРАЛА 25 ТЫСЯЧ ПОДПИСЕЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ИНИЦИАТИВЫ. КАК УТВЕРЖДАЮТ АВТОРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, НАЗВАНИЕ «РОССИЯ» СУЩЕСТВУЕТ 301 ГОД, ТОГДА КАК ТЕРМИН «УКРАИНА» ВСТРЕЧАЕТСЯ ВПЕРВЫЕ ЯКОБЫ НА 41 ГОД РАНЬШЕ – В 1680 ГОДУ. КОНЕЧНО, СОСТАВИТЕЛИ ПЕТИЦИИ ЛУКАВЯТ, ПОСКОЛЬКУ ТЕРМИН «РОССИЯ» В ВИЗАНТИЙСКИХ ТЕКСТАХ ВСТРЕЧАЕТСЯ УЖЕ В СЕРЕДИНЕ X ВЕКА, А В XII ВЕКЕ ФОРМА ROSSIA, ПЕРЕНЯТАЯ ИЗ ВИЗАНТИИ, ВСТРЕЧАЕТСЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ.

Сигизмунд Герберштейн
в жалованной ему московским
князем одежде. Рисунок первой
половины XVI века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

является частью Европы, высказал австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, автор одного из самых известных трудов о Московском царстве. В своих «Записках о Московии» (1549) он предложил относить Московию к Азии: «Если провести прямую линию от устья Танаиса (Дона. — Прим. авт.) к его истокам, то окажется, что Москва расположена в Азии, а не в Европе».

Мысль о том, что Россия — это не Европа, а варварская и азиатская «Московия», оказалась очень востребованной в XIX столетии — после окончания Наполеоновских войн. С одной стороны, это было время действия Венской системы международных отношений, «европейского концерта» и «пентархии», то есть пятерки европейских лидеров: России, Великобритании, Австрийской империи, Пруссии и Франции. С другой стороны, Россия, вносящая решающий вклад в разгром наполеоновской Франции и значительно усилившая свои позиции, стала вызывать у европейских политиков чувство зависти и раздражения. Не случайно именно в это время на Западе формируется русофобия как идеология, а в 1830-е годы этот термин уже активно используется в европейской прессе.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

РУСОФОБИЯ С РАСОВЫМ ДУШКОМ

Уже в те годы европейскими авторами использовались две аргументации объяснения феномена инаковости русских. В соответствии с первой, исторической, неполноценность русских связывалась со спецификой исторического развития, прежде всего с наследием Орды. В соответствии со вторым подходом, генетическим, или расовым, речь шла о якобы особой генетической ущербности русских. Русские терпят тиранию, потому что это свойственно их природе. Русские видятся не просто как отсталый, а как органически

Франтишек
Хенрик
Духинский
(1816–1893),
польский этно-
граф и историк,
вице-президент
Парижского
этнографического
общества

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Сигизмунд
Герберштейн.
Записки
о Московии.
Обложка издания
1557 года

Карта Московии
Сигизмунда
Герберштейна
1549 года

неполноценный народ, неспособный воспринимать «западные ценности». «Русский... является этнической аномалией, с которой трудно иметь дело», — писал Редьярд Киплинг.

Собственно, тогда же оформляются и расовые теории — термин «раса» вводится в оборот как раз в 1830-е годы. Одним из самых спорных сюжетов расологической теории XIX столетия был вопрос о расовом характере финно-угорских народов. Наибольшее распространение получила так называемая туранская теория, утверждающая их переходный (или смешанный) характер между монголоидами и европеоидами. «Туранцами» тогда стали именовать все кочевые племена, а в туранскую расу объединили тюрок, монголов и финно-угров. В соответствии с этой теорией русские были объявлены не славянами, а потомками смешения крови финно-угров, монголов, тюркских народов и славян, то есть «грязнокровками», что, по расистским понятиям, оценивается гораздо хуже, чем принадлежность к низшим расам.

Эти идеи нашли развитие в трудах польского историка и этнографа Франтишека Хенрика Духинского (1816–1893). С 1834 года он проживал в Киеве, где какое-то время учился в университете и работал частным учителем в польских семьях. В 1846-м эмигрировал в Париж, участвовал в революциях 1848–1849 годов. Во время Крымской войны отправился на театр военных действий, работал в интендантстве при английском экспедиционном корпусе, излагал свои идеи англичанам, французам и туркам в надежде поставить на повестку дня польский вопрос. После войны снова обосновался в Париже, где занялся литературной и преподавательской деятельностью. Несмотря на то, что Духинский был ученым-любителем, в Париже он сделал блестящую научную карьеру, стал профессором истории

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

в Высшей польской школе, был избран вице-президентом Парижского этнографического общества и являлся членом Французского географического общества.

В 1858–1861 годы, отмеченные очередным обострением польского вопроса, в Париже в трех частях выходит главный труд Духинского – «Основы истории Польши и других славянских стран и Москвы». Духинский был просто одержим ненавистью к России, видевшейся ему извечным агрессором, нападавшим на польские земли и потому виновным в ее трагической судьбе. Для обоснования того, что эти земли именно польские и по праву должны принадлежать Польше, он создал особую расовую теорию и своеобразную историческую концепцию. Духинский исходил из привычного для польской культуры представления, что вся Русь входила в состав Польши, а Московия к Руси исторически никакого отношения не имела. В состав Руси он включал не только Западную Русь, но также Литву и бывшие земли Великого Новгорода.

Духинский утверждал, что великоросы, или «москалы», не принадлежат к славянскому и даже к арийскому племени, а составляют подвид туранского племени наравне с монголами и только присваивают себе имя русских, принадлежащее, по справедливости, только малорусам и белорусам, близким к полякам по своему происхождению.

Противостояние Московии и Польши Духинский воспринимал как конфликт христианства с «поганскими» народами Востока. Московское царство, по его утверждению, не являлось наследником Киевской Руси. Россия правит Малоросией вследствие ее завоевания Петром Великим, которое произошло в 1709 году в результате Полтавской битвы. А потом уже императрица Екатерина II «постановила указом, что москвиты суть русские и европейцы».

Средневековая
пивоварня.

Гравюра конца
XVII века

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПИВА КАК КРИТЕРИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ЕВРОПЕ

В «научных» трудах Духинского много весьма любопытных деталей, не имеющих отношения к науке, но всерьез воспринимавшихся читателями. Например, границу между Европой и Московией Духинский проводил в том числе по такому критерию, как употребление пива: «Географические границы, где употребляют пиво в Европе, кончаются восточными границами Польши и Малороссии. Москвиты не знают более пива; с Московии начинается кумыс, который сопровождает путешественника до Тихого океана. Москвиты, впрочем, ныне делают свой квас не из молока кобылиц, а из солода».

Карл Маркс с большим интересом отнесся к концепции Духинского и высказался в ее поддержку: «Он утверждает, что настоящие москвиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или фин-

ны и т.д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточной части <...> Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян».

В духе французских пропагандистов Духинский мечтал видеть Европу единой федерацией во главе с Францией для того, чтобы воевать с туранской «Московией». Он призывал: «На Днепр! На Днепр! В Киев! О, народы Европы! Там ваше согласие, ведь именно там малороссы ведут борьбу против Москвы, защищая свою европейскую цивилизацию».

Не имеющие научной основы тексты Духинского были направлены на обоснование необходимости создания буфера между «арийской» Европой и «туранской» Москвой. На роль буфера предназначалась независимая Польша, включающая украинские и белорусские земли, Литву, Прибалтику, Смоленск и Великий Новгород.

22 января 1863 года в Варшаве снова вспыхнуло восстание. Франция опять живо откликнулась на эти события, а Духинский был на пике своей популярности. В феврале следующего года он прочел в Париже публичную лекцию, которая привлекла внимание 3 тысяч слушателей, среди которых были император Наполеон III и ведущие французские политики.

Русский журнал «Отечественные записки», рассуждая о феномене популярности идей Духинского и его самого во Франции, отмечал, что он просто дурочил французскую публику «неисповедимой абракадаброй», абсолютно ненаучными идеями. Однако не выдерживавшие научной критики тексты Духинского были с энтузиазмом восприняты не только польской эмиграцией, мечтавшей о восстановлении «Великой Польши от моря до моря», но и французскими учеными, политиками и даже крупными предпринимателями.

Титульный
лист книги
Духинского
«Основы истории
Польши и других
славянских
стран и Москвы»
(Париж, 1858)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**ЭЛИАС РЕНЬО:
МОСКОВИТЫ –
ЭТО КИТАЙЦЫ**

Одним из них был историк и чиновник Элиас Реньо (1801–1868). В работе «Европейский вопрос» (1863) он выступал с идеей федерализации Европы с одной целью: вытеснить Россию за пределы Европы и лишить ее земель, которые, по его мнению, принадлежали ей незаконно: «Необходимо, чтобы Московия вернулась к своим национальным традициям, в соответствии с которыми ее миссия заключается в организации полуславянских народов Центральной Азии, вместо того чтобы идти на Запад... В этом возвращении к традиции нужно начинать с уничтожения самого наименования «Россия», которое цари Санкт-Петербурга незаконно себе присвоили».

Ставку он делал исключительно на силовое разрешение вопроса: «Всякая дипломатия в этом случае неэффективна, поскольку дипломатия – это искусство сделок, иначе говоря, искусство двусмысленное. Здесь двусмысленность невозможна. Надо ли пожертвовать Европой? Надо ли жертвовать русской империей? Вот в чем вопрос».

Границы Европы Реньо определяет таким образом: независимость Польши с границами до Днепра и ее включение в европейскую федерацию; освобождение Финляндии, балтийских провинций и Бессарабии от власти России; при этом для достижения этой цели Европа пойдет на любые жертвы.

Главный научный вывод историка таков: «Политика обязана следовать за научными открытиями: русская империя вновь должна стать московским царством, и только тогда москвиты станут тем, кем они должны быть, кем они являются: туранцами и неславянами». Завершается же книга Реньо и вовсе утверждением, что «москвиты являются китайцами».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**ВОСТОРЖЕННЫЙ
ПОЧИТАТЕЛЬ ДУХИНСКОГО**

Сходные идеи развивал еще один поклонник Духинского – известный историк и публицист Анри Мартен (1810–1883). 4 февраля 1864 года он написал Духинскому восторженную записку, которую можно считать программной: «Настоящая Европа никоим образом не простирается до Уральских гор; она останавливается в бассейне Днепра. Москвиты (отбросим это

Элиас Реньо
(1801–1868),
французский
историк.
Около 1860 года

Анри Мартен
(1810–1883),
французский
историк
и политик

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

название русских, составляющее только двусмыслицу и не означающее ни нации, ни расы) – москвиты, будучи туранцами по расе и духу, не принадлежат к европейскому обществу; они его только мутят и расчленяют; они никогда не будут гармоническим элементом: они должны сноситься с ним извне; их законная роль в Азии, и там она может иметь свое величие; до тех пор, пока их не обяжут решиться на это и пока не разорвут навсегда Завещание этого Петра Великого, столь пагубное для человечества, в Европе не будет ни мира, ни безопасности, ни порядка».

В журнале «Отечественные записки», опубликовавшем письмо Мартена, иронично отмечалось: «Нет такой туранской земли, в которой он мог бы закопать позор свой». Однако Анри Мартен вовсе не думал, что он «позорится». Более того, он продолжил развивать мысли Духинского и в 1866 году опубликовал одну из своих главных работ – «Россия и Европа», основанную, по его словам, на источниках, достойных доверия, а на деле пересказывающую основные идеи Духинского.

Размышляя над извечным для европейцев вопросом, является ли Россия частью Европы, Мартен во введении дает четкий ответ: Россия полностью противоположна Европе. Он оперирует давно сформировавшимися образами и стереотипами. Главная особенность России – деспотизм власти. Именно с опорой на деспотизм была основана Россия, и именно деспотизм является «единственной формой ее создания». Если в основании европейского общества лежат идеи личной свободы, семьи и частной собственности и они предшествуют письменным законам, то единство русских, или москвитов, «покоится на общности, персонифицированной в лице одного человека, который может произвольно распоряжаться всеми свободами, всеми имуществами и счастьем всех семей и который одним своим словом может уничтожить право собственности в своих новых обширных владениях».

МОСКОВИЯ – ЭТО НЕ ЕВРОПА

Русские у Мартена – это образ европейцев в негативе, да еще с опорой на теорию расового превосходства: «Московитский характер совершенно отличается от славянского или европейского. Основные его качества – сплошь отрицательные: отсутствие индивидуальности, разнообразия, изобретательности и порождаемой ею способности к самосовершенствованию, что сочетается с большой легкостью подражать другим и с необычайной покорностью». Московиты не способны создавать свободные сообщества, они могут создавать только религиозные секты, у них нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола властей, оппозиция же считается кошунством. Московиты не знакомы с идеей прав человека, они фанатично преклоняются перед грубой силой. Из наиболее выдающихся качеств их отличают большая хитрость и необычайная мобильность, способность приспосабливаться к переменам. Если славянин и в целом европеец

очень привязан к земле, семье и собственности, то московит, как и в целом татары, азиаты Севера, сохраняет кочевой и общинный образ жизни.

«Россия – это государство, противоположное Европе» – именно такой вывод делает Анри Мартен. «Московия – это не Европа. Она не имеет ни наших идей, ни нашей морали, ни наших законов. Самодержавная, она верит, что ее государь имеет право одним своим словом изменять основы общества. Общинная, она не признает права собствен-

Казимир Делямар. Лингвистическая, этнографическая и политическая карта Восточной Европы. Россия, Австрия, Турция (Париж, 1868)

Карта России. Типы России. Почтовая карточка, изданная в Европе в начале XX века

ности, как и личной свободы человека...». При этом речь идет вовсе не о Московской Руси, а о современной ему Российской империи, которая в восприятии европейцев оставалась неизменной и вечной «Московией» со всеми атрибутами варварства, азиатчины и деспотизма.

По словам Мартена, только сейчас европейцы увидели «истинное лицо России», когда «под обликом русского обнажился туранин и татарин. Маски сорваны. Европа все увидела». Вслед за Духинским Мартен воспринимает Польшу как барьер против России.

«РУССКАЯ УГРОЗА»

Другой французский политик, издатель и банкир Казимир Делямар (1797–1870), был не менее страстным поклонником Духинского. В 1852 году он был избран депутатом Законодательного корпуса, был близок к императору Наполеону III, являлся автором ряда работ на экономические темы, не обошел вниманием и Россию.

В 1869 году Делямар выступил с петицией к французскому Сенату, в которой заявил о «русской угрозе» и порабощении «московитами» 15-миллионного народа – «русинов», или «рутенгов», подразумевая под этими именами украинцев. В петиции он потребовал от правительства не только реформы исторического образования и раздельного изучения истории рутенов, то есть славян, и московитов, то есть народа, чье славянство было более чем сомнительным, поскольку это народ туранского, иначе говоря, азиатского происхождения. По его мнению, Франция должна изменить систему изучения славянских народов и использовать работы «прекрасных и выдающихся ученых, открывших в исторической науке новое направление».

Цель обращения Делямара заключалась в том, чтобы просить Сенат добиться включения в официальную программу преподавания истории в учрежде-

Образы русских на открытке, изданной в Европе в начале XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в Коллеж де Франс, которая была создана в 1844 году специально для польского поэта Адама Мицкевича, в «кафедру языков и литературы славянского схождения». Император Наполеон III согласился с этой идеей.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА – НОВЫЙ ОБРАЗ РОССИИ

Итак, французские интеллектуалы использовали расовые концепции о неславянском происхождении «москвитов» с одной целью: вытеснить Россию из Европы, доказать незаконность владения польскими, финскими, прибалтийскими и малороссийскими землями. Для них речь шла об ослаблении России и не просто об объединении Европы перед лицом «русской угрозы», но о непосредственной войне с Россией, которую известные историки продолжали именовать «Московией».

Однако после Франко-прусской войны, когда потерпевшая уничижительное поражение Франция стала искать сближения с Россией, такие откровенно русофобские идеи стали политически неактуальными и даже вредными. Духинский был вынужден перебраться в Швейцарию. Анри Мартен, несмотря на то, что в 1878 году был избран во Французскую академию, к этим идеям также больше не возвращался. Новое время требовало новый образ России и русских. Но расовые идеи не ушли в прошлое. И уже идеологи германского национал-социализма, вслед за польскими и французскими классиками расизма, исповедовали идеи о славянах как о недочеловеках, незаконно занимавших земли, которые по праву должны принадлежать представителям «высшей арийской расы». И как и французские историки-расисты, выход идеологи национал-социализма видели лишь в экспансии и войне. Совершенно не думая о цене, которую придется за это заплатить человечеству. А вот теперь на эту порочную стезю вступили и идеологи украинского национализма. ❷

Символическая карта Европы 1854 года. Напечатана в Брюсселе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЛЮБЛЕННЫЙ В РОССИЮ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

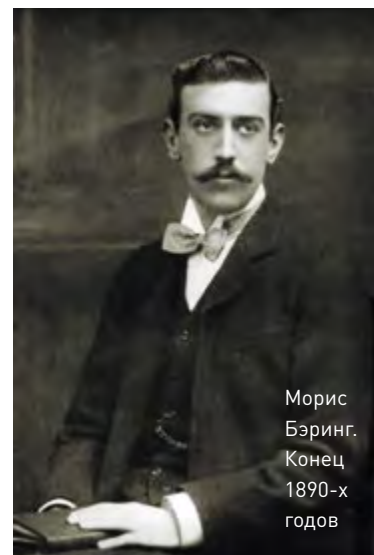
«РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ». ФРАЗА ЭТА ПРОИЗНОСИТСЯ, ИЗВЕСТНОЕ ДЕЛО, С НАСМЕШКОЙ И УСТАЛОСТЬЮ В ГОЛОСЕ. ЧАСТО СОВЕРШЕННО СПРАВЕДЛИВО. ИДЕАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО – ЗАНЯТИЕ НЕБЛАГОДАРНОЕ, ПОРОЙ НАИВНОЕ. А ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ МИНУВШИХ «ЗОЛОТЫХ» ВЕКОВ «МРАЧНОМУ» НАСТОЯЩЕМУ И ВО ВСЕ НЕЛЕПО: ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ ВСЕГДА ОБУСЛОВЛЕН ВЧЕРАШНИМ. МЕЖ ТЕМ ИМЕННО ТАКУЮ РОССИЮ, ПОТЕРИ КОТОРОЙ БЕЗУМНО ЖАЛЬ, ИЗОБРАЗИЛ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЛУЧШЕ ДРУГИХ НЕ МОНАРХИСТ, НЕ СЛАВЯНОФИЛ, А АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛИСТ И ЛИТЕРАТОР МОРИС БЭРИНГ.

Э ТОТ АНГЛИЧАНИН не очень известен у нас, а на русский язык переведены только две его книги. И это удивительно! Морис Бэринг провел в России несколько лет, напи-

сал несколько работ о своих наблюдениях. И они не только интересны, правдивы, доброжелательны – уже невероятно редкое сочетание! – но еще и недурно написаны. Бэринг – тот человек, который заразил

русофилией Герберта Уэллса и Гилберта Честертона, и тот человек, который развеял в своем отечестве мрачные и несправедливые кипплинговские представления о России. Что же это за чудесный деятель и откуда он взялся?

Морис Бэринг родился 27 апреля 1874 года в Лондоне. Отец будущего публициста, лорд Ревелсток, был главой старейшего банка Лондона – Baring Brothers, в котором были открыты счета российского правительства. Дядя Мориса Бэринга был комендантом Виндзорского замка, так что ребенком Морис сидел на коленях у королевы Александры – сестры императрицы Марии Федоровны, супруги Александра III. Разумеется, Морис Бэринг получил прекрасное образование: сначала он окончил Итонский колледж, затем – Тринити-колледж Кембриджского университета. С 1898 года служил дипломатом в Париже, Копенгагене, Риме. Однако вскоре ушел с дипломатической службы, стал путешествовать, попробовал себя в журналистике. В 1904 году он стал корреспондентом газеты The Morning Post и с началом Русско-японской войны отправился на театр боевых действий. Результатом этой командировки стала книга «С русскими в Маньчжурии» и страстное желание узнать об удивительном народе больше.

Морис Бэринг. Конец 1890-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

В начале XX столетия наблюдался всплеск интереса к России в Старом и Новом Свете. Гениальный Шаяпин, дягилевские Русские сезоны в Париже, проза Чехова, завораживающий социалист Горький. Пик моды на все русское пришелся на конец первого десятилетия XX века.

Бэринг был одним из тех немногих, кто поехал в Россию не на волне ажиотажа, а ведомый собственными смутными, но непреодолимыми побуждениями. Как немецкий поэт Рильке, как страстный британский славянофил Грэхем, как неутомимый Дюма. Для того чтобы загореться любовью к России, Бэрингу оказалось достаточно соприкоснуться с русскими во время Русско-японской войны.

Русские люди и все русское так впечатлили иностранца, что, приехав в 1904 году в Россию, он погрузился в нашу культуру и овладел языком. Язык был необходим, Бэринг не мог мириться с зависимостью от переводчиков. К тому же он быстро понял, что «для говорящего по-русски и для не говорящего по-русски существуют два абсолютно разных русских народа». Следующие семь лет Бэринг жил на две страны, при этом русские периоды, кажется, длились дольше британских. Жил британец чаще всего в имении Бенкендорфов в деревне Сосновка – с семьей русского посла Александра Бенкен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дорфа Бэринг сошелся еще во время дипломатической службы в Копенгагене. Бенкендорфы познакомили Мориса с многими видными людьми. Вот как вспоминала о нем писательница Нина Берберова: «Бэринг – фигура замечательная, какая могла появиться только в Англии, и только в устойчивом мире начала XX века. Его все любили, и он всех любил; он бывал всюду, и все его знали. Семейство русского посла, Александра Константиновича, он попросту обожал, и не только самого посла, <...> и графиню Софью, и их взрослых сыновей, Константина и Петра, но и брата посла, графа Павла Константиновича, гофмаршала и министра двора».

Однако Морис Бэринг не только блистал в гостиных русских аристократов, он проникал во все слои общества. Представляясь Маврикием Эдуардовичем, разговаривал с полицейскими, извозчиками, дворниками, общался с врачами, учителями, юристами.

Александр Константинович Бенкендорф (1849–1917), российский дипломат, посол в Великобритании с 1902 по 1916 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги М. Бэринга «Год в России». 1907 год

Для The Morning Post Бэринг писал репортажи о работе и роспуске Думы, эссе о бурной политической жизни Петербурга, а также литературные рецензии. Например, Бэринг первым обстоятельно рассказал англичанам о Чехове. В 1907 году его материалы о русской жизни вышли отдельной книгой «Год в России».

Разумеется, в этот сборник вошли наблюдения иностранца и о первой русской революции. В этом смысле англичанину было интересно все: причины, возможные последствия, отношение к происходящему представителей разных классов. Он с удивлением отмечал, что многие «говорят о революции как о некоем злом духе, который безо всякой причины возник из адских глубин, подобно чуме, как будто она не была абсолютно логичным и неизбежным результатом особенно плохого управления, которое было принято в России последние двадцать лет».

Впрочем, ответственность возлагал британский публицист не только на российское правительство, но и на общество. «Идея коллективной ответственности некоторых русских просто шокирует, – писал журналист в 1906 году, – система пришла к абсолютному стиранию ответственности – из-за ее постоянного перемещения между разными инстанциями. Результатом этого стала революция безответственности». Также одну из причин возникшего хаоса Бэринг видел в разрыве между невероятной личной свободой, которой обладает русский человек, и политическими препоными, которые не дают ему вернуться в гражданском поле, в непонимании сущности этих препоны и того, как с ними следует бороться и какой, собственно, может и должна быть альтернатива. Причем ответа на последний вопрос не знали, кажется, даже самые передовые люди. «Представители высшего света в России часто образованны гораздо лучше, чем в других странах, но их понимание природы конституционного правительства не лучше, чем у турок», – отмечал Бэринг.

В имении графа Бенкендорфа Сосновка. Тамбовская губерния. Лето 1894 года

НАКОПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Но если в 1906–1907 годах публицистика Бэринга представляла собой все же в основном наблюдения, то позже, благодаря большому погружению в русскую жизнь, благодаря изучению истории, литературы и публицистики, общению с представителями русской интеллигенции, его работы стали уже претендовать на более глубокий анализ всего происходящего в России. В 1910-х годах по своим взглядам он приблизился к русским мыслителям и публицистам, авторам знаменитых «Вех»: Бердяеву, Булгакову, Гершензону и другим.

В 1910–1911 годах последовательно выходят две книги Бэринга: «Вехи русской литературы» и «Русский народ». В первой он знакомит английского читателя с самыми яркими русскими классиками. Вторая книга, по сути, является комментарием к первой. Невозможно понять русскую литературу, не понимая, что представляет собой русский характер. Англичанин обстоятельно объясняет соотечественникам, что такое русская веселость и как она проявляется в творчестве Гоголя, рассказывает, откуда берутся слабые, но восторженные натуры Тургенева, какие глубины скрываются в незаметных персонажах Чехова и почему они так иронично-грустны. И, конечно, он говорит о безднах, открытых Достоевским. «Противоречивые качества не просто уживаются в русском – зачастую их проявления сменяют друг друга очень быстро, мгновенно чередуясь», – писал Бэринг. – В этом есть нечто судорожное; русский стремительно переходит от одного настроения к другому: от отчаяния к безудержному веселью, от апатии к энергичной деятельности, от смирения к бунту, от возмущения к покорности. <...> Но и гуманность русских имеет оборотную сторону: готовность к всепрощению, часто встречающуюся моральную бесхребетность».

Книга
М. Бэринга
«Русский народ».
1911 год.
Разворот

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Однако вышеперечисленные работы – это еще не главный труд Мориса Бэринга. Главной книгой о нашей стране стал труд «Что движет Россией» (в другом переводе – «Главные истоки России»), опубликованный в 1914 году. В нем Бэринг касается уже практически всех сфер русской жизни. Он открывает работу с исторического экскурса, описывает русское крестьянство, рассказывает о жизни высших сословий, объясняет феномен русской интеллигенции, растолковывает, как устроена государственная система и откуда берутся революционные настроения, дает представление о русском образовании, церкви, правосудии и в конце концов признается России в любви.

**«ОГЛЯДЫВАЯСЬ
В ПРОШЛОЕ»**

Так называется первая и самая короткая глава книги. Интересен тут, конечно, не сжатый и очень поверхностный пересказ того, что происходило в России в течение многих веков. Да его, собственно, и нет, такую задачу автор перед собой и не ставит. Но в главе развенчиваются распространенные тогда исторические мифы об изначальной отсталости России, связанной с географическим положением, и необратимом усугублении этой отсталости монголо-татарским игом. Бэринг напоминает западному читателю, что Россия вообще-то еще в X–XI веках была неотъемлемой частью европейской политиче-

Санкт-Петербургский императорский университет, студенческий митинг
18 октября
1905 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ской системы и «была ничуть не более отсталой, чем тогдашняя Франция или Англия». Конечно, азиатское нашествие повлияло на развитие страны, и, разумеется, не в лучшую сторону, однако Бэринг считает, что негативные последствия ига почти полностью были преодолены в эпоху Петра I: «За несколько лет он проделал работу многих поколений. Он перенес столицу страны, выстроил Санкт-Петербург на болоте, создал армию, флот, завербовал на российскую службу множество иностранцев. <...> Конечно, дело не обошлось без изъязнов: он вынуждал народ принимать его реформы против воли, насилием и неистовством. Стране приходится платить за гения, даже если он действует правильно, ради блага государства и в конечном счете в соответствии с ее национальным духом». Протестует Бэринг и против мифа о русском рабстве как составляющей характера. Приверженцы идеи о природной русской покорности в качестве аргумента всегда приводят крепостное право. Дескать, неслыханное же дело: рабство в России основано не на колониальной политике, оно не возникло в результате захватнических войн (как будто обращение в невольников людей с кожей другого цвета морально оправдано), а зародилось как будто само по себе, просто потому, что русский мужик ленив, глуп и труслив. Бэринг соглашается только

с первой частью, но горячо оспаривает другую. Он утверждает, что изначально согласие на прикрепление к помещичьим землям было уступкой со стороны крестьянства, потому что этого требовал исторический момент. Однако когда необходимость в такой организации труда исчезла (развитие экономики, науки, промышленные революции), а закрепощение, наоборот, усилилось, когда крестьяне поняли, что их обманули (дворян освободили от обязательной государственной и воинской службы, а с мужика стали драть три шкуры), страну стали сотрясать бунты и восстания. Да, переломить ситуацию снизу уже почти не представлялось возможным, крестьяне утратили все права, а государство обладало мощным репрессивным аппаратом, но и говорить о согласии крестьянства с таким положением дел было нельзя. Однако недовольство зрело, причем во всех сословиях, поскольку старый уклад тормозил развитие государства, и в конечном счете власть пошла на отмену крепостного права.

Женский дворянский институт. Директриса, попечители, педагоги и учащиеся. 1910-е годы

Представители московского дворянства на Романовских торжествах 1913 года: граф С.Д. Шереметев, А.Д. Самарин, А.К. Варженевский

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СОСЛОВНОЕ ОБЩЕСТВО

Любопытно, как рассказывает британцам Морис Бэринг о русских сословиях и их взаимоотношениях. Это весьма далеко от того противопоставления классов, к которому мы привыкли, отчасти благодаря советской интерпретации трудов Маркса и Энгельса.

Обескураживает, например, то, как англичанин удивляется «гигантской численности» дворян, ведь это привилегированное меньшинство. Но Бэринг судит со своей колокольни, он пытается сравнивать русское высшее сословие с английской аристократией, со всеми этими лордами и пэрами, но не находит основания для сопоставления. Иностранец отмечает, что даже самые родовитые русские фамилии растворены в обществе настолько, что не играют той политической роли, которая могла бы отводиться им в Великобритании. Русское дворянство Бэринг описывает как сословие куда более демократичное, лишенное кастовости и снобизма. Отчасти это можно объяснить тем, что Бэринг застал закат дворянства. Отчасти это действительно обусловлено исторически, ведь дворянином в России мог стать даже выходец из низших сословий – примеров тому немало. А что до представителей древних знатных родов, то еще со времен Ивана Грозного, по мысли Бэринга, они предпочитали не объединяться и создавать политические коалиции, а враждовать друг с другом за первенство, и правитель использовал эти раздоры, чтобы легче было расправляться с неудобными. «В российской истории есть аристократы, но нет аристократии – и когда эти аристократы пользовались влиянием, их не объединял ни общий дух, ни какая-либо общая задача. Поэтому короне было нетрудно их разобщить», – считает Бэринг.

С нескрываемой симпатией Бэринг пишет о русском крестьянине. «Средний читатель, имеющий некое смутное представление о России, вероятно,

считает русского крестьянина крепостным, а значит, дикарем, которого едва коснулась цивилизация, – существом, недалеко ушедшим от животного. <...> Однако, несмотря на века крепостничества, русские люди, за исключением отдельных случаев, никогда не были рабами. <...> Так уж случилось, что мне доводилось сталкиваться с русским крестьянином <...> и его взгляд на жизнь, понятия о добре и зле кажутся мне разумными». Англичанин много пишет о религиозности, совестливости, трудолюбии и смекалистости русских крестьян. И отмечает, что, даже несмотря на все недоработки реформы 1861 года и последующие ограничения и сложности, крестьяне добились огромных успехов в обретении не только личной, но и финансовой свободы.

Особый интерес проявляет Бэринг к русской интеллигенции. Тут он пускается в долгие объяснения, чтобы растолковать европейцу, что это вообще за феномен, ведь сравнивать ему особенно не с чем. Все, что отдаленно может походить на это странное сообщество на Западе, – образованный средний класс, работники умственного труда, буржуа, стремящиеся к культуре, – все это на самом деле совсем непохоже на русскую интеллигенцию. Хорошо, что русскому читателю ничего объяснять не надо, но кое-что уточнить стоит. Относя к интеллигентам всех русских, занимающихся преимущественно интеллектуальной и общественно-полезной деятельностью, вовлеченных в общественно-политическую повестку, Бэринг разделяет их на две большие группы, между которыми существует если не раскол, то недопонимание: на хорошо образованных и полубразованных представителей этого класса.

«Русские необычайно образованны, – пишет Бэринг, – неизмеримо, несравнимо образованнее среднего англичанина. Порой они даже слишком образованны. Русский ум легко

Герберт Уэллс
(сидит в санях)
и Морис Бэринг
(стоит в центре)
зимой 1914 года
в деревне
Вергежа
Новгородской
губернии
в гостях
у народовольца
А.В. Тыркова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

усваивает знания, очень быстро все схватывает: это чуткий, восприимчивый, гибкий, живой ум. У людей по природе вдумчивых, усердных и серьезных такие качества, конечно, порождают широкую и глубокую культурность. Но в том, что касается полубразованных людей – тех, кто быстро, но поверхностно впитал идеи, витающие в воздухе по всей Европе, – результатом становится абсолютная незрелость, нечто пустое, разбавленное, неглубокое. <...> Полубразованные русские словно застряли в подростковом возрасте. Они отбросили то, что считают детскими суевериями, восприняли в качестве неоспоримых догм самые передовые, по их мнению, идеи Западной Европы и наполнили ими жесткую «литейную форму», в которой эти догмы застывают до конца их дней». Англичанин досадует на радикализм и воинствующий

нигилизм недоучившихся интеллигентов, препятствующих конструктивной полемике и постепенному преобразованию общества. Он сравнивает их с выпускником Оксфорда, который «читает Евангелие как обычную книгу», рядится в неистовый атеизм только потому, что это модно, и меняется лицом, когда узнает, что тренд, как сказали бы мы сейчас, изменился. Бэринг пишет, что хотя в России таких самоуверенных молодых людей пытались просвещать сначала Достоевский, Тютчев и Соловьев, а затем Бердяев, Булгаков и Эрн, Рачинский, Флоренский, Кожевников, Самарин, Мансуров – «в их сознание эти новые сведения пока не проникли».

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

Достижениям российского образования посвящена отдельная глава. Да, достижениям. Как бы странно это ни воспринималось после многих лет большевистской риторики, что именно при советском строе в огромной, невежественной и дикой стране были побеждены безграмотность и бескультурие. Да, даже во время проживания Бэринга в России школами было охвачено не более четверти населения, ремесленными училищами и вузами еще меньше, однако динамика развития этой сферы была такова, что достигнуть цели по обязательному

Трехгодичная
церковноприход-
ская школа
в Ярославской
губернии.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

начальному образованию можно было уже к 1919–1920 годам. Конечно, если бы не случились Первая мировая, революция и Гражданская война.

Дело, впрочем, не в цифрах, дело в качестве. Бэринг пишет: «Если взять среднего русского школьника тринадцати лет и поместить его в английскую школу, задания, которые даются нашему среднему тринадцатилетнему ученику, покажутся ему не только легкими, а просто детской забавой. <...> Помню, как-то один русский, показав мне некоторые пассажи из научно-популярной книжки некоего английского профессора, заметил, что в России и ребенок бы не написал таких глупостей. Да меня и убеждать в этом не надо было – я с ним полностью согласен».

Но не могло же быть все прекрасно. Говорит англичанин и о недостатках: «Если оценивать российскую систему образования в целом, приходится сделать вывод: хотя ее «человеческий материал» – ученики и учителя – хорош, а преподавательский состав превосходен, сама она постоянно и коренным образом страдает от политики если не репрессий, то непрерывной цензуры, вмешательства, проверок, придирок и помех. Все это иссушает жизнь русских школ и вузов, лишает ее в глазах учеников всякого интереса и живости. Система образования сводится к официальной машине, выпускающей либо касту посредственностей-бюрократов, либо бунтарей».

Впрочем, прорастали и через насаждающийся всюду принцип «как бы чего не вышло» великолепные цветы. Об этом свидетельствовало развитие русского искусства. Бэринг дает высокие оценки русской литературе, театру, музыке, хвалит русскую публику, чей уровень «гораздо выше, чем в Англии». К особому культурному феномену относит англичанин русскую религиозность и русскую церковь, причем не разделяет, как многие его современники, одно и другое. Англичанин восхищается

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

русскими обрядами и обычаями, его завораживают православные церковные службы и песнопения. «Русские церковные хоры не имеют себе равных в мире. <...> Религиозная музыка в России уходит корнями в душу ее народа. <...> Для крестьянина церковь не только средоточие тайны, безмятежности и утешения, но и окно в мир духовности – его опера, его театр, его концертный зал, его картинная галерея, его библиотека».

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

Книга эта – как будто прощание с Россией. Оттого, наверное, последняя глава, «Очарование Россией», будучи самой светлой, кажется и самой грустной. Автор словно предчувствует, что его расставание с Россией неизбежно, что обстоятельства и история повернутся так, что ему придется ее покинуть. Так и случилось. В 1912 году Бэринг от-

Гилберт Кит Честертон, Морис Бэринг и писатель Хилэр Беллок. Картина работы художника Г.-Д. Ганна. 1930-е годы

Фронтиспис и титульный лист книги М. Бэринга «Что я видел в России». 1927 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

правился в кругосветное путешествие, в 1913-м, являясь корреспондентом The Times, поехал на поля сражений Балканской войны. В России последний раз он был в 1914 году, когда сопровождал в путешествии по Петербургу своего друга Герберта Уэллса. Потом он вернулся в Лондон и во время Первой мировой войны служил в штабе главного авиационного управления. Впоследствии был произведен в майоры и награжден почетным Орденом Британской империи.

После прихода к власти большевиков Россию Бэринг не посещал. В отличие от того же Уэллса. И это объяснимо. Уэллс хоть и отринул идеалы социализма, все же увлекался левыми идеями в начале XX века, состоял в Фабианском обществе, ему было интересно увидеть, к чему привело воплощение социалистических идей в России. Бэринг же, хоть и предсказывал повторение революции в России, совсем ее не хотел, предостерегал русских от этой ошибки, для него она значила торжество незрелых идей, грубой силы, невежественного анархизма.

Однако о России Бэринг не забывал. В 1920–1930-х он переводит Пушкина и Лермонтова, составляет антологии русской поэзии. Пишет рассказы, пьесы, повести и романы, в некоторых из них находит отражение опыт жизни в России (например, рассказы «Офицер полиции» и «Аморфисты», пьесы «Двойная игра» и «Серый чулок»). В художественных произведениях Россия предстает уже в довольно мрачных тонах, но это потому, что героями в них оказываются полубразованные революционеры, чиновники-взяточники, провокаторы – вся та публика, которая Бэринга морально и физически отталкивала.

Последние годы жизни Морис Бэринг провел в Шотландии, где уже больной жил под присмотром друзей в замке Бофорт. Там же он и скончался 14 декабря 1945 года. ❶

«ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

КАЖЕТСЯ, САМА ЕГО ЖИЗНЬ ДАВАЛА ПОВОДЫ ДЛЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕГЕНД. ОН ЖИЛ НА ДРУГОМ КОНЦЕ СВЕТА СРЕДИ ДИКАРЕЙ. ЕГО ПОСЧИТАЛИ ПОГИБШИМ, ОПУБЛИКОВАЛИ НЕКРОЛОГ, А ОН ОКАЗАЛСЯ ЖИВ. СОВРЕМЕННОКИ ПРИНИМАЛИ ЕГО ЗА МОГУЧЕГО ОДИССЕЯ И ПОРАЖАЛИСЬ ЕГО БОЛЕЗНЕННОСТИ, КОГДА ЗНАКОМИЛИСЬ С НИМ. ОН ВОШЕЛ В ПАПУАССКОЕ И СОВЕТСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО – КАК БОЖЕСТВО У ОДНИХ И КАК МАТЕРИАЛИСТ И БОРЕЦ С КОЛОНИАЛИЗМОМ У ДРУГИХ. ВПРОЧЕМ, В ЖИЗНИ НИКОЛАЯ МИКЛУХО-МАКЛАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕМУДРЕНО ЗАПУТАТЬСЯ.

ДВОЙНОЙ ФАМИЛИЕЙ Николай Николаевич обзавелся в студенческие годы. Сам он рассказывал такую историю: во время восстания Богдана Хмельницкого в плен к казакам попал шотландский наемник Микаэль

Маклай. На Украине он прижился, взяв фамилию Миклуха. Никаких документальных подтверждений этому нет. Для чего ученому понадобилась шотландская «добавка»? Скорее всего, он просто тяготился простонародной фамилией отца. Николай

Николаевич утверждал также, что его прапрадед, хорунжий казачьего полка Степан Миклуха, получил потомственное дворянство за героизм, проявленный при штурме Очакова. Это тоже легенда. Стародубский казачий полк, где служил Миклуха, не участвовал в той осаде.

НЕУГОМОННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

О своем отце Николай Николаевич упоминал редко, хотя мог им гордиться. Николай Ильич Миклуха в 1837 году окончил колледж в Нежине и пешком (!) пришел в Петербург учиться на инженера-путейца. Дослужился до начальника Николаевского (ныне Московского) вокзала Санкт-Петербурга. В 1844 году женился на Екатерине Семеновне Беккер, дочери героя Отечественной войны 1812 года. 17 июля 1846 года у супругов родился второй сын, Николай; семья тогда жила по месту службы Николая Ильича – в деревне Языково Новгородской губернии. В 1855 году Миклухи окончательно переехали в Петербург. Через два года отец умер, оставив вдову с четырьмя детьми в тяжелом финансовом положении. Бедность будет всю жизнь преследовать Миклухо-Маклая.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Отец путешественника
Николай Ильич Миклуха

Поначалу науки Николая не привлекали, в гимназии он учился посредственно. Зато хорошо рисовал и даже думал поступать в Академию художеств. Осенью 1863 года он записался вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет, но вскоре был исключен за участие в студенческих беспорядках. Позже Николай Николаевич писал, что его исключили без права поступления в университет. Это была очередная легенда для объяснения своего отъезда на учебу в Германию. Мать мечтала, что сын станет врачом.

Сначала Николай учился в Гейдельберге, потом в Лейпциге, но в итоге остановил выбор на медицинском факультете университета в Йене. Быстро выяснилось, что врачебная практика ему скучна, а вот научные исследования студента манили. Николай стал ассистентом своего преподавателя, философа и естествоиспытателя Эрнста Геккеля – автора таких терминов, как «питекантроп», «филогенез» и «онтогенез». Миклухо-Маклай зарисовывал для него данные микроскопических наблюдений так старательно, что в итоге оказался в больнице с диагнозом «легкий паралич левой половины лица». В 1866 году Геккель взял ассистента с собой в экспедицию на Канарские острова, где Николай впервые в науке описал кремнеугольную губку.

Мать ученого Екатерина Семеновна Миклуха (в девичестве Беккер)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Осенью 1868 года в составе экспедиции ученика Геккеля, зоолога Антона Дорна, Миклухо-Маклай отправился на Сицилию. Здесь Николай узнал о скором открытии Суэцкого канала и загорелся идеей изучить фауну Красного моря до того, как на нее начнет влиять фауна Средиземного. Но нужны были деньги. Пришлось обратиться за помощью к матери, не одобрявшей занятия сына наукой. С трудом ему удалось получить от нее 300 рублей. Весной 1869 года он выехал с Сицилии и отправился в Джидду (Саудовская Аравия) – этот город Николай решил избрать базой для исследований. Это была его первая самостоятельная экспедиция. Не остановило молодого исследователя и то, что время для нее было выбрано неудачно: путешествие пришлось на время хаджа, а Джидда служила перевалочным пунктом на пути мусульман

Эрнст Геккель и его ассистент Николай Миклухо-Маклай. Канарские острова. 1866 год

Николай Николаевич во время своей первой самостоятельной экспедиции на Красное море

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в Мекку. «Неверного» просто не посадили бы на корабль, следующий в Джидду. Николай решил замаскироваться: обрил голову, надел бурнус, выучил несколько фраз на арабском. Но на корабле конспиратора разоблачили и едва не скинули за борт. Молодой ученый остановил разъяренных паломников, пригрозив им «загадочным»... микроскопом.

На Красном море он собрал богатую коллекцию губок, которая сейчас хранится в Зоологическом музее РАН. Видимо, после этой экспедиции он определился с выбором своего поприща: исследовать малоизученные уголки мира. Сначала Николай планировал поехать на Северный полюс. Отправил запрос на участие в германской и шведской полярных экспедициях. Получил отказы. И только после этого задумал отправиться в Новую Гвинею.

8 октября 1869 года он представил в Российское географическое общество (РГО) проект своей экспедиции. И нашел поддержку. Правда, вместо 5 тысяч рублей, запрошенных Миклухо-Маклаем, общество выделило только 1200. Мать дать деньги на экспедицию отказалась. Исследователя поддержали члены РГО – оборудованием и небольшими денежными суммами. Вопрос доставки на Папуа удалось решить с помощью великой княгини Елены Павловны.

В этой экспедиции его интересовала не столько биология малоизученной земли, сколько этнография папуасов. За чистой наукой скрывались и гуманистические цели. Многие антропологи тех лет отстаивали неравноценность человеческих рас, отводя главенствующее место «белой расе». Некоторые европейские ученые критиковали подобные взгляды. В том числе Томас Хаксли и Карл Бэр, под сильным влиянием трудов которых находился Миклухо-Маклай. И, кстати, именно Карл Бэр, один из старейшин РГО, первым отметил исследовательский потенциал молодого Миклухо-Маклая.

ТАМО РУСС

Долгих 11 месяцев плавания Миклухо-Маклая на корвете «Витязь» к берегам Новой Гвинеи были насыщены событиями: встречи с учеными в Европе, шторма, кораблекрушение, научная работа и романтические приключения в Южной Америке.

Научные интересы Миклухо-Маклая все больше склонялись к этнографии. Во время стоянки в Рио-де-Жанейро он устроился на работу в больницу, где исследовал черепа представителей разных народов, а самых «интересных» пациентов водил к фотографу. Надо сказать, с черепами у Миклухо-Маклая были особые отношения. Еще студентом в Йене он влюбился в юную пациентку госпиталя, где проходил практику. Девушка ответила взаимностью, но, увы, скончалась. Перед смертью она завещала свой череп возлюбленному. Николай сделал из него... настольную лампу. Череп он установил на скрещенные локтевые кости; венчал конструкцию масляный резервуар с фитилем и абажуром. «Свет лампы, отражавшийся от абажура, рельефно оттенял впадины глаз, носа, освещал зубы» – так описывал лампу брат ученого, Михаил. Николай Николаевич возил эту лампу в экспедиции двадцать лет, вплоть до переселения в Австралию.

На островах Полинезии Миклухо-Маклай сделал последние приготовления к высадке на Папуа и нанял двух слуг: шведского матроса Ольсена и мальчику-туземца по прозвищу Бой.

Для исследований ученый избрал северо-восточный берег Новой Гвинеи, как наиболее удаленный от морских путей и где местные аборигены вряд ли были знакомы с западной цивилизацией. 20 сентября 1871 года «Витязь» зашел в залив Астролябия и был замечен в деревнях на берегу. Папуасы бежали от «великой лодки», в опустевшем поселении пришельцев встретил только один человек – самый любопытный из жителей.

Корвет «Витязь» за сорок лет службы совершил два кругосветных путешествия. И так сложилось, что оба раза на его борту путешествовал Миклухо-Маклай

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Звали его Туй, и в дальнейшем он стал настоящим другом Николая Николаевича.

Команда «Витязя» построила для ученого добротную хижину и оставила ему значительный запас провианта. Туй показывал знаками, что, как только корабль уйдет, папуасы разрушат хижину и убьют оставшихся. Тогда вокруг хижины закопали мины, фитили от которых провели в дом с помощью бамбуковых трубок...

В первое время ученому пришлось несладко. Папуасы в самом деле угрожали убить пришельцев. Враждебному настроению немало способствовало и то, что матросы «Витязя» ограбили аборигенов. Брали любые понравившиеся им вещи: копья, барабаны, черепа предков... Взамен оставляли «ничтожную тряпку или бутылку». А заготавливая дрова для судна, без спроса островитян рубили кокосовые пальмы рядом с деревней. Но Миклухо-Маклай не дрогнул: отвага, с какой ученый общался с папуасами, возыме-

ла действие. От непрошенных гостей отстали.

Вскоре сам Николай Николаевич, несмотря на мучившие его приступы малярии, предпринял вылазки в близлежащие деревни. В деревне Бонгу перед папуасами, пытавшимися напугать его, пуская стрелы, Миклухо-Маклай лег на землю и... уснул. А проснувшись, понял, что жители деревни перестали воспринимать его как врага.

Ученого называли «тамо русс» – «человек из России». Позднее он получил также прозвище «каа-рам тамо», что Миклухо-Маклай перевел как «человек с Луны». На самом деле прозвище означает «лунный человек» и, видимо, отсылает к цвету кожи «тамо русс». Кстати, Луна в представлении папуасов – очень маленький объект, что-то вроде кухонного горшка. Возможно, Николай Николаевич намеренно искажил перевод: ученый был человеком довольно тщеславным. 300 километров побережья, где он жил, Николай Николаевич назвал Берегом Миклухо-Маклая.

Хижина Миклухо-Маклая с российским флагом в заливе Астролябия. 1876 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Туй, друг ученого из деревни Горенду

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ТАМО БОРО-БОРО

Николай Николаевич был занят работой, а его спутники – Ольсен и Бой – хандрили и требовали заботы. У Боя начали стремительно развиваться опухоли лимфоузлов в паху. Несмотря на старания выпускника медицинского факультета, мальчик умер, не выдержав и трех месяцев пребывания на Новой Гвинее...

Вера папуасов в сверхъестественные способности пришельца появилась после того, как Николай Николаевич в их присутствии поджег спирт. Папуасы пришли в ужас и стали умолять «не поджигать море». А авторитет «тамо русс» укрепился после того, как он вылечил Туя от серьезного ранения головы. Ученый стал желанным гостем в деревнях. От него больше не прятали женщин. Более того, настоятельно предлагали взять жену и однажды ночью «подложили» невесту. Ученый категорически отказывался. Так у папуасов укоренился миф, что «Маклай нангели аварарен» («Маклая женщин не нужно»). На самом деле ученый был

очень влюбчив, пережил немало романтических историй, в том числе и с аборигенками Океании. Но в заливе Астролябия Николай Николаевич жил аскетом, опасаясь нарушить генетическую чистоту предмета исследования. Появившиеся в конце XX века легенды о детях ученого в Папуа – очередной миф.

Исследователь собрал богатейший научный материал, стал другом для папуасов. Они называли его «тамо боро-боро» – «большой-большой человек», почти божество. Николай Николаевич и сам искренне любил папуасов, восхищался их трудолюбием, умением каменными топорами делать лодки и разнообразные предметы быта. Местные папуасы не знали железа. Первые железные топоры они получили от «тамо боро-боро»...

Малярия и лихорадка стали самыми тяжелыми испытаниями на острове. Ученый не отличался крепким здоровьем. Впервые он подхватил малярию еще на Сицилии. На Папуа его и Ольсена спасал хинин – единственное

Карта маршрута к Берегу Маклая, нарисованная ученым в 1876 году

Портрет Миклухо-Маклая, сделанный, видимо, в Сингапуре в 1876 году

тогда средство от малярии, позволявшее лишь сгладить приступы. Между тем в России поползли слухи о гибели ученого. В июле 1872 года петербургские газеты сообщили о его смерти. В отчете РГО говорилось: «Г. Миклуха был редкий тип мученика науки, пожертвовавший жизнью для изучения природы».

Изначально планировалось, что исследователя заберут с острова через год. В связи с трагическими сообщениями в прессе Морское министерство активно занялось отправкой корабля. И все же процесс растянулся до декабря 1872 года: клипер «Изумруд» прибыл в залив Астролябия с трехмесячным опозданием.

Тем временем Ольсен окончательно впал в отчаяние, боясь, что никто за ними не приплывет и придется остаться среди папуасов. Николай Николаевич оптимизма не терял, даже несмотря на то, что хижина начала разваливаться. Более того, когда пришел корабль, он раздумывал: уплыть с острова или остаться, отправив в Россию собранные коллекции? Папуасы не хотели отпускать «лунного человека», предлагали построить ему по хижине в каждой деревне, обеспечить провизией и женами. Но уехать ученому все же пришлось: нужно было поправить здоровье и опубликовать результаты исследований.

Для поисков ученого в команду клипера «Изумруд» был включен мичман Рончевский, который доставил путешественника на остров на корвете «Витязь»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ОТСТОЯТЬ ПАПУАСОВ В ОДИНОЧКУ

Правда, до родины он не добрался. В январе 1873-го «Изумруд» на полтора месяца остановился на Тернате (восточная Индонезия), где Николай Николаевич подлечился и тут же отправился исследовать местные острова. В марте «Изумруд» был в Маниле, в апреле прибыл в Гонконг, где Николай Николаевич с удивлением узнал, что стал известным ученым, о котором восторженно писали британские газеты. Здесь же он заинтересовался проблемой наркомании и решил сам испытать последствия курения опиума. Результатом стала статья «Опыт курения опиума (физиологическая заметка)».

Находясь в Гонконге, Миклухо-Маклай обратился к генерал-губернатору Нидерландской Ост-Индии Джеймсу Лаудону с просьбой разрешить участвовать в голландской экспедиции на Новую Гвинею. Согласие не заставило себя ждать. И в Батавии (ныне – Джакарта) ученый покинул «Изумруд» и поселился в резиденции Лаудона в Бейтензорге (ныне – город Богор на Яве). Здесь он писал статьи о несостоятельности «научного расизма», опроверг теории о «пучкообразном» росте волос и «шершавости» кожи у папуасов. Научные занятия не мешали личной жизни: Миклухо-Маклай увлекся женой губернатора Луизой. Голландская экспедиция меж тем откладывалась. Николай Николаевич прожил у губернатора полгода, после чего решил идти к Новой Гвинее самостоятельно. Лаудон пристроил ученого на голландский корабль, следующий в Папуа-Ковиай – юго-восточное побережье Новой Гвинеи.

В отличие от залива Астролябия Папуа-Ковиай был известен европейцам. Голландцы еще в 1828 году построили там форт, но малярия дважды выкосила поселенцев, после чего форт был заброшен. Ковиай также был известен как обиталище папуасов-каннибалов. Но Миклу-

Николай
Николаевич
с семьей
Джеймса
Лаудона
в Бейтензорге

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Луиза Лаудон,
жена губернатора

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сов, помогавших ученому, убили, других – взяли в рабство. Вернувшись, Николай Николаевич продемонстрировал чудеса храбрости. Вооружившись винтовкой и взяв с собой двух слуг, он ворвался в логово грабителей и арестовал главаря.

Из экспедиции ученый вернулся в Бейтензорг. Правда, ненадолго. Помимо романа с Луизой у него завязались нежные отношения с ее дочерью Сюжеттой. Разразился большой скандал, так что Миклухо-Маклай поспешил покинуть Яву. Он переехал в Сингапур, где ему оказал поддержку генерал-губернатор Эндрю Кларк. Из Сингапура ученый совершил две экспедиции по Малаккскому полуострову (современные Малайзия и Таиланд) и стал первооткрывателем нескольких племен.

Летом 1875 года Миклухо-Маклай начал готовиться ко второй длительной экспедиции в залив Астролябия. Ученого встревожили сообщения о скорой колонизации северного Папуа Велико-

хо-Маклая это не остановило. Сразу после высадки на берег ученый взялся за дело: измерял головы папуасов, собирал черепа и кости из заброшенных захоронений, изучал местные языки, добывал и консервировал морских губок, а также небольших птиц. Часть коллекции, правда, разграбили туземцы, напавшие на базу исследователя в его отсутствие. Вещи разграбили, некоторых папуа-

Страницы
дневника
из экспедиции
по Малаккскому
полуострову
в 1875 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

британией. Причем настолько, что он написал письмо императору Александру II с просьбой защитить папуасов: «Не как русский, а как Тамо-боро-боро (наивысший начальник) папуасов Берега Маклая я хочу обратиться к Его Императорскому Величеству с просьбой о покровительстве моей страны и моих людей и поддержать мой протест против Англии». Не получив ответа, защитник папуасов написал в РГО, что сам отстоит независимость папуасов, и отправился в залив Астролябия на шхуне голландского торговца К. Шомбургка.

Теперь «тамо русс» явился на Берег Маклая с двумя слугами и 12-летней «временной женой» Мирой, которых он подобрал по дороге на островах Меланезии. От его старой хижины остались одни сваи. Новый дом для ученого построили близ деревни Бонгу.

Второе пребывание на Берегу Маклая оказалось самым длительным. Николай Николаевич побывал в 27 деревнях, обдумывал объединение поселений в «Папуасский союз», который смог бы хоть как-то противостоять колонизации...

Шомбургк обещал прислать корабль за ученым через шесть месяцев, но сделал это лишь спустя почти полтора года. В последний месяц ожидания судна Николай Николаевич тяжело страдал от лихорадки и незаживающих язв на ногах. На корабль он поднялся едва живой. По воспоминаниям некоторых очевидцев, он надолго потерял сознание, его посчитали умершим и едва не скинули за борт... В Сингапуре ученый поселился у своего знакомого – доктора Денниса. Состояние путешественника ухудшалось, и было решено срочно переправить его в Австралию. Видимо, ученый находился в состоянии помрачения сознания – дневники последней экспедиции он зачем-то сдал на хранение в один из сингапурских банков. И даже не запомнил в какой. Попытка отыскать архив, предпринятая пять лет спустя, была безуспешной.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«БАРОН МАКЛАЙ»

В Австралии, где одна из местных газет сообщила о прибытии «барона Маклая» в Сидней в июле 1878 года, ученый быстро поправился. Николай Николаевич титул опровергать не стал, а заказал визитки с баронской короной.

Миклухо-Маклай был принят научным сообществом Австралии на самом высоком уровне. Жил он сначала у почетного консула России Эдмонда Поля, а затем обосновался в Австралийском музее Сиднея, где получил жилье и лабораторию. Ученый не только перерабатывал собранный материал, но и нашел много интересного в Сиднее. Он загорелся идеей устроить биологическую станцию в городе. Правительство колонии его поддержало, выделив участок в бухте Уотсонс-Бэй. Пока собирали деньги на

Сиднейская бухта Уотсонс, где решено было построить биостанцию. 1878 год

Мира, аборигенка острова Яп, ставшая ученому «временной женой», как он сам ее называл

строительство, он уехал в очередную экспедицию по островам Меланезии. Но более двух месяцев не выдержал, его свалила очередная лихорадка, пришлось спешно возвращаться в Австралию.

«Барон Маклай» прибыл в Брисбен (колония Квинсленд), где нашел поддержку в высших кругах. В Квинслендском музее ему выделили лабораторию, обеспечили оборудованием и научным материалом. В качестве последнего выступили... трое казненных преступников-аборигенов из разных мест Океании. Этнограф препарировал тела, а труп австралийского аборигена заспиртовал и отправил в Берлин профессору Вирхову. А в имении местного политика Дональда Ганна, где одно время жил ученый, он обнаружил кости вымершего гигантского кенгуру и другого сумчатого гиганта – дипротодона, родича коалы, весом 3 тонны. Эти останки сегодня являются экспонатами музея Сиднейского университета.

В мае 1881 года в бухте Уотсонс-Бэй заработала первая в Южном полушарии морская биостанция. На ней Миклухо-Маклай и поселился. Здесь в его распоряжении было пять лабораторий. Ученый также исследовал южный берег Новой Гвинеи, где дважды побывал с короткими визитами.

В Сиднее у Николая Николаевича завязались любовные отношения с овдовевшей Маргарет Робертсон-Кларк – дочерью бывшего премьер-министра колонии Новый Южный Уэльс сэра Джона Робертсона. Имя Робертсона располагалось по соседству со станцией. Джон Робертсон многое сделал для создания биостанции, но был категорически против брака дочери с бедным русским «бароном». Влюбленные решили на время расстаться. К тому же в порт Мельбурна зашел русский военный корабль, готовый доставить Николая Николаевича в Россию. На родине он не был уже двенадцать лет.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЕВРОПЕЙСКИЕ КАНИКУЛЫ

Путь до Петербурга занял семь месяцев. Столица встретила ученого с восторгом. В сентябре-октябре 1882 года Миклухо-Маклай прочитал несколько лекций при переполненных залах. Впрочем, по отзывам современников, путешественник оказался плохим рассказчиком. Кто-то даже считал, что он забыл русский язык и с трудом подбирал нужные слова. Но больше всего публику удивляла болезненность Миклухо-Маклая – он никак не походил на героя-покорителя затерянных стран, населенных дикарями. Мало кто знал, что ученого терзали не только тропические болезни, но даже морскую качку он плохо переносил. Кажется, все его экспедиции были пройдены только благодаря железной силе воли.

Главной проблемой ученого оставалось безденежье. Ее взялся решить император Александр III, давший Миклухо-Маклаю аудиенцию в октябре 1882 года. Из личных средств государь погасил долги этнографа (1350 фунтов) и распорядился ежегодно выплачивать ему 400 фунтов.

В России Николай Николаевич не задержался – для него это, скорее, были европейские каникулы. Уже в ноябре он перебрался в Европу, а в январе 1883 года взял курс на Австралию.

На пути к Зеленому континенту ему удалось вновь побывать в заливе Астролябия. Увиденное там повергло ученого в уныние. Его старые друзья, включая Туя, умерли, близлежащие деревни наполовину опустели. Папуасы утверждали, что смерть пришла от болезней, насланных колдунами. «Тамо боро-боро» заподозрил, что настоящая причина заключалась в междоусобицах. А это вызывало большие сомнения в перспективах создания «Папуасского союза». Миклухо-Маклай пробыл на острове восемь дней, пообещав папуасам не оставлять их и со временем снова поселиться у них.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Памятник Миклухо-Маклаю, установленный в 2000 году в городе Ванимо (ПНГ), стал первым в Океании русским скульптурным памятником

ВЕРНУТЬСЯ УМЕРЕТЬ

В Сиднее Николай Николаевич и Маргарет решили пожениться, несмотря на протесты отца невесты. Маргарет родила двоих сыновей: Александра и Владимира. Семья жила в доме рядом с биологической станцией и едва сводила концы с концами. Субсидии императора на жизнь не хватало, долги росли.

Дела шли все хуже. Колонизация всей Новой Гвинеи все же произошла. Северо-восточное побережье заняла Германия. Отчаянные попытки ученого отстоять независимость хотя бы Берега Маклая ни к чему не привели. В самой Австралии росли антирусские настроения. В сентябре 1885 года правительство конфисковало биологическую станцию «для военных нужд». Пришло время возвращаться на родину. В апреле 1886 года Николай Николаевич приехал в Россию один. Наладил отношения с матерью, которая к тому времени купила имение в украинском городе Малине. Получил еще одну аудиенцию у Александра III, в Ливадии. Не исключено, что на ней шел разговор и о российском протекторате над папуасами. Летом 1886 года в одной из столичных газет появилось объявление о наборе желающих ехать в Новую Гвинею. На призыв откликнулись сотни людей, и Николай Николаевич загорелся идеей создания русской колонии на Берегу Маклая. Но проблемы со здоровьем, масса работы и заботы о переезде семьи из Австралии не позволи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ли ему полноценно заниматься проектом. Идея зачахла. Ученый сам отправился за женой и детьми в Сидней (деньги на переезд выделил Александр III) и вернулся с ними в Россию. Тяжелый переезд и напряженная работа давали о себе знать – здоровье Николая Николаевича ухудшалось. Спокойно пожить путешественнику было не суждено. В январе 1888 года ему уже помогал только морфий. Скончался великий этнограф в больнице 14 апреля того же года. Похоронили его на Волковском кладбище...

В обществе решили, что 41-летний путешественник умер от тропических болезней. Истинную причину смерти установили 74 года спустя благодаря завещанию ученого. Свой череп Николай Николаевич завещал передать в Музей антропологии и этнографии Академии наук. Завещание было написано еще в 1874 году в Батавии. Обнаружили его в 1938-м и, несмотря на общественный протест против эксгумации, последнюю волю Миклухо-Маклая исполнили. В 1962 году череп исследовали, выяснив, что ученый умер от рака нижней челюсти.

ОСТАЛСЯ НА ЛУНЕ

После смерти мужа Маргарет с детьми вернулась в Сидней. Пенсию от российского императора она получала вплоть до 1917 года.

Имя Миклухо-Маклая в Австралии было предано забвению.

Череп ученого, завещанный Музею антропологии Академии наук

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Только в 1980-е годы там начали публиковать статьи о жизни и путешествиях великого исследователя, в основном благодаря внуку ученого – Робертсону де Миклухо-Маклай, создавшему в Австралии «Общество Миклухо-Маклая».

В индонезийской части Новой Гвинеи имя Миклухо-Маклая абсолютно неизвестно, не слышал о нем даже сотрудник Антропологического музея в крупнейшем городе, Джаяпуре. Государство Папуа – Новая Гвинея (ПНГ), занимающее восточ-

Вдова ученого Маргарет с сыновьями Александром и Владимиром. Австралия. Рубеж XIX–XX веков

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Фотография ученого, сделанная в Петербурге примерно за год до смерти

ную половину острова (включая Берег Маклая) и получившее независимость в 1975 году, стало в некотором смысле воплощением мечты ученого. Парадокс в том, что из-за сильной зависимости ПНГ от Австралии традиционная культура папуасов в западной (индонезийской) части Папуа сохранилась гораздо лучше...

Что же до Берега Маклая, то название это давно забыто. Память о «тамо русс», видимо, ограничена только тремя деревнями, где жил ученый. Впервые советская экспедиция посетила те места в 1971 году. «Маклай» в мифологии папуасов поселился как добрый герой, который принес железные топоры, мирил враждующих, учил земледелию... В языке местных папуасов закрепилось несколько русских слов: *tarogt* (топор) и названия овощей, которые ученый выращивал на своем огороде. В последние годы благодаря просветительской деятельности потомка и полного тезки ученого Николая Николаевича Миклухо-Маклая имя «лунного человека» стали вспоминать. Во всяком случае, о нем рассказывают в школах в ближайшем к деревне Бонгу городке Маданг.

Кажется, масштаб личности и память о Миклухо-Маклае папуасами так и не оценены по достоинству. Для них он так и остался «человеком с Луны», пришедшим с маленького небесного горшка в одно небольшое племя. И на Луну вернувшимся...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Могила Николая Миклухо-Маклая на Волковском кладбище в Петербурге. 1898 год

Сохранилась
только одна
фотография
Михаила
Певцова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СКРОМНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ЕЩЕ В ПОЗАПРОШЛОМ СТОЛЕТИИ АЗИЯ С ЕЕ ТРУДНОДОСТУПНЫМИ ПУСТЫННЫМИ И ГОРНЫМИ РАЙОНАМИ ОСТАВАЛАСЬ ДЛЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ НАСТОЯЩЕЙ TERRA INCOGNITA. В XIX ВЕКЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЯМИ ШЛА ОСТРАЯ БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ЭТОЙ НЕИЗВЕДАННОЙ ЗЕМЛЕ – ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «БОЛЬШАЯ ИГРА». ОРГАНИЗОВЫВАЛИСЬ НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ, КОТОРЫЕ КУРИРОВАЛИСЬ ВОЕННЫМИ ВЕДОМСТВАМИ, БРИТАНСКИЕ И РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ ЗАНИМАЛИСЬ СОСТАВЛЕНИЕМ КАРТ ПЕРЕВАЛОВ И ПУСТЫНЬ... ОДНИМ ИЗ НИХ БЫЛ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕВЦОВ.

ОН РОДИЛСЯ В НЕБОГАТОЙ семье в Новгородской губернии в мае 1843 года. О его детских годах и юности известно очень мало: ученый, оставивший обширные воспоминания о своих путешествиях, о себе писать не любил. В 7 лет Миша Певцов остался сиротой, и его приютил родственник – бедный петербургский чиновник. Благодетель был весьма стеснен в средствах, а мальчик страстно желал учиться. Потому Миша посещал гимназию вольнослушателем. Позже, также в качестве вольнослушателя, он попытался прослушать курс в Петербургском университете. Но через год тяжелое материальное положение заставило его поступить на службу в 39-й Томский полк, расквартированный в ту пору в Туле. В 1861 году Михаил Певцов был направлен на учебу в Воронежское юнкерское училище. «Певцов читал и объяснял нам уроки из истории и в то время сам увлекался страшно, а капитан Кронман, слушая его, нередко удивлялся обилию исторических фактов, которые приводил Певцов, – вспоминал позже один из его сокурсников. – Это был у нас в училище знаменитый историк и особенно математик, и неоднократно, по предложению капитана Ниловича, Певцов объяснял нам в младших классах уроки арифметики и алгебры». После окончания училища Певцов был произведен в прапорщики, потом пять лет прослужил в Томском полку. С 1867 года Михаил Певцов уже числится членом Русского географического общества, а вскоре ему удастся оставить полк и поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. В Петербурге помимо занятий в академии Певцов учился изготавливать чучела, составлять энтомологические и ботанические коллекции. А в Пулковской обсерватории он

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Карта Джунгарии, составленная шведом Юханом Густавом Ренатом в XVIII веке, стала первым европейским описанием этих неведомых земель

изучил все существовавшие тогда приемы наблюдений небесных светил.

После окончания академии Михаил Певцов получил назначение в штаб Западно-Сибирского военного округа. Здесь на досуге он изучал этнографию, быт казахского народа, казахский и арабский языки, историю Китая.

В 1875 году его перевели в Омск. Вскоре Михаил Певцов был приглашен в Сибирскую военную гимназию (так тогда именовался Сибирский кадетский корпус) преподавателем географии в средних классах. Вел Певцов себя скромно, с другими учителями особо не общался. «Говорили, что ученики «любят» и «слушают» его; что в преподавании его есть что-то такое, что побуждает их не только охотно готовить заданные им уроки по учебнику, но и читать вне уроков книжки», – вспоминал его коллега Георгий Катанаев. А еще Михаил Васильевич, никому о том не говоря, писал новый учебник по физической географии. Маленькая, в 105 страниц, книга «Начальное основание математической и физической географии», как и последующие труды Певцова, сочетала легкий язык и строгую научность содержания. Причем это был не просто учебник, а «самоучитель»: Михаил Васильевич хорошо помнил времена, когда отсутствие средств не дало ему возможности ни поступить в гимназию, ни окончить университет. Но до учеников этот учебник, увы, так и не дошел...

ПО ЗЕМЛЯМ ДЖУНГАРИИ

Мечта Михаила Певцова о путешествиях сбылась внезапно. В китайский город Гучен направлялся хлебный караван. Его путь пролегал через земли загадочной Джунгарии – страны, заключенной между огромными горными системами Тянь-Шаня и Алтая. Для сопровождения каравана была назначена сотня казаков, во главе которой поставили Михаила Певцова. Одновременно ему поручили «собрать, по возможности, подробные сведения о стране, по которой должен был следовать караван, в особенности на пространстве между Булун-Тохоем и Гученом, где до того времени не случалось еще бывать никому из путешественников». Причем в это же время в пределах Центральной Азии уже работали две экспедиции Императорского Русского географического общества (ИРГО): Вторая Центрально-Азиатская экспедиция Николая Пржевальского и Первая (Монгольская) Григория

Сибирский кадетский корпус в ту пору, когда там преподавал Певцов, именовался Сибирской военной гимназией

Джунгарская пустыня и ее обитатели

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Потанина. Русские тогда стремились опередить англичан и расширить зону своего влияния в Центральной Азии. Экспедиции были частью этой борьбы – за их организацией помимо ИРГО стоял Генеральный штаб.

В середине мая 1876 года 33-летний Певцов отправился из Зайсана (Казахстан) в свое первое путешествие. Караван, в котором шло более 600 верблюдов, двигался неспешно. Через двенадцать дней после выхода из Зайсана путешественники достигли небольшого китайского городка Булун-Тохой. Сильный разлив реки Урунгу, вдоль которой шел дальнейший путь, задержал здесь путешественников на десять дней. За это время Певцов успел нанести на карту горько-соленое озеро Бага-Нор и исследовать его окрестности. Это была вовсе не легкая прогулка. «К востоку от Бага-Нора лежит обширный солончак... Соляная кора, осевшая в юго-восточной части котловины, блестела издали, подобно водной поверхности, за которую мы, томимые в то время сильною жаждой, ошибочно ее приняли и поспешно направились к этому мнимому озеру, надеясь найти в нем пресную воду, – писал Певцов. – Но, подъехав ближе, с горьким разочарованием убедились, что это было не что иное, как голая самосадочная соль, так обманчиво блестевшая на солнце». Вместо того чтобы повернуть назад, Певцов с товарищами стал осматривать котловину, «несмотря на мучительную жажду, иссу-

шившую наши губы и языки до того, что трудно было даже говорить». Начали раскопки, нашли обломки раковин и остатки рыб: значит, это озеро раньше было пресным. Наконец, жажда заставила исследователей покинуть котловину: «Взобравшись кое-как по извилистым лощинам на плоскогорье... мы направились, молчаливые и утрюмые, к городу, до которого оставалось еще около 25 верст. <...> Под конец мы с трудом держались на лошадях, покачиваясь из стороны в сторону, и едва-едва дотащились до города».

Остановка в Булун-Тохое означала, что половина пути пройдена. Впереди было самое трудное: пересечение неведомых пустынных пространств, о которых даже местные жители не могли дать точных сведений. Но эпопея завершилась успешно: на 48-й день после выхода из Зайсана караван достиг Гучена. Там путешественники пробывали до начала августа. Певцов изучал быт разноплеменного населения города и совершил экскурсию на Тянь-Шань, «желая определить высоту снежной линии и пополнить гербарий». Путь этот был трудным: Певцову и трем его спутникам приходилось карабкаться по почти отвесным склонам. И вот заветная цель рядом: «...мы начали последний, самый трудный подъем, но силы, видимо, изменили нам: мы не могли подвинуться и на сто шагов вперед без отдыха. Более часа тащились мы по этому крутому скату, шатаясь на ногах и останавливаясь через каждые десять, а под конец и пять минут для отдыха. Наконец, собрав последние силы, достигли мы, почти уже ползком, небольшой вершины хребта, покрытой почти сплошь тонкой ледяной корой. Рядом с этой вершиной возвышалась массивная снежная гора, отстоявшая от нас шагах в ста. Снежная линия ее находилась на одной с нами высоте, а потому далее незачем было идти. Мы бросились на землю и пролежали до тех пор, пока не продрогли от холода...» Произведенные

Так в начале
XX века выглядел
город Кобдо

Певцовым измерения показали, что он находился на высоте 3675 метров над уровнем моря. В этом путешествии Михаилу Певцову удалось собрать на удивление много сведений о неизвестных доселе землях Восточной Джунгарии и составить подробную карту местности. Чтобы добыть эти сведения, Певцов порой шел на риск. Желая получить максимально полное представление о реке Урунгу, Михаил Васильевич с четырьмя спутниками решил спуститься по ней на плоту: «...мы попали близ левого берега в водоворот, где наш плот вертелся около 10 минут, потом нас нанесло на прибрежную скалу, о которую с шумом и пеною разбивалась вода, оттуда на толстое дерево, торчащее с берега, потом раз три или четыре ударялись мы о прибрежные камни и, наконец, к благополучию нашему, были выброшены на широкий и плоский каменный мыс». Первое путешествие Певцова сразу же выдвинуло его в число ведущих исследователей Центральной Азии.

ПУСТЫНЯМИ МОНГОЛИИ

Вернувшись в Омск, Михаил Васильевич пробыл в городе недолго. Весной 1878 года было получено известие, что бийские купцы, торгующие в Западной Монголии, намерены отправить караван из города Кобдо в город Кукухото в провинции Шаньси. Начальником охраны каравана вновь был назначен Певцов. Ему также поручили обследовать северо-западную окраину Монголии. Вместе с двумя топографами и конвоем из шести казаков, знавших монгольский язык, экспедиция под началом Певцова отправилась в путь, пролежавший к северу от огромной излучины Хуанхэ – до этого таким маршрутом европейские исследователи не ходили.

Путешественники пересекли пустыню Кысыин-тала, где дул такой ветер, что всадники с трудом держались на лошадях. А при переправе через замерзшие реки лед приходилось предварительно посыпать землей, чтобы верблюды не скользили.

Из города Кобдо экспедиция направлялась через южные отроги Хангая по караванному пути. Пересекли несколько рек, Певцов установил, что все они берут начало на Хангайском хребте. Южнее ученый открыл и описал длинную и узкую впадину между Хангаем и Алтаем, назвав ее Долиной Озер. Своими исследованиями он доказал, что хребет Хангай нигде не соединяется с Монгольским Алтаем, впервые верно показанным на его карте в виде длинного (около тысячи

Карта Монголии,
составленная
Михаилом
Певцовым
в 1883 году

километров) хребта, вытянутого в юго-восточном направлении. Пустыня Гоби встретила путешественников неласково: «Еще с утра дул порядочный ветер, потом стал все более и более крепчать и около полудня превратился в сильную бурю. <...> Верблюды и лошади постоянно отшатывались в наветренную сторону. Мы должны были спешиться и, крепко уцепясь за повод, едва держались на ногах. От пыли, носившейся в воздухе, дневной свет померк до того, что стало темно, как в сумерки. Итти как людям, так и животным было крайне тяжело, а остановиться на безводной равнине для переживания бури мы не решились и продолжали потихоньку подвигаться вперед». Наконец сквозь тучи пыли путешественники начали различать горы. Через час Певцов с товарищами достигли гор, за которыми и укрылись от бури. Едва они успели поставить юрты, как буря перешла в настоящий ураган, и на равнине, несмотря на пять часов дня, настала тьма...

Экспедиция продолжалась 13 месяцев. Вернувшись в Омск, Михаил Певцов составил принципиально новые карты Центральной Азии. За эту экспедицию он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, а от ИРГО получил медаль имени Ф.П. Литке – одну из высших научных наград того времени. Именем Певцова был назван ледник в истоках реки Канас в Синьцзяне. А каждый из его спутников получил повышение. Кстати, это

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

было предметом особой заботы Михаила Васильевича.

Вскоре Певцов был назначен на должность начальника штаба округа. При этом он много времени уделял и работе в Западно-Сибирском отделе ИРГО. Во дворе своего дома Михаил Васильевич организовал обсерваторию, где ежедневно вел наблюдения, которые позволили ему разработать получивший мировое признание способ для определения географической широты по высотам двух звезд («параллель Певцова»).

В 1883 году Михаил Певцов в качестве полномочного комиссара руководил разграничением территорий России и Западного Китая к востоку от озера Зайсан согласно Санкт-Петербургскому договору. Вместе с генерал-майором Иваном Бабковым он подписал с российской стороны протокол об изменении границы. Демаркация китайской границы была проведена по естественным преградам горных хребтов и руслам рек.

Тибетская
Лхаса –
таинственная
и недостижимая

За исследование
Монголии Михаил
Певцов был
награжден одной
из высших наград
ИРГО – Золотой
медалью имени
Ф.П. Литке

ТРУДЫ ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В начале 1887 года Певцов с супругой Марией Федоровной переехал в Петербург – он был назначен на должность делопроизводителя Азиатской части Главного штаба. Впрочем, скоро его вновь позвала Азия. В октябре 1888 года в Караколе от брюшного тифа скончался организатор Тибетской экспедиции Николай Михайлович Пржевальский. Новым руководителем предприятия по представлению председателя ИРГО Петра Семенова-Тян-Шанского был назначен Михаил Певцов.

Исследование Тибета тогда считалось делом государственной важности. Наладить торговые связи с Лхасой пыталась еще Екатерина II, переписываясь с местным духовенством. Наследники царицы, однако, о Тибете позабыли. Только через сто лет после смерти Екатерины II тибетский вопрос обрел актуальность: России нужен был дружественный Тибет для сдерживания английской экспансии в Центральной Азии.

В 1878 году Пржевальский предложил организовать экспедицию в Тибет. В служебной записке в Главный штаб он указывал, что Лхаса – резиденция духовного лидера буддизма, своего рода «азиатский Рим». Ведь далай-лама не только являлся светским правителем Тибета, но и имел огромное влияние на 250 миллионов буддистов, живущих на континенте. Если бы русский человек смог добраться до дворца Потала, он бы убедил «первосвященника Востока» встать на сторону Санкт-Петербурга. Действовать нужно было незамедлительно: британцы также торопились пробраться в столицу Тибета из Индии.

Реализовать свой замысел Пржевальскому не удалось: его караван был в 250 километрах от Лхасы, когда отряд тибетских солдат преградил ему путь – чужаков там не жаловали. Николай Михайлович предпринял еще две попытки достичь загадочной горной страны – в 1883 и 1888 годах. Осуществить же четвертую ему было не суждено...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Певцов отказался от весьма рискованного путешествия по Тибетскому нагорью в направлении Лхасы, задуманного Пржевальским. В итоге первым российским исследователем, в 1900 году побывавшим в Лхасе, стал Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (см.: «Русский мир.ру» №11 за 2019 год, статья «Русский подданный Г.Ц.»). Певцов же решил изучить существующие проходы вглубь Тибета и на самом Тибетском нагорье, где находятся истоки Инда, Брахмапутры, Меконга, Желтой и Голубой рек. Найти ключ, который может открыть дверь в таинственную горную страну.

В состав экспедиции вошли поручик Всеволод Роборовский и подпоручик Петр Козлов, ставший позже известным всему миру исследователем Монголии и Тибета (см.: «Русский мир.ру» №6 за 2019 год, статья «Счастливая звездочка Петра Козлова»), а также горный инженер Карл Богданович. А еще переводчик и препаратор (для составления зоологических коллекций), 12 казаков, 2 проводника и несколько киргизов-погонщиков. Перевалив Тянь-Шань, экспедиция вступила в Кашгарию и по окраине пустыни Такла-Макан прошла в Яркенд – один из крупнейших древних городов Кашгарии. В своем отчете Певцов поведал и о знаменитом яркендском золоте, которое в свое время не удалось добыть экспедиции Бухгольца. «Река Яркенд-дарья ежегодно во время разлития осаждает на своих плоских берегах близ юго-восточной окраины Яркендского оазиса массу золотоносного ила, из которого туземцы извлекают посредством промывки значительное количество золота. Право промывки золотоносного ила и вольной продажи добытого из него золота предоставляется безвозмездно каждому желающему». Главной задачей экспедиции было исследование горных стран, окаймляющих с севера Тибетское нагорье. К ее решению Певцов, впервые получивший возможность заниматься только научной деятельностью, подошел очень тщательно. Из Яркенда экс-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Результаты Тибетской экспедиции Певцова носили характер первостепенной важности для всего Российского государства

Всеволод Роборовский, выдающийся русский исследователь Центральной Азии. Во время Тибетской экспедиции совершил пять самостоятельных рискованных экскурсий, в том числе в пустыню на высоте 5 тысяч метров над уровнем моря, куда не решался проникнуть никто из местных жителей

педиция направилась к северным отрогам Куньлуня и к концу октября достигла городка Ния, находившегося на стыке караванных троп в Центральном Тибете. Там экспедиция провела пять зимних месяцев, в течение которых Певцов вел магнитные, астрономические и метеорологические наблюдения. В селении установили первую в глубине Центральной Азии метеостанцию. Впоследствии Михаил Васильевич напишет работу «Климат Кашгарии (Восточного Туркестана)» – единственный в то время труд по климатологии Центральной Азии, не потерявший значения и в наши дни.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Началом самостоятельной профессиональной деятельности для геолога Карла Богдановича стало участие в Тибетской экспедиции под руководством Михаила Певцова

Петр Козлов, путешественник, исследователь Монголии, Тибета и Синьцзяна. В экспедиции Певцова Козлов совершил четыре самостоятельные поездки

В Нии Певцов написал обстоятельный этнографический очерк о Кашгарии. А едва позволила погода, экспедиция двинулась в путь, направляясь к хребту Куньлунь. Нужно было не просто пройти безводные местности, но еще и исследовать их. Михаил Васильевич придумал способ облегчить эту непростую задачу: «Длинные переходы по таким пустынным местностям мы обыкновенно разделяли всегда на два. Взяв с собою воды для людей, выступали с ночлежного места в прохладное время около часу пополудни, а в жары не раньше четырех часов, и останавливались перед закатом солнца на ночлег, приблизительно на середине безводной станции, а другую ее половину проходили на следующий день с утра. Опыт убедил, что такой прием значительно облегчает длинные переходы по безводным местностям и в жаркое время года оказывается безусловно необходимым». У экспедиции Певцова не было возможности проникнуть далеко вглубь Тибетского нагорья: «Не имея позади складов продовольственных припасов и фуража, мы могли удаляться от Куньлуня к югу не более 100 верст». Потому пришлось ограничиться обозрением отдельных районов северной полосы Тибетского нагорья, чтобы ознакомиться,

по крайней мере в общих чертах, с характером природы этой безвестной страны.

В июне экспедиция отправилась вглубь Куньлуня, пересекла Русский хребет и стала лагерем на равнине, лежащей на высоте 4 тысяч метров на берегу озера Дашикуль. Фантастические пейзажи горной страны потрясали: «В ночь с 27-го на 28 июня снова выпал снег в два дюйма толщины, и мы провели второе утро среди необозримой снежной поляны. С 7 часов ее начало озарять по временам яркое солнце и быстро растоплять своими жгучими лучами снег. К 9 часам он уже исчез с равнины и оставался только на холмах, которые все утро курились, подобно вулканическим сопкам, и нагорная пустыня с этими повсюду дымящимися на ней холмами казалась какой-то волшебной, сказочной землей». Путешественникам довелось наблюдать и буйство водной стихии – неожиданный разлив реки Моляджи: «Рукава ее, слившись в одно целое, образовали многоводную реку, несшую необыкновенно мутную желто-бурого цвета воду большими волнами... она начала катить по дну камни, издававшие грохот... Позднее этот непрерывный гром настолько усилился, что заглушал говор людей. Перед вечером скорость движения воды увеличилась, и река, кроме камней, стала ворочать еще массивные валуны. <...> В то же время от непрерывного дождя с отвесных конгломератных обрывов балки начали ниспадать местами каскады и подмывать торчавшие на пути камни, которые стали срываться с высоты и падать в балку. К счастью, мы стояли не под отвесным обрывом балки, а близ подножья ее мягкого откоса, и потому были обеспечены от падающих камней». Вечером возникла угроза затопления лагеря, его пришлось перенести на возвышенное место. «В полночь мы улеглись, как всегда, на войлоках, разостланных в палатках на земле, но долго не могли заснуть от сильного гула и дрожания земли, которая в то же время, как нам слышалось, будто тяжело стонала».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

На Тибетском нагорье Певцов проводил разнообразные опыты, например с помощью маленькой пушки и тщательно выверенного хронографа определил скорость распространения звука в разреженном воздухе. Пока Певцов изучал особенности Тибетского нагорья, остальные участники экспедиции совершили самостоятельные рейды к югу, добывая сведения о местности, которую Пржевальский обозначал на картах как «совершенно неизвестную».

У Певцова сложились прекрасные отношения с местными жителями. Когда экспедиция готовилась покинуть урочище Тохтахон, Певцов пригласил на прощальный обед кашгарских пастухов. После угощения в честь них был устроен фейерверк, сопровождавшийся стрельбой из маленькой пушки: «Такой прием привел наших простодушных гостей в полный восторг. После фейерверка, когда они собрались расходиться по домам, я подошел к ним и, поблагодарив за дружеское к нам расположение и оказанные услуги, пожелал им счастливой жизни, умножения стада и просил о сохранении доброй памяти о нас. Они отвечали, что не только сами до конца своих дней будут вспоминать нас доб-

Исторический вид Кашгара

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

На улице Яркенда

ром, но передадут эти отрадные воспоминания и детям».

Чтобы вернуться из Тибета в Зайсан, экспедиции предстояло пройти около 2 тысяч километров. Длинный путь позволил собрать много интересных сведений, обогативших отечественную науку. Причем астрономические наблюдения и съемка вдоль маршрута выполнялись Певцовым и его спутниками в 40-градусный мороз при сильных ветрах и песчаных бурях.

После Тибетской экспедиции Михаил Певцов был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени и произведен в генерал-майоры. ИРГО наградило его Константиновской медалью.

Затем Михаил Васильевич около десяти лет почти безвыездно жил в Петербурге. Занимался штабной работой и любимыми науками. Но нездоровый балтийский климат в конце концов подорвал расшатанное тяготами странствий здоровье Певцова, 25 февраля 1902 года путешественник скончался. Могила его, увы, затерялась. Имя скромного исследователя широкой общественности неизвестно. Но заслуг Михаила Певцова эти обстоятельства ничуть не умаляют. Он творчески подходил к любому делу и внес серьезный вклад в развитие географии и топографии, прикладной математики и астрономии.

«Когда будет написана история географических открытий и исследований во Внутренней Азии во второй половине XIX века, на ее страницах займут почетное место и будут поставлены рядом имена трех русских путешественников – Г.Н. Потанина, Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова, – писал академик Владимир Обручев. – Трудно даже решить вопрос, кто из них сделал больше другого, кому отвести первое место, кому второе, кому третье как исследователям Внутренней Азии... Все трое в содружестве создали ту основную канву географического лика Внутренней Азии, на которой позднейшие путешественники разных специальностей начали уже вышивать узоры, то есть наносить детали общей картины». ❶

У ИСТОКОВ ГРЁЗ О КОСМОСЕ

АВТОР
ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

ИМЯ КОНСТАНТИНА ЦИОЛКОВСКОГО У БОЛЬШИНСТВА АССОЦИИРУЕТСЯ С КАЛУГОЙ: ИМЕННО ЭТОТ ГОРОД СЧИТАЕТСЯ СТОЛИЦЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОСМОНАВТИКИ. И МАЛО КТО ВСПОМИНАЕТ, ЧТО НАЧАЛОСЬ-ТО ВСЕ НА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ. ВЕДЬ ВЕЛИКИЙ ИДЕОЛОГ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ В СЕЛЕ ИЖЕВСКОЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

И ХОТЯ ПРОЖИЛ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ здесь совсем недолго, местные жители до сих пор хранят память о знаменитом земляке. В ижевском Музее К.Э. Циолковского тщательно собирают факты биографии ученого и сведения о его великом наследии.

«В середине XIX века родители ученого, Эдуард Игнатьевич и Мария Ивановна, приехали в село Ижевское Рязанской губернии и поселились в небольшом домике на улице Красной. В этом доме родились старшие дети Циолковских – Александр, Дмитрий и Иосиф. Дом тот, к сожалению, не сохранился, – рассказывает научный сотрудник музея Ольга Астахова. – Когда на свет должен был появиться Константин, семья переселилась в дом побольше – он уцелел до наших дней». «От Эдуарда Игнатьевича доверенному лицу хозяина села Демидову поступило прошение о выделении семье уездного лесничего помещения побольше, – дополняет рассказ директор Музея К.Э. Циолковского в селе Ижевское Николай Медведков. – Так семья Циолковских перебралась в новый дом». Кстати, дом этот был несколько лет назад выкуплен у частных владельцев и передан музею. Сегодня в нем находится одна из экспозиций. Но об этом чуть позже.

Из 13 детей Циолковских выжили лишь семеро: две дочери и пять сыновей. Константин, родившийся 17 сентября 1857 года, был пятым ребенком в семье. Крестили его в местном Никольском храме, который до наших дней не сохранился. А вот соответствующую запись из церковно-метрической книги можно увидеть в витрине музея. Кстати, сам Циолковский о своем рождении писал так: «Появился новый гражданин Вселенной».

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Само по себе Ижевское – село весьма колоритное. Оно и сегодня заслуживает отдельного рассказа, а во времена Циолковского это было очень большое село, по численности населения оно уступало в Рязанской губернии только Рязани, Скопину и Касимову. О нем ходила слава как об одном из самых богатых сел в России. В Ижевском кипела жизнь, здесь работали интересные люди. Неслучайно селу недавно был присвоен статус исторического поселения. И хотя прожил в селе Циолковский совсем недолго, истоки все-таки надо искать именно здесь.

Им и посвящен первый зал музея, в котором собраны документы и экспонаты, связанные с биографией ученого. В 1858 году глава семейства был переведен в Рязань, вслед за ним отправились жена и дети. В Рязани Циолковские жили по разным адресам: семья снимала квартиру, на лето уезжала за город, а когда возвращалась, прежняя квартира уже была занята, так что приходилось снимать новую. Вот и получилось, что в Рязани было несколько «домов Циолковского». Большинство из них не пережило испытаний временем, но один по-прежнему стоит на улице Вознесенской. К большой печали местных краеведов, ника-

кого музея в нем нет, а состояние дома вызывает серьезное беспокойство...

Зато в Ижевском берегут все, что связано с ученым. «Сохранилась вот такая фотография, на ней Константину 5 лет, сам он говорил про нее: посмотрите, какой я красивый, кудрявый, – продолжает Ольга Астахова. – Ему очень нравилось, что на фото верх спинки кресла совпал с линией головы и получились то ли такие своеобразные кудри, то ли корона».

По воспоминаниям современников, Константин был смущен-

Константину Циолковскому нравилась детская фотография, на которой спинка кресла образовала над его головой то ли кудри, то ли корону

ленным и забавным мальчиком. Он играл со своими товарищами, лазил по деревьям, забирался на крыши домов и даже на колокольни – обычное детство мальчишки. Закончилось оно, когда в 9 лет Константин переболел скарлатиной, после которой оглох: слух пропал полностью, потом частично восстановился, но в итоге мальчик мог различать лишь неясные шумы... Глухота превратила Константина в изгоя, сделала объектом насмешек сверстников и лишила возможности учиться.

Поначалу Костя осваивал науки с помощью мамы, потом, когда в 1868 году семья переехала в Вятку, он стал учеником местной гимназии. Но проучился только до третьего класса. Учителей он «почти не слышал или слышал одни неясные звуки, а поблажек тугоухому не делали», – вспоминал Циолковский. Во втором классе его оставили на второй год, а из третьего класса отчислили. После этого он больше никогда нигде не учился. Вот и все его университеты: три класса гимназии, а дальше – вселенная самообразования. «Я самоучка чистых кровей», – говорил Циолковский.

После 13 лет Костя осваивал науки самостоятельно: научившая сына читать и писать Мария Ивановна скончалась. Нет сомнений, что для оглохшего мальчика это был серьезный удар. Но интереса к наукам он не утратил. «Однажды его заинтересовал учебник по арифметике старшего брата. Он прочитал его и затем запоем стал читать учебники старших братьев и книги из библиотеки отца, – рассказывает Ольга Астахова. – Его заинтересовали точные науки – физика, математика, механика, химия, астрономия. К 14 годам проявилась его тяга к изобретательству».

Зачитываясь «Физикой» Адольфа Гано, Костя пытался соорудить маленький воздушный шар. Когда ему в руки попал учебник по землемерному делу, мальчик сам сделал астролябию. А после того, как Костя самостоятельно

Жители Ижевского трепетно хранят все, что связано с именем знаменитого земляка

собрал токарный станок, отец понял, что сыну нужно учиться в Москве, и отправил его поступать в техническое училище. Но, оказавшись в Москве, Константин никуда поступать не стал: понимал, что с его слухом учиться все равно не получится. Он продолжил самообразование в библиотеке Румянцевского музея (ныне – Российская государственная библиотека).

Как жил в это время Константин Эдуардович, даже страшно представить. «Отец присылал ему 10–15 рублей в месяц, но из этих денег Константин тратил на себя лишь 90 копеек. Питался черным хлебом и водой, на остальные деньги покупал книги и материалы для своих опытов, – говорит Ольга Астахова. – За три года он изучил курс гимназии и несколько университетских курсов. Он сильно похудел, но, увлеченный новыми знаниями и идеей о полете в космос, не замечал, что истощает себя». А уж знакомство с произведением Жюль Верна «Из пушки на Луну» окончательно лишило Константина покоя: он всерьез задумался о полете человека в космос. В витрине ижевского музея можно увидеть первые астрономические чертежи и наброски Циолковского к книге «Трезы о Земле и небе».

Когда отец узнал, как живет в столице сын, то настоял, чтобы тот вернулся в Вятку. Константин вернулся в 1876 году. Работы для него, самоучки, не было. И тогда юноша стал репетитором. Довольно быстро о нем распространилась слава как о хорошем преподавателе.

Через два года отец вышел в отставку и решил вернуться в Рязань. На собственный домик с огородом денег не хватило, пришлось довольствоваться съемной квартирой. Константин, поехавший с отцом, поселился отдельно. С репетиторством в Рязани не заладилось, Циолковского здесь никто не знал. Тогда Константин экстерном сдал экзамены в Рязанской мужской гимназии и получил право преподавать арифметику и геометрию в

Циолковский был одержим идеей создания воздушного транспорта. На изобретенных им станках он делал листы железа волнистыми – это было нужно для дирижаблей

уездных училищах. Новоиспеченного 23-летнего учителя направили в Боровск. Там начался новый этап жизни: Константин женился на Варваре Соколовой – дочери священника, у которого снимал комнату. В Боровске молодой учитель преподавал двенадцать лет, а потом был направлен в Калугу. Семья долгое время снимала квартиры, а со

Про трубки-слухачи ученый говорил: «Единственное мое изобретение, которое принесло пользу, но пока, к сожалению, только мне»

временем смогла купить небольшой домик на берегу Оки. Жили Циолковские очень скромно, заработки учителя были невелики. К тому же большая их часть уходила на изготовление моделей и печатание трудов Константина Эдуардовича.

Рядом с макетами летательных аппаратов и космических ракет в витринах музея можно увидеть трубки-слухачи – тоже изобретение Циолковского. С их помощью он мог хоть что-то слышать. «Единственное мое изобретение, которое принесло пользу, но пока, к сожалению, только мне», – шутил Константин Эдуардович. Говорил он так потому, что остальные его изобретения никакого признания не получали. Циолковский считался чудачком, самоучкой, который предлагает немыслимые идеи. Фантазер...

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

«Заслуги Циолковского были признаны только после революции – тогда его достижения в авиации и воздухоплавании получили должную оценку, – говорит Ольга Астахова. – Ему назначили пожизненную пенсию, наградили орденом Красного Знамени, подарили в Калуге новый дом, в котором сейчас живет его правнук. 75-летний юбилей Циолковского широко отмечался в Москве, в столице он не остался – вернулся в Калугу, в свой небольшой домик, в котором семья прожила 29 лет. Кстати, уже через год после смерти ученого в доме был открыт мемориальный музей, в котором сейчас работает директором правнучка ученого, Елена Алексеевна Тимошенкова. В этом доме все осталось так же, как было при жизни Циолковского».

В ижевском музее тоже постарались создать атмосферу дома Циолковских, поэтому в одном из залов воспроизвели интерьер середины XIX века – все эти предметы собраны у жителей села и относятся как раз к тому периоду, когда семья жила здесь.

Учитывая увлеченность Циолковского наукой, заботы о семье и воспитании детей легли на супругу Константина Эдуардовича. Думается, Варвара Циолковская заслуживает большого уважения, хотя в биографии ученого она всегда занимает скромное место. А ведь она тоже сделала для освоения космоса немало: обеспечила надежный

тыл, оградила от повседневных забот, словом, создала условия, при которых Константин Эдуардович мог «витать в облаках». Одной из его настойчивых идей было создание воздушного транспорта. Циолковский был убежден, что преодолевать огромные расстояния в России проще по воздуху. Он был одержим идеей создания металли-

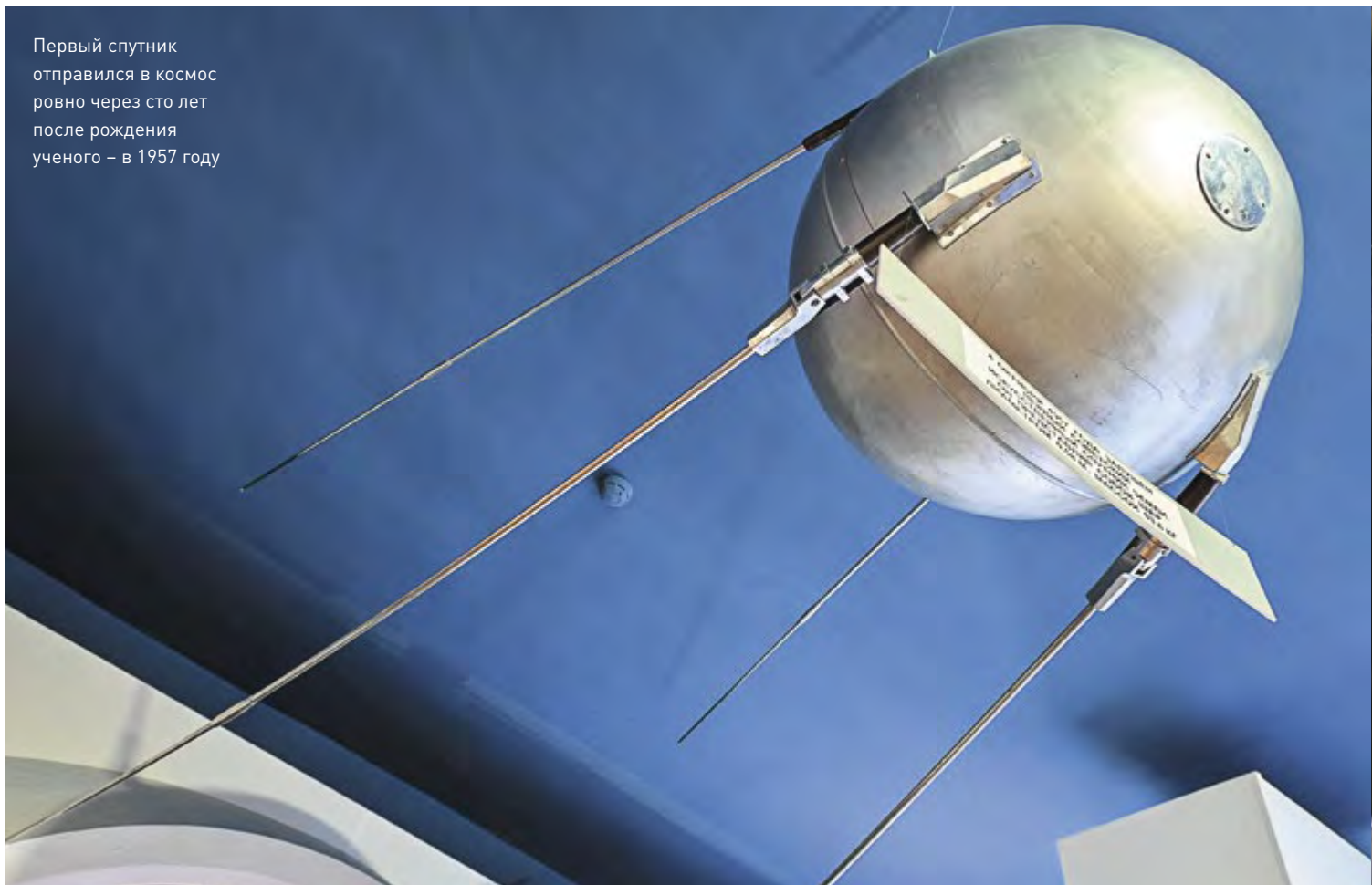
Вещи для музея собирали по всему селу – они не принадлежали семье ученого, но Циолковские наверняка пользовались такими же

ческих дирижаблей, проектировал их и создавал с помощью изобретенных самостоятельно станков модели летающих аппаратов. «Дирижабли были любимым детищем ученого, и много лет он посвятил работе над ними, – говорит Ольга Астахова. – Дирижаблестроение началось в 1930-е годы, но большого успеха в этом деле так и не достигли». Своими мечтами и разработками Циолковский нередко опережал время. Например, задолго до появления самолетов разработал теорию аэроплана. Еще тогда он говорил, что самолет будет похож на птицу, только крылья у него будут неподвижные, а хвост заменит руль. Уже в то время ученый говорил, что самолеты сначала будут винтовыми, а потом последует эра реактивных летательных аппаратов. В своих мечтах Циолковский шагнул очень далеко – он разработал схему автопилота. Она, кстати, представлена в витрине

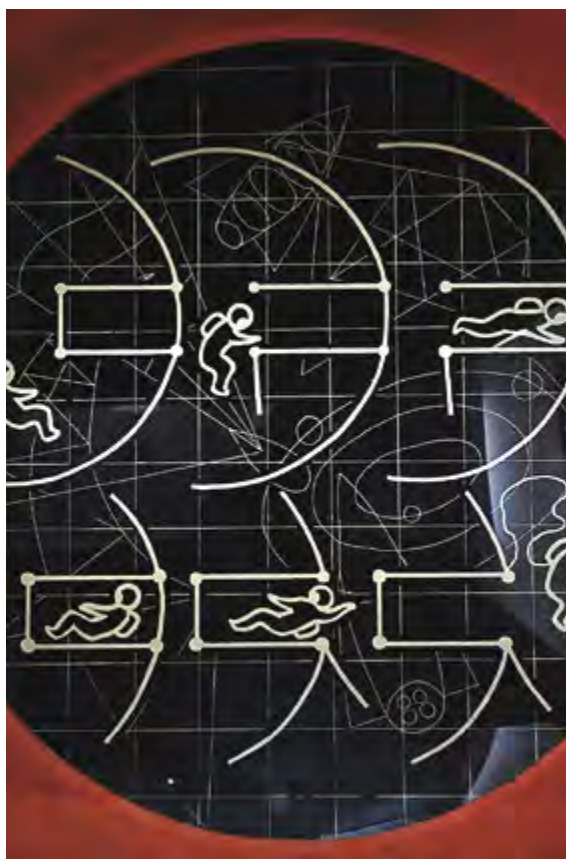
В доме, где когда-то жила семья Циолковских, попытались создать атмосферу, передающую дух эпохи

Первый спутник
отправился в космос
ровно через сто лет
после рождения
ученого – в 1957 году

музея. То, что для нас стало повседневностью, в те времена было абсолютной фантастикой. Константин Эдуардович был не только изобретателем, но и писателем. В своей повести «На Луне» он рассказал о путешествии двух приятелей по лунной поверхности. «Он очень точно описывает лунный пейзаж, – отмечает Ольга Астахова. – Написана книга в жанре научной фантастики. Читается не слишком легко, но доступно – это не научный труд. Эту книгу можно и сейчас найти и в библиотеках, и в интернете. У нас представлено прижизненное издание». В Ижевском собрана вся эволюция «лунных» трудов Циолковского. Сначала для полетов на Луну он предлагал снаряд, похожий на ядро, но потом

Константин Эдуардович удивительным образом предвидел то, что в будущем подтвердилось реальностью

пришел к выводу, что на таком снаряде человек живым не долетит, нужно придумать что-то другое. Это «что-то» он представил в своей книге «Исследование мировых пространств реактивными приборами»: ученый создал ракету – с чертежами, расчетами, формулами. Он пришел к выводу, что ракета должна быть каплевидной формы, составная: в верхней части располагаются люди, в нижней – топливо и приборы. Поразительно, но уже тогда, когда люди даже не приблизились к освоению космоса, Циолковский говорил о «ракетных поездах»: он считал, что после сгорания топлива часть ракеты должна облегаться, чтобы преодолеть земное притяжение. По чертежу Циолковского был сделан проект пассажирской ракеты – в музее можно увидеть ее макет. В 1933 году режиссер Василий Журавлев решил снять фильм «Космический рейс» – одну из

первых фантастических кинокартин. Тогда еще никто не понимал, как может стартовать ракета, как люди будут вести себя в космосе... То есть что снимать, никто не знал. Но режиссеру подсказали, что в Калуге есть чудак, который все это представляет, и Циолковского пригласили консультантом фильма. Константин Эдуардович сделал целый альбом космических путешествий – в витринах можно увидеть авторские рисунки, это практически комиксы, которые рассказывают, как человек будет летать в космос. К примеру, есть в этих «комиксах» невесомость – человек и предметы висят в воздухе, жидкость скатывается в шарики и парит. Изобразил Циолковский и выход человека в открытый космос – на тросе и в специальном костюме. Откуда он мог все это знать? До начала космической эры оставалось еще более двадцати лет...

НАЧАЛО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Перемещаясь по залам музея, познакомившись с мечтами, пророчествами и предвидением Циолковского, посетители могут увидеть этапы освоения космоса. Например, макеты первых реактивных двигателей, создан-

Один из залов музея показывает воплощение мечты ученого – здесь собраны экспонаты, побывавшие в космосе

ных Группой изучения реактивного движения (ГИРД), в которую входил Сергей Павлович Королев. ГИРД и создала первую советскую ракету, макет которой можно увидеть в музее в натуральную величину. Ракета пролетела совсем немного, но ее создатели были рады тому, что она смогла взлететь, преодолев земное притяжение. Позже был создан научно-исследовательский институт, в котором делались метеорологические ракеты для исследования атмосферы. Настоящий парашютный отсек такой геофизической ракеты – один из экспонатов музея.

Постепенно начиналось освоение космоса – исполнение давней мечты Константина Циолковского, который верил, что люди обязательно полетят к звездам. Серьезный шаг к исполнению этой мечты был сделан ровно через сто лет после рождения Циолковского. 1957 год можно считать началом новой эпохи – космической: 4 октября на орбиту Земли был запущен первый в мире советский космический аппарат «Спутник-1». В музее представлен его макет в натуральную величину: шар с четырьмя трехметровыми антеннами, внутри – радиопередатчик и аккумуляторные батареи. Спутник три месяца двигался по орбите, передавая звуковой сигнал, а на Земле любой радиолучитель мог уловить его. Потом спутник сошел с орбиты и сгорел в плотных слоях атмосферы.

После этого решено было отправить на орбиту четвероногих космонавтов. В космосе побывало немало собак, но самыми знаменитыми стали Белка и Стрелка, отправившиеся в космос 19 августа 1960 года. Корабль с собаками на борту 17 раз облетел Землю и благополучно вернулся.

Дата 12 апреля 1961 года навсегда вписана в историю человечества. В этот день в первый космический полет отправился Юрий Гагарин. «В нашей стране 127 космонавтов – это если вести отсчет с Гагарина. Среди них – четыре

женщины. Первой женщиной в космосе стала Валентина Терешкова – космонавт под номером шесть. Она же – первая и пока единственная женщина, совершившая одиночный полет, – говорит Ольга Астахова. – Второй женщиной на орбите была Светлана Савицкая, она первой из дам вышла в открытый космос. Потом были Елена Кондакова и Елена Серова. Сейчас в отряде космонавтов одна женщина». Всего в мире 65 женщин-космонавтов, 45 из них – американки. Все важные вехи космической истории отражены на стендах музея. 1959 год – начало освоения лунной поверхности. Март 1965-го – выход Алексея Леонова в открытый космос... «Петр Дубров поставил рекорд – он прожил на Международной космической станции 355 суток, почти год, его рекорд до сих пор не побит, – продолжает перечислять Ольга Астахова. – А самое длительное пребывание на станции «Мир» выпало на долю Валерия Полякова: он пробыл в космосе 437 суток».

ВПРИПРЫЖКУ ПО ЛУНЕ

Часть экспозиции музея посвящена изучению Луны. Здесь есть лунный глобус, на котором хорошо виден рельеф и моря спутника Земли. «Раньше думали, что это действительно моря, потом выяснили, что это застывшая лава, но менять названия не стали, так и оставили морями», – объясняет Ольга Астахова. На Луне много любопытных названий: Море Кризисов, Море Ясности, Море Познанное, Море Облаков. Есть там и Море Москвы. В 1977 году в ижевском музее появилась лунная диорама, с помощью которой можно увидеть, как выглядит лунная поверхность. «Лунный грунт называется «реголит». Поверхность спутника Земли покрыта кратерами, образовавшимися от падения метеоритов. У Луны нет атмосферы, которая защищала бы ее, и метеориты беспрепятственно падают на лунную поверхность», – поясняет экскурсовод. Ольга Астахова увлеченно рас-

Юных посетителей завораживает диорама, на которой Луна кажется такой близкой...

сказывает и про черное небо над Луной, и про мгновенную смену дня и ночи, и про то, что на Луне легче прыгать, нежели ходить... Не меньше любопытного и в следующем зале, созданном в 1982 году для настоящих космических экспонатов. Главная его достопримечательность – спускаемый

аппарат космического корабля «Союз-22». Бортинженером этого корабля был уроженец Рязанской земли Владимир Аксенов, он-то и поспособствовал тому, чтобы аппарат был доставлен в ижевский музей. С его доставкой и размещением была отдельная история. Для появления в селе под Рязанью этого засекреченного на то время объекта надо было выдержать одно условие – аппарат нельзя вывозить с территории музея. На тех, кто организовал доставку в Ижевское, лежала огромная ответственность. Ради этого экспоната стали делать пристройку к музею. Аппарат поместили в незавершенную пристройку и только потом закончили возводить стены. Все требования были соблюдены в точности – аппарат невозможно вынести из здания ни при каких обстоятельствах. Ни дверные, ни оконные проемы этого сделать не позволят. На посетителей аппарат производит очень сильное впечатление. «Весит он около 3 тонн, сделан из

Меню космонавтов вызывает не меньший интерес у подрастающего поколения – это одна из самых любимых витрин маленьких гостей музея

жаропрочного сплава. Над ним раскрывался парашют, купол которого составлял тысячу квадратных метров. Места внутри очень мало, поэтому первые космонавты проходили строгий отбор – не выше 170 сантиметров, не более 70 килограммов и не старше 30 лет. Правда, сейчас есть и более высокие космонавты, – объясняет Ольга Астахова. – На внешних стенках аппарата надписи на четырех языках, чтобы люди помогли, если космонавты не смогут сами выбраться из аппарата. Ведь при полетах могут быть самые непредсказуемые ситуации».

В этом зале ижевского музея можно увидеть немало предметов, побывавших в космосе – здесь есть целое собрание подарков космонавтов. Скафандр, в котором летал Олег Макаров. Космические инструменты для ремонта – очень похожие на земные, но с нескользкими ручками. Молоток – такой же, как и его земные «братья» и по виду, и по весу, но у него есть хитрое отличие: земной молоток при ударе дает отдачу, а космический – нет. Потому что его верхняя полая часть заполнена дробью. От удара шарики дроби приходят в движение и гасят энергию отдачи.

Две витрины посвящены космической трапезе. «Питание в тюбиках использовалось у первых космонавтов, когда полеты были недлительные и достаточ-

но было взять с собой несколько тюбиков. А сейчас полеты долгие, тюбики брать с собой неудобно, ведь они занимают много места. Теперь космонавты перешли на сублимированное питание – высушенное. Его запаковывают в специальные чемоданчики. На международных станциях их нетрудно узнать: русские – красного цвета, американские – синие. Кстати, космонавты рассказывали, что они частенько меняются чемоданчиками». Целая эпопея попить на орбите кофейку: специальный водонагреватель впрыскивает воду в пакет, из которого космонавты потягивают напиток – иначе невозможно. Воду пьют из специальных приспособлений, похожих

Жители села гордятся тем, что именно здесь родился удивительный ученый, сделавший невозможное возможным

Туристы, приезжающие в Ижевское, удивляются, видя красивое здание музея, – многие признаются, что ожидали увидеть скромную избушку

на шприц, только вместо иголки трубочка. Очень тщательно в космическом пайке упаковываются хлеб и печенье: крошки в космосе смертельно опасны – они могут попасть в приборы и привести к пожару. Поэтому ни откусывать, ни резать хлеб нельзя – он заранее поделен на кусочки. Кстати, на корабле на столах есть магнитные ленты, чтобы фиксировать пакет с едой, иначе обед может улететь.

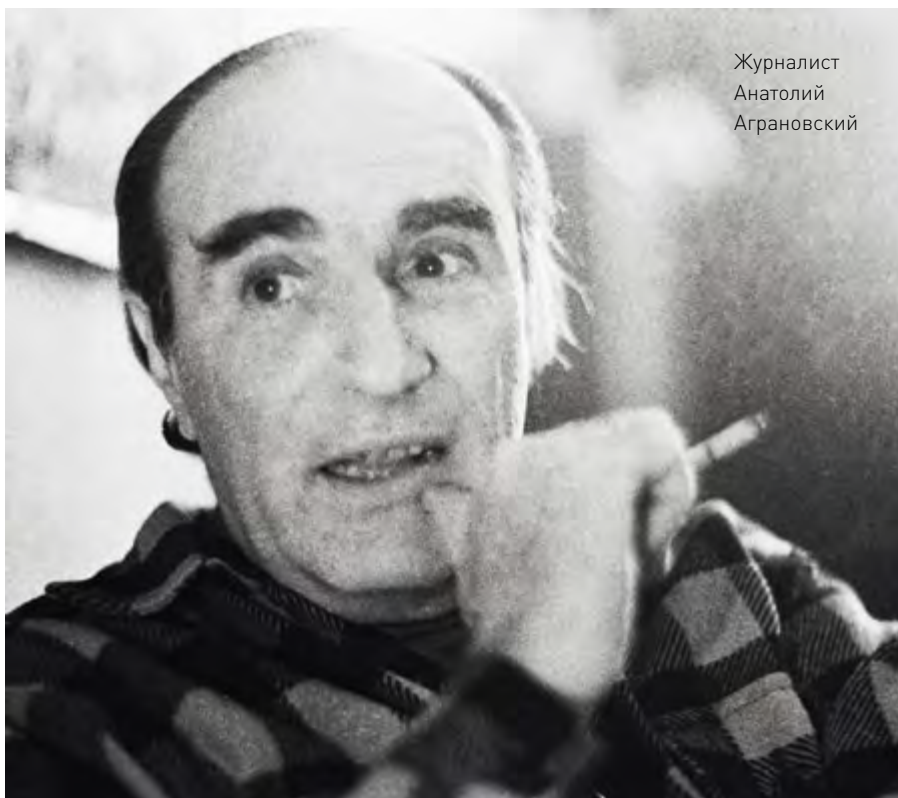
Отдельный стенд посвящен конструктору Владимиру Федоровичу Уткину – знаменитый уроженец Рязанской земли тоже связан с космосом. Есть в музее подарок и от него – в 1997 году он приезжал в Ижевское на юбилей Циолковского и презентовал макет биологического спутника – на таких в космос отправляли животных.

Все вехи покорения космоса, вся история полетов представлена в музее села Ижевское. «Очень хочется, чтобы как можно больше людей узнали о нашем музее, – говорит директор музея Николай Николаевич Медведков. – Нередко приходится видеть туристов, которые удивляются: мол, мы думали, что увидим полуразрушенный домик, а здесь, оказывается, такой большой музей».

В музейный комплекс входит и дом, в котором когда-то жила семья Циолковских. Сейчас в нем разместились экспозиция, рассказывающая о колоритном русском селе и его ремеслах. Здесь представлены инструменты бондарей, прославивших село – качество их работы было оценено далеко за пределами Ижевского. Известны были своим мастерством местные кузнецы и шорники – через Ижевское проходил Нижегородский почтовый тракт, так что эти ремесленники были очень востребованы. Словом, в экспозиции можно увидеть все то, чем жило село в ту пору, когда здесь появился на свет сын простого лесничего, будущий великий ученый, мечтавший о покорении космоса. Он не боялся быть чудаком и фантазером, не боялся мечтать. И мечты его стали реальностью. ☺

«Я СИЖУ, А ОН СТОИТ»

Журналист
Анатолий
Аграновский

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

АНАТОЛИЙ АГРАНОВСКИЙ БЫЛ ЖУРНАЛИСТОМ НОМЕР ОДИН СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ. ПЕЧАТАЛСЯ ОН РЕДКО – РАЗА ТРИ-ЧЕТЫРЕ В ГОД, НО ВСЯКИЙ РАЗ ПОЯВЛЕНИЕ ЕГО ПЯТИКОЛОННИКА В «ИЗВЕСТИЯХ» СТАНОВИЛОСЬ СОБЫТИЕМ ВСЕСОЮЗНОГО МАСШТАБА. ЧАЩЕ ВСЕГО ЭТО БЫЛО ИССЛЕДОВАНИЕ КАКОЙ-ТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ, А ИНОГДА ОН УГЛУБЛЯЛСЯ В МОРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ. НО ЕСТЬ У НЕГО ОДИН ОЧЕРК, В КОТОРОМ РАССКАЗЫВАЕТСЯ УНИКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ.

ОЧЕРК НАЗЫВАЕТСЯ «КАК Я был первым». Начинается он так: «Хорошо быть первым. Первым узнать, первым поспеть, первым написать... Я приехал в село Полковниково на Алтае ранним августовским утром. Приехал до сообщений радио, которые сделали это село всемирно известным...»

ОРДЫ ЖУРНАЛИСТОВ В ПОЛКОВНИКОВЕ

Шел август 1962 года. Полковниково – родина Германа Титова. Тогда полет в космос был событием эпохального масштаба. Космонавтов знали все. Их биографии изучали в школах. А уж тем более Германа Титова – второго в мире космонавта. «Слава входит в дом Титовых-родителей шумно, неудобно. Она потная, задыхающаяся и, увы, бестактная», – пишет Аграновский в дневнике. Полковниково тогда заполонила орда журналистов. Все хотели подро-

ностей о детстве и юности Германа Титова. Первыми, еще до полета, появились в деревне журналисты московских изданий и Всесоюзного радио. Они, понятно, были проинформированы о предстоящем событии, но скрывали причину приезда в село. Ничего не сказали даже родителям Германа. Корреспондент «Красной звезды» приехал с удочками, будто бы порыбачить...

Уже после сообщения о полете прибыли журналисты краевых газет Алтая и соседних областей. И только когда радио голосом Левитана объявило на весь мир о новом прыжке в космос, о событии узнали в районной газете. Примчались редактор и фотокорреспондент. Родителей космонавта уже сажали в машину – везти в аэропорт Барнаула, где их поджидал самолет в Москву. Редактор кричит фотокорреспонденту: «Леша, снимай! Скорее!» А Леша: «Пленку забыл!»

Но почему Аграновский пишет, что он первый? На следующий день в «Известиях» вышел очерк о втором космонавте, но написан он другим журналистом. «В редакции уже имеется, написан, набран большой материал о Германе Титове, приоритет «Известий» был обеспечен, – вспоминает Аграновский. – Но он был обеспечен еще раньше, треть века назад». И вот тут-то, треть века назад, начало истории о Германе Титове и Анатолии Аграновском.

Очерк Аграновский продолжает так: «На следующее утро в большом сибирском городке я встретился с человеком, о котором заранее знал, что понять его будет непросто. Я спешил, потому что днем позже он не стал бы со мной говорить. Я не предупредил его, мне надо было застать этого человека врасплох».

ПЫТЛИВЫЙ УМ И БАЛАГУР

А история начинается в 20-х годах прошлого века. Учитель Адриан Митрофанович Торопов организовал в алтайском селе Верх-Жилинское коммуну «Майское утро». Днем в коммуне трудились, вечером устраивали читки художественной литературы. Читали Пушкина, Толстого, Тургенева, Лескова, Бунина, Некрасова, Писемского, Гейне, Ибсена, Гёте, Мольера, Гауптмана, Мопассана, Метерлинка, Гюго. Читали произведе-

ния и современных писателей – Зазубрина, Пришвина, Сейфуллиной, Серафимовича, Катаева... И так почти десять лет. В те годы в селе – ни кино, ни радио, только книга да газеты связывали людей с культурой великой страны.

Они не только читали, но и разбирали прочитанное. Обсуждения проходили эмоционально. Топоров записывал высказывания крестьян. А потом издал книгу «Крестьяне о

тебя Пушкин...» Носов И.А.: «Язык у Пушкина – огонь и бритва». Прочитав книгу, закрыл ее с сожалением. Услышишь сейчас подобное от крестьян? Да и кто придет на читку?

Среди тех, кто участвовал в читках, были оба деда Германа Титова: Павел Иванович Титов и Михаил Алексеевич Носов. Топоров составлял краткие характеристики участников чтоток, о Павле Ивановиче написал: «Пытливый ум, который не нашел

Титов и Носов редко вступали в обсуждение, если же говорили, то кратко. А вот Александра Михайловна Титова, бабушка Германа, была активна на читках. Говорила образно, разбирала подробно и сюжет, и персонажей. Вот что говорила о романе Владимира Зазубрина «Два мира»: «Неспокойная эта книга. Все время она тебя дергает. Придает всем людям страсти. Никакие еще книги я не поняла так, как эту. Сочинитель ее – многоумный, видать, человек».

Читали много драматических произведений. И во время обсуждения пьесы Константина Тренева «Любовь Яровая» возникла мысль: а не взяться ли за ее постановку? И взялись! Режиссер, понятно, Адриан Митрофанович. Так в коммуне возник театр. Ставили «Лес» Островского, «На дне» Горького, «Квадратуру круга» Валентина Катаева, замахнулись даже на Шекспира, поставили «Гамлета». Премьеры проходили с бурным успехом.

Топоров создал струнный оркестр и хор, которыми сам и дирижировал. Выступали с концертами в окрестных селах и даже в крупных городах – Барнауле, Новосибирске.

«БАРИН, КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ ЗАБЫТЬ СТАРОГО»

Школьники не участвовали в читках. Они читали на уроках. И Топоров учил их не только чувствовать слово в книге, но и видеть его в окружающей природе. Один из учеников, отец будущего космонавта, Степан Павлович Титов, в воспоминаниях пишет: «В теплые дни водил нас к перелескам. Учитель обращал наше внимание на далекие и близкие планы местности, на темное изваяние соснового бора, заставлял наблюдать, сравнивать, находить образы.

– Скажи так, чтобы я с закрытыми глазами видел тень, лес, поле, дорогу – как на картине художника.

Усердно работают наши головы, ищут сравнения, краски, полутени, уши ловят скудные звуки в молчаливом лесу. Высказываемся, обсуждаем, учитель выносит приговор:

– Начинаю видеть, но пока мутновато, проясни сравнением, тронь цветом. – И другому ученику: – А у тебя удачно, зажило, хорошо вижу. Запиши.

Это были азы нашего творчества.

Какое замечательное дело: крестьяне тянутся к литературе, к культуре,

Герман Титов – второй в мире космонавт. А состоялся он и потому, что на жизнь его отца оказал влияние учитель Топоров

ИЗ АРХИВА ИЗДАТЕЛЬСТВА АЛП

писателях». Она у меня есть. Не оторваться. В книге – россыпи народной мудрости, богатство самобытного русского языка. А главное – подкупает любовь крестьян к литературе.

Хочется приводить и приводить примеры мудрости, богатства языка «Белинских в лаптях», как назвал их московский журналист, но это не даст представления о том, как проходили обсуждения – книгу нужно читать полностью. Приведу лишь некоторые мнения о Пушкине – любимом авторе коммунаров. Топоров пишет в книге: «Ни разу не мог угодить крестьянам на пушкинские читки, а читал каждый раз до изнеможения. Но закрываю книгу и всегда умоляющие голоса: «Читайте, читайте еще!» И приводит мнение крестьян. Ломакин Т.Н.: «Когда слушаешь сочинения Пушкина, то в душе у тебя такое настроение, как будто дожидаясь важного гостя или счастья». Пронякин И.П.: «Как на легких рысях несет

при царизме надлежащего развития. Хороший по природе человек». О Михаиле Алексеевиче: «Был до коммуны крестьянин-бедняк. Нес много нужды. В коммуне воскрес. Суров. Насмешлив. Балагур. Остроязычен». Приведены в книге суждения о книгах и Павла Ивановича, и Михаила Алексеевича. Читали «Ташкент – город хлебный» Александра Неверова. Павел Иванович был краток: «Этот писатель жизни учит. Горька жизнь многих детей. Только к чему это детское горе? Над этим надо раздуматься». А Михаил Алексеевич высказался на обсуждении «Гроба подполковника Недочётова» Исаака Гольдберга. Замечу, я не слышал ни об этом авторе, ни о его произведении, а среди коммунаров оно вызвало бурное обсуждение. Вот мнение Михаила Алексеевича: «Этот «Гроб» надо с большим сердцем читать. Народный разговор у писателя – самый натуральный. Так он и поставлен, как мы балаболим».

к свету. Топоров учит детей видеть прекрасное в окружающем мире. И надо бы поддержать учителя, распространить опыт. Но власти это не понравилось. Навалились на учителя по-медвежьи. Районная газета писала о Топорове: «Барин, который не может забыть старого. Хитрый классовой враг, умело окопавшийся и неустанно подтачивающий нашу работу. Одиночка-реакционер. Ожестся на открытой борьбе, теперь ведет ее исподтишка» – 500 ядовитых строк. А потом и краевая газета добавила, чтобы окончательно добить, как она определила, затаившегося классового врага: «Чтением, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся и отвлекает их от ведущих политических задач».

Тоскливые скрипичные мелодии? Топоров самоучкой овладел скрипкой. И увлек скрипкой своего ученика – Степу Титова. Адриан Митрофанович говорил: «Бери скрипку, иди в лес учить дуэт». Степан Павлович вспоминал: «Пристраиваю на сучках тетрадь с нотами, разбираю свою партию». Учитель и ученик исполняли произведения Чайковского, Бетховена, Мусоргского. Расслабляли революционную волю крестьян.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ ЗАХЛЕБЫВАЛСЯ ОТ ВОСТОРГА

Была у Топорова и поддержка – о нем положительно отзывался Максим Горький. Он тогда жил на Капри, но прочитал книгу «Крестьяне о писателях» и поделился впечатлением: «читал, захлебываясь от удовольствия». Его коллега Викентий Вересаев писал Топорову: «Дело небывалое и любопытное. Я не знаю подобного эксперимента во всей русской и зарубежной литературе...» Поддержали Топорова и другие писатели, поэты, библиотекари и даже нарком просвещения Анатолий Луначарский. Вступилась за Топорова центральная пресса. «За что?» – с этим вопросом приехал в алтайскую глушь спецкор «Известий» Абрам Аграновский, отец Анатолия. Из командировки он привез очерк «Генрих Гейне и Глафира». Начинается он так: «Была сильная вьюга. Помещение, в которое я попал, оказалось квартирой ночного сторожа. Старик

долго кряхтел, помогая мне стащить заиндевевшую шубу, и, отчаявшись справиться, кликнул дочурку лет четырнадцати.

– Глафира!

Девочка вскочила с полатей и кинулась на помощь. В одной руке книжка, другой тянет рукав шубы.

– Что вы читаете? – спрашиваю, чтобы как-нибудь войти в разговор. Девочка краснеет и говорит:

– Генриха Гейне... Ах нет, простите! Генриха Ибсена...

Анатолий Аграновский – блистательный журналист, и он причастен к становлению личности космонавта Титова

Я потрясен обмолвкой и, не находя слов, только покачал головой.

– Поживи у нас, голубчик, не то узнаешь, – вмешивается старик. – Тут старые бабы – и те Ибсена знают».

Корреспондент во всем разобрался. И делает вывод: «Корни издевательства оказались – в зависти, невежестве и в боязни перед учителем, ибо выяснилось, что он – один из лучших и старейших сибирских селькоров! Учитель получил в 1925 году на конкурсе селькоров первую премию за «наибольшее число наиболее хороших и имевших наибольшие практические результаты корреспонденций». Как ни странно, в невольном блоке с обиженными жертвами учителя-селькора оказалась сама краевая газета».

Статья в «Известиях» появилась в 1928 году. Под ней подпись – А. Аграновский. Анатолию Аграновскому было тогда 6 лет.

МАЛ И ЖАЛОК

Учителя Топорова все же затравили: он уехал из села. Не помогло ни заступничество «Известий», ни защита Максима Горького. В 1937 году арестовали, отправили в Магадан. Освободили после смерти Сталина.

Ученики Топорова выросли. Герман Титов называл своим учителем и Топорова, хотя он, понятно, не учился у него.

А Анатолий Аграновский, после того как в космос полетел Герман Титов, по-

ехал к одному из тех, кто травил учителя. В очерке «Как я был первым» журналист не называет его фамилию, но в дневнике она есть – Митрофанов. Аграновский рисует его портрет: «Мал и жалок. Настороженный взгляд из-под очков. Седые редкие волосы. Голос скрипуч, но при пафосе обретает обличительную силу».

Аграновский не сказал Митрофанову о Германе Титове, а задал вопрос о Топорове. И Митрофанов разразился монологом: «Топоров, он умело маскировался. Но материал кое-какой у нас был, да... Я тогда работал в Косихе, заведовал школой. А рядом со школой была КК и РКИ. Контрольная комиссия и Рабоче-крестьянская инспекция, серьезный орган по тем годам. И мне предложили быть внештатным инспектором, хотя всего лишь комсомолец. Но я парень был бойкий. Вызывают однажды и говорят: «Как смотришь

поехать в школу «Майского утра»? Есть сигналы оттуда... Понимаешь, надо». И я поехал, хотя зарплата там ниже. А о Топорове и не знал до этого: «Есть там учитель... Присмотрись, собери материал, что плохого о нем говорят и прочее». Ну, приехал в «Майское утро»... Он, должно, и не помнит меня, куда там! Может, помнит, что был такой парень, который из коммуны выселял его, а фамилию-то забыл. Что ж, человек я маленький, а он высоко себя ставил. Да, высоко! Начитанный был, этого не отнимешь. А у меня какое образование? Имел, конечно, опыт массово-политической работы с крестьянством, тут меня терли. А он, Топоров, мог большие цитаты из Маркса-Ленина наизусть говорить, ловок! Вы учтите обстановку, очень близко к сердцу я все принимал: вот он, затаившийся враг, и я знаю, что враг, а поймать трудно. Ведь он и музыку знал, и был у него оркестр, два даже – народных инструментов и такой, со скрипками. Вообще-то ничего выдающегося, сейчас вон у нас какие капеллы, но мы тогда считали, что это буржуазное влияние».

Тут журналист делает примечание: «Я рассказчику не поверил, это было уж слишком. Но после познакомился с доносом за подписью Митрофанова: «Чтениями, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся и отвлекает их от текущих политических задач». На этом он и ограничивается. А монолог Митрофанова продолжается:

«Теперь о моральном облике Топорова. Гордый был чересчур. По руке здоровался с немногими. Страшно самонадеянный – это его недостаток. Мылся всегда в своей бане. По-белому. Были случаи, я лично видел, отчитывал мужиков, как барин какой: «Что у тебя, времени не было помыться?» Корову имел свою, она стояла в общей стойке, но молоко пил только от своей коровы. Почему? – спрашивается. Молока в коммуне хватало, пять копеек литр, и всем нам давали, а он свое пил молочко-то! Вот вам его моральный облик, самый настоящий. Что нам еще не нравилось в его действиях? Вот эта книга Топорова – в ней ведь бедняцкой прослойки, можно считать, нет. Бедняку не до книжек! Я сам-то с Тюменской области, у нас хуже жили; я

как приехал, все удивлялся, как это на Алтае считают: десять гектаров – не кулак. И народ упрям, у нас народ легче. У нас, скажем, у зырян, хлеб у кулака изымаешь, а он же тебя яйцами угодит и на перину уложит, да-а... И как мы стали кулаков выявлять, так Топоров до того дошел, что открыто на собрании выступил некоторым на защиту: мол, они воевали в Гражданскую и вообще труженики. Но белое оно и есть белое, его в красное не перекрасишь, да! Все ж таки их раскулачили. Фамилии? Не помню сейчас. Блиновых там было семей пятнадцать, полдеревни Титовых...»

Адриан
Митрофанович
Топоров –
Учитель
с большой
буквы

Митрофанов надолго задумался, видимо, припоминая давние события. Продолжил: «Да-а, Топоров. Он на меня так смотрел всегда... Как все равно на стекло: видит и не видит. Гордый! Знал ведь, что я приехал неспроста, и я знал, что он знает, а ничем, видишь, не показал этого. Сквозь смотрел! Ну ничего, материал мы все ж таки собрали. А уж когда перед КК и РКИ поставили его, тут я сидел в центре, а он перед нами стоял. Час целый стоял». Вот главный предмет гордости этого человека – и через десятилетия вспоминает с упоением: «Я сижу – он стоит». Тут и добавить к портрету нечего, человек саморазоблачился. А чем он гордится? Да тем, что уничтожил светлое в селе. Топорова из села выжили. С чтением книг покончили. Оркестр и театр разогнали. Скрипку его нашли на чердаке мальчишки, баловались да и сломали. Как сказал отец космонавта Титова Степан Павлович: «Извели, растоптали все, что лучше, умнее, выше тебя. Как они только живут на свете?»

ШЕСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК

Аграновский сказал Митрофанову: «Вы слышали по радио: в космосе был Герман Титов. А он родом из той самой деревни, из «Майского утра». И родители его при мне сказали журналистам, что всем лучшим, что есть в них, они обязаны своему первому учителю – Топорову». Долго молчал Митрофанов. «М-да... – сказал он наконец. – Вот уж действительно гора с горой не сходится... Я ведь тогда письмо к вам написал. В газету «Известия ЦИК», так называлась. Отразил ошибки... – Получили ответ?

– Ответ был несерьезный, я помню... Дескать, вы беретесь судить о Топорове, который на десять голов выше вас, а в вашем письме, письме учителя, шесть грамматических ошибок. И всё. И подпись: А. Аграновский».

А вот заключительные слова очерка «Как я был первым»: «Много раз меня путали с отцом: у нас ведь имена начинаются с одной буквы. В тот год, когда умер отец – в командировке, в деревне Большое Баландино, – в тот год вышла моя первая книга, отец еще читал ее. В одной из рецензий было написано: «Автор книги – недавно умерший талантливый советский журналист». Меня часто путали с отцом, который был мне учителем и самым большим другом, но никогда еще, пожалуй, я не ощущал с такой ясностью, что стал продолжателем дела отца.

– Вы знаете, статью о Топорове писал не я, – сказал я этому человеку. – Статью писал мой отец. И письмо вам писал мой отец. Но я написал бы то же самое. Слово в слово». ■

РАЗНОЦВЕТНОЕ НЕБО КАЗАЧКИ АЛЕКСАНДРЫ

АВТОР

НАТАЛЬЯ РАЗУВАКИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«МНЕ 93, ТАКАЯ БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ ПОЗАДИ, А ВСПОМИНАЕТСЯ ТОЛЬКО ДЕТСТВО, СТАНИЦА НАША КАЗАЧЬЯ, ДА ВОТ ВОЙНА... ВОЙ СОБАК СЛЫШУ НОЧАМИ. ТОТ САМЫЙ ВОЙ, КАКОЙ ПОДНИМАЛСЯ, КОГДА ФАШИСТЫ ЛЕТЕЛИ. НИЗКО-НИЗКО НАД НАМИ, ДА САМОЛЕТОВ ПО ДВАДЦАТЬ! И СИРЕНЬ ВОЮТ, И СОБАКИ!.. АНФИСА, ТЕТУШКА МОЯ, ВЫШЛА ЗА ВОДОЙ, А ТУТ – ШЕСТЬ МИН... РУКУ ЕЙ ПОКАЛЕЧИЛО, ЛЕЖИТ, ТЕМПЕРАТУРА 42. И ПОШЛА Я, ДЕВЧОНКА, ПО ФРОНТУ – ВРАЧА ИСКАТЬ. ПЕНИЦИЛЛИН ЖЕ ТОЛЬКО В АРМИИ БЫЛ... ПЛАЧУ, ХОЖУ ПО ОКОПАМ, ДУМАЮ: УБЬЮТ ТАК УБЬЮТ! ВРАЧ ТЕТЮ СПАС, НО ОСКОЛКИ В ПОЗВОНОЧНИКЕ ОНА ПОТОМ ДО КОНЦА ЖИЗНИ ЧУВСТВОВАЛА. А МАТУШКУ СВОЮ Я НЕ ПОМНЮ. МНЕ 2 ГОДИКА БЫЛО, КОГДА УМЕРЛА ОНА С БРАТИКОМ МОИМ ВМЕСТЕ. ОТ ГОЛОДА, ОТ ЧЕГО ЖЕ! КАКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ КАЗАКОВ В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ БЫЛИ – СЛЫШАЛИ?..»

ПРИ НЕЙ НЕЛЬЗЯ СУ-
тулиться. Нет, ниче-
го не скажет. И глаза
смотрят по-доброму. Но
сама такая прямая, посадка голо-
вы – балетная, и держится столь

строго и спокойно, что начина-
ешь лопатки сводить произво-
льно – надо соответствовать!
По крайней мере – не оскорблять
ее достоинство видом расхлябан-
ным и некрасивым.

«Я люблю все красивое! Краси-
вых людей люблю, красивую
одежду, красивые истории, кра-
сивые цветы... Да, первая кар-
тина моя была – как раз цве-
ты. Красок же у сыночка много

было, вот я и нарисовала. Просто так. Как на пенсию вышла, так и выбрала время. В восьмидесятых еще. Показывать ему, художнику, стеснялась. Я ж не знала, что я могу рисовать. А он увидел все равно. Он меня хвалит. А я стесняюсь... А он – мама, говорит, рисуй!»

Александра Николаевна Попова – казачка, фельдшер, красавица (язык не повернется назвать ее старушкой!) и хозяйка волшебного жилища. Снаружи – это многоквартирный дом в Переславле-Залесском, в Лесном переулке, а переступаешь порог ее квартиры – оказываешься в самом настоящем волшебном лесу, в сказке. Без преувеличений! Со стен смотрят нарядные царицы и принцы, и жар-птицы гордятся великолепными оперениями, и ангелов так много... А вот мама с дочкой с корзиночками через лужок идут, цветы вокруг – и две елочки. Зайки какие милые – ушки в стороны! А вот казак на коне... И внезапно – Кармен в профиль, я узнала ее по картонной коробочке с пудрой – в детстве такую у соседки видела на трюмо. Почему Кармен? А потому что красивая! Картины всюду – на стенах, на полках и полочках, на спинке дивана... И комнатные двери цветами расписаны, и даже холодильник.

Ощущение, что представления о красоте у Александры Николаевны откровенно детские. Так первоклассницы рисуют принцесс на переменках (или уже не рисуют?). Большие глаза в мохнатых ресницах, губки бантиком, кудри – щедро, от души, а пропорции – как уж получится, неважно. Но цвет, цвет! Небесно-голубое, и бирюзовое, и лазурь. И непременно розовое. И белое – то фоном, то вкраплениями, чтобы – свежо и нежно... Иногда золото – и тогда получается еще нежнее, солнечное утро – и еще сказочней. Никакой связи с реальностью. Но столько жизни. И детства. И красного цвета – ну какой ребенок проигнорирует красный, яркий да ясный?

СТРАШНАЯ МОДНИЦА

Александра Николаевна подводит меня к одной картине. «Смотрите, какие ведра у нее! Это Аксинья. Видишь, ведра? Это я придумала! А там, далеко – станица наша!»

Так девочки сбегают в свою выдуманную страну. Идеальную. Сбегают от суровых воспитателей, от уроков, от необходимости взрослеть. Наверное, так рисовала маленькая Шурочка в детстве. Красок, правда, не было, но были карандаши – цветные! Еще были травки-букашки, которые так любила... И куда было деться от страшного взрослого мира?

«На моих глазах семью одну репрессировали. Кулак, говорили. Земля потому что у него.

Она не помнит, как сидела у мамы на коленях. Очень скоро мать и братик умрут от голода

Красавицей себя Александра не считала, но красоту в свой облик привносила – изо всех сил!

Так ведь у этого казака жена была, две бабки больные и восемь человек детей! Как без земли-то? А его на Крайний Север... И сколько таких семей! А там они – кто с Дону-то доехал, в пути не умер, – там они в бараках да без еды. На смерть отправляли!

...Все я умела. Все уже в 6 лет делала. И воду таскала, и за птицей ходила. И скотину пасла... На коня? Да что вы, советская же власть, какие кони. Трактора! Без коней казаков оставили. Это ж... до слез. Один мой родственник коня спрятал. Красным сказал – белые увели. А конь взял да и пришел. Стоит – вот он! Так казака того нагайками забили!.. Легкие отбили – ну и все, конец».

...Ах, какой всадник на картине, на стене, и какие ведра узорчатые с водицей ключевой подносит ему казачка Аксинья! Придуманные ведра...

Почему же не пошла в художники, не научилась рисовать «позрослому»? Вопрос этот так и вертелся у меня на языке, а когда все же задала его – Александру Николаевну словно и не слышала, не поняла. Ну какие еще художники? Серьезным делом надо во взрослой жизни заниматься. И потому – медучилище в городе Шахты, как иначе. Медицина – людям помогать. А себя на плаву держала... да той же красотой! «Модничала я страшно. А нищета была! Голод был до 47-го года, пока карточки не отменили. По карточкам давали хлеба 200 граммов на день – и больше есть было нечего. У меня от голода пятна черные были на лице. А в пятидесятые уже полегче... Вот это фото – видите? Тут настоящее казачье кружево на платье. Весь Ростов, бывало, обойду, чтобы найти что нужно... У тети моей старая казачья одежда была, я под себя подгоняла. А если платье куплю в магазине, так сразу его переделаю! Ко мне и женщин много обращалось. Я вижу, что фигура некрасивая, неправильная, так я ей нарисую, как надо платье перешить, научу, что носить!..»

НАД НЕБОМ ГОЛУБЫМ

И как же славно было «модничать» и думать о старинных кружевах, красоваться – красотой и юностью перешибая воспоминания о бомбежках, о долгих голодных сутках, когда прятались с теткой в станичном колодце и не знали, будут ли живы завтра – Ростов под немцем... И этот песий вой, что слышится ей даже сегодня...

И – работа на износ в больнице, временами и на скорой. И – за мужем в Казахстан, в закрытый городок, где шли военные ракетные испытания в опасные хрущевские времена. А потом в Волгоград, где все то же: работа, муж и сын. Едва концы с концами сводили... «Все было на мне, я же женщина». Гимнастика всю жизнь – и ежедневно. Осанка. Духи. И до сих пор сама готовит, сама все делает по дому, даже пылесосит. А чистота в доме такая, что кажется, будто воздух благоухает и звенит. Или это ее любимая «Красная Москва»? Знаю – пользуется. А может – крылья ангелов? Ведь если честно, в сказочном этом квартирном мире поражает прежде всего не красочность сама по себе и не обилие разнообразных фантазийных персонажей – поражает пространство, иное ощущение бытия, что творит хозяйка – или творится через хозяйку. «Над небом голубым есть город золотой» – это о рае, который интуитивно чувствует чистая душа, писал Анри Волохонский. Над небом! Туда, в мир идеальный и прекрасный, смело (или робко поначалу, стеснительно?) ушла однажды художница – от мира нашего поднебесного, где так много страданий, несправедливостей и самого главного уродства – зла. Ушла и живет. Знайки относят ее творчество к наивному искусству, люди же попроще сказали бы – рисует как Бог на душу положит. Но если душа ведома свыше – то куда, как не в рай? И пусть душа наивна и кисточка проста, но ведь – «Будьте как дети...». Когда невыносимо больно, и плохо, и страшно – казачья душа ни за что не признается в этом даже себе. Она просто включает в себе ребенка.

Сын – художник Вадим Родомысльский – всегда рядом, его работы бережно хранятся матерью

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ, БЕЛЫЙ-БЕЛЫЙ...

Нет, не с выходом на пенсию были связаны те первые цветочки, нарисованные уже взрослой Александрой. В то время тяжело заболел ее муж. И надо было держаться. Держать себя. Ради него. Ради жизни. Спину держать прямо. И творить красоту... «А я начала тогда... цариц рисовать!»

Когда умирает любимый супруг – это тяжело очень и очень. Оставшись без мужа, ощутив себя однокрылой, Александра Николаевна продолжала рисовать. Переехала, правда, к сыну в Переславль-Залесский, где и живет до сих пор.

Но когда выпадает женщине крест пережить своего ребен-

ка – крест этот может и раздавить. А она... Она просит купить ей лилии к 8 Марта. И чтоб непременно сильно пахли. И любит шоколад. Как, как держится, чем?!

Сын Александры Николаевны, замечательный переславский художник Вадим Родомысльский, прекрасный пейзажист, вдохновенный певец земли Русской с ее церквушками, снегами и травами, речками, прибрежными лодками и избами, умер три года назад на руках у матери. Вернее – умирал на ее глазах. «Вот здесь, в этой комнате, сыночек мой и лежал... Закрылись глазочки его зеленые...». Сейчас здесь портрет невероятно красивого, как сказочный принц, юноши с выразительными глазами и – его картины. Россия без прикрас – и во всей красе.

Я намеренно не ишу синонимов к слову «красивый», хотя найти их легко. Любимое слово Александры Николаевны не хочется заменять ничем. Прямо, просто и сильно говорит она о красоте – ею и живет.

«Сыночек мой умер, и я совсем спать не могу, и надо же делать что-то, а лежать нельзя... Вот хожу, хоть и качает меня, а двигаюсь. И картины новые придумываю. А однажды упала вот тут на пол и пролежала не знаю

Роковая красавица Кармен радует глаз художницы всю жизнь...

...А в казацкой
станции
за спиной
Аксиньи –
наверняка
счастливая
жизнь!

сколько. Одна же. Очнулась, потому что голубь белый прилетел откуда-то и в ладонь мне клювом тычется, клюет. Я думаю: покормить же надо. А где хлеб, где зернышки?.. Зашевелилась. А он и исчез... Сыночек это мой был, я знаю, точно знаю – он! Белый-белый голубок был...».

...В родной станице Александры Николаевны, в Екатерининской, фашисты разбомбили все. Особенно досталось домам советских инженеров, которые строили незадолго до сдачи Ростова понтонный мост через Дон. По мосту ушли войска, ушла техника... Строителей не пощадили. Постарался шпион, что заранее ходил по хатам и, представившись большим советским начальником, выведывал, кто где живет... «Он с акцентом говорил, а мы и не подумали чего плохого!» А вот церковь – осталась. Родная церковь, с первых самых лет туда за ручку с тетей Анфисой, которую матушкой звала, Шуручка ходила. И первые самые картинки ее были – иконы. Цветными, наверное, карандашами... Яркие. И потому стоит ли удивляться, что так много образов сегодня в ее наднебесном мире, где каждая иконная полочка тоже расписана выюнами да цветиками? Но вот сила-то такая – откуда и почему?

КАЗАЧЬИ КОРНИ, ВСЕОБЩИЕ НЕБЕСА

«Казачка я. Казачка, а значит – гордая! У нас в роду легенда есть, что родственница одна моя, по материнской линии, за мужем своим в Даурию отправилась. Вы про Даурию знаете? А про Маньчжурию? Как казаки туда с Дона пришли от этих... харакири, ну от японцев, границы охранять?» Про Маньчжурию я знаю, но вот легенду об отважной казачке, что

Вот она –
крылатая душа
Александры.
В небе голубом

на коне да в длинной юбке последовала за войском, услышала впервые. Узнала, как полюбились она казакам. Как обеды вкусные на всех варила да мужа радовала... И как однажды среди ночи единственная услышала, что хитрый враг, «харакири», явился – и всех подняла. И видит, что муж-то ее трусоват – в хвосте отряда плетется. Стыдно стало казачке. Вскочила она на коня – в длинной юбке, да, и с шашкой наголо. И как давай японцев рубать, всем пример подавать!.. Такие они, казачьи-то женщины!

– А как звали ее, родственницу эту вашу, Александра Николаевна?

Моя собеседница изумленно округляет глаза и отвечает вроде даже с укором – ну как же я не догадалась:

– Так Александрой! Александрой и звали!

Кто бы сомневался...

Я листаю сборники казачьих песен – так хочется закончить этот рассказ красиво и правильно, чтобы с ветром, конями, страшной и лихой походной романтикой, с любовью и войной – наотмашь, как и положено у казаков... Дать коду – четверостишие, куплет. Так много песен славных... Но ведь не подходит ни одна!

Да потому что небо, свобода и красота, в которой живет моя героиня – не только казачья. Велик соблазн поспорить с Достоевским и заявить, что мир уже спасен... В жилище Александры Поповой создается именно такое ощущение. Но нет, конечно. Просто здесь явлен – пусть немного, краешком – мир иной. Где смерти нет, где сын утешает мать, прилетев белым голубем из той самой реальности, в которой – изо всех сил, ведь сильная же! – старается жить и она. И если песни – то ангельские, чистые младенчески, без тени страстей человеческих...

Я знаю, для кого куплю завтра большую шоколадку «Аленка». Мне подсказали – это ее любимая.

А пока пойду нарисую принцессу. Свою, в ромашках. Это заразительно. И за это – только благодарить!..

ДИВНАЯ ОБРЯДА

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

100–150 ЛЕТ НАЗАД РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЭТОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАРЯЖАЛИСЬ В КОСОКЛИННЫЕ И ПРЯМЫЕ САРАФАНЫ, ПОВЕРХ НАБРАСЫВАЛИ «КАФТАНЧИКИ» ИЛИ «ГОЛЛАНДКИ». ГОЛОВЫ УКРАШАЛИ «НАКЛОННИКАМИ» ИЛИ БОГАТО РАСШИТЫМИ ЗОЛОТОЙ ВЫШИВКОЙ ПЛАТКАМИ. МОРДОВКИ ЗДЕСЬ НОСИЛИ СОВЕРШЕННО УНИКАЛЬНУЮ ОДЕЖДУ: БЕЛОСНЕЖНЫЕ ХОЛЦОВЫЕ ШУШПАНЫ С ВЫШИТЫМИ КРАСНЫМ УЗОРОМ РУКАВАМИ, ПОДХВАЧЕННЫЕ ПЛЕТЕНЫМИ РАЗНОЦВЕТНЫМИ ПОЯСАМИ. КРАСИВЫ И САМОБЫТНЫ БЫЛИ ОДЁЖИ ТАТАР, ЧУВАШЕЙ, МАРИЙЦЕВ, ТАКЖЕ ПРОЖИВАВШИХ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ.

В ЕЛИКОЛЕПИЕ И РАЗНООБРАЗИЕ сохранившихся до наших дней традиционных одежд региона демонстрировалось в Манеже Нижнего Новгорода на

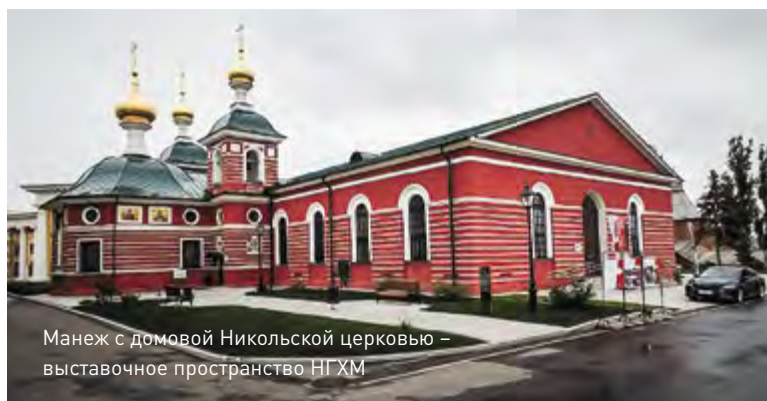
выставке «Сарафан. Шушпан. Одёжа. Образы Нижегородского Поволжья в быту и традиционном праздничном костюме». «Уникальность выставки в том, что впервые за всю историю бога-

тейшей текстильной коллекции Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника были показаны практически все костюмы народов нашего многонационального Поволжья, – говорит заведующая отделом истории музея и один из кураторов выставки, Татьяна Александровна Кузьмина. – Мы постарались представить, насколько возможно, все локальные варианты, всё, чем мы отличались от других регионов. А так как народный костюм – это еще и отражение социального статуса человека, мы продемонстрировали на выставке, как на этот костюм зарабатывали. То есть чем жили села, их традиционные промыслы». Этнографические выставки бывают порой немного скучны для обычного зрителя. Здесь же не скучал никто. Что за «дивные и барские обряды» носили женщины на Нижегородской

земле, почему башмаки были «коробошны», а кокошник лопатообразный, зачем топили березку и водили коня, для чего использовали парь и рубель, почему девушки-марийки трубили в трубу, можно было узнать на этой удивительной выставке. Организаторы – Нижегородский государственный художественный музей (НГХМ) и Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповед-

ник (НГИАМЗ) – и участники выставки, в числе которых крупнейшие музеи Санкт-Петербурга и Москвы, краеведческие музеи Поволжского региона и частные коллекционеры, развенчали бытовавшую в советский период официальную идеологию о бедном крестьянстве, у которого не могло быть столь роскошных «дивных обряд», сверкающих переливами шелка и блеском золотых нитей.

Манеж с домовою Никольскою церковью – выставочное пространство НГХМ

Лада Владимировна Калинина и Татьяна Александровна Кузьмина – кураторы масштабной выставки от НГИАМЗ

«ПРИМЕТЫ МИЛОЙ СТАРИНЫ»

Самые ранние из представленных костюмов относились к XVIII веку. Это особое время для нижегородских земель, связанное с деятельностью царя-реформатора Петра I. В январе 1714 года он подписал указ об учреждении Нижегородской губернии: «Нижегородской губернии быть особо», подчеркивая этим ее выделение из самой большой на тот момент Казанской губернии.

А четырнадцатью годами ранее, тоже в январе, произошло событие, повлиявшее на внешний облик жителей не только Нижегородчины, но и всей страны. Согласно царскому предписанию от 1700 года «О ношении платья на манер венгерского», дворяне, бояре и служилые всех чинов переоделись в костюмы западноевропейского образца. Традиционные одежды дозволено было оставить лишь купечеству и крестьянству.

До наших дней, отметила старший научный сотрудник, хранитель коллекции этнографического костюма НГИАМЗ и куратор выставки Лада Владимировна Калинина, дошли в основном праздничные народные костюмы, которые в семьях берегли и передавали по наследству. Надевали их редко, только в торжественных случаях: на свадьбу, в церковь, на большое гулянье. Со старинных косоклиньных сарафанов из собрания знаменитого нижегородского фотографа

Праздничные «великорусские» костюмы из шелковых тканей конца XVIII – начала XIX века

Андрея Осиповича Карелина начинается коллекция музея-заповедника, они же открывали и выставку.

Характерный для великоросов северных, северо-западных и центральных территорий России костюм с сарафаном и кокошником – символ традиционного женского образа нашей страны. На Нижегородчине такой костюм носили до 30-х годов XX века. Однако, сохраняя типичные черты, он обзавелся здесь локальными особенностями.

Архаичные косоклиньные сарафаны конца XVIII – начала XIX века имели трапецевидную форму. Количество клиньев было 6, 8, 12, а порой достигало 16! Но самым распространенным вариантом были четырехклиньные. Зауженная кверху спинка сарафана кроилась вместе с ляжками и, на ироничный взгляд нижегородок, напоминала «лягушку». Ранние распашные или более поздние, с имитацией застежки, сарафаны украшались нарядным галуном

или плетеным кружевом, бахромой и вышивкой с золотными нитями.

Если верх сарафанов шили из дорогих тканей – узорного шелка или златотканой парчи отечественного производства, то изнутри чаще всего их подбивали домотканой крашениной. Так же поступали и с короткими, на бретельках, душегрейками, которые в Нижегородской губернии называли «холодник» или «кафтанчик».

Верхняя шелковая одежда с рукавами, вставными клиньями, широким отложным воротником или без него, ино-

Под старинный нарядный костюм туфли украшались золотным или серебряным шитьем

Девичий костюм конца XVIII – начала XIX века с сарафаном, телогреей, головным убором «лентой»

гда с трубчатыми складками на спинке ниже талии – «борами» – помимо привычного для слуха «телогрея» получила прозвище «голландка». Откуда пришло столь необычное название, исследователи пока не знают.

Шелковые и парчовые сарафаны надевали с рубашками-долгорукавками из такой же ткани. Современным модницам есть чему поучиться у своих предков. По-прежнему очень свежо смотрится сочетание сарафана из ярко-синего шелка с радующими глаз крупными букетами (как говорили в народе, «с пукетами») и шелковой рубашки поморанцевого цвета с вытканными из золотных нитей цветочными гирляндами.

Довершали старинные образы головные уборы удивительной красоты. Девичьи повязки, понижегородски – «ленты», шили из галуна с вышивкой мелким жемчугом и украшали сеткой из низаного перламутра. Замужние женщины носили разнообразные кокошники. Самой известной формой была нижегородская «лопата». Этот «двурогий» кокошник с большими откосами чаще всего носили с наклоном вперед, оттого и прозвище он получил «наклонник». Самую эффектную его часть – задник, с роскошной золотой вышивкой по бархату – мало кто мог увидеть, так как поверх головного убора нередко набрасывались фата, покрывало или платок.

Женский головной убор кокошник, в отличие от девичьего, полностью закрывал волосы

«ОДЕЖДА ДЛЯ БОГА»

«В конце XIX – начале XX века архаичные косоклинные сарафаны и богатые кокошники, которые изготавливались на заказ профессиональными мастерами, считались большой семейной ценностью и передавались из поколения в поколение, стали использоваться в качестве ритуальных, свадебных нарядов», – поясняют кураторы выставки.

Нижегородский старообрядческий костюм из муарового шелка с золотошвейным платком, надетым «под булавочку»

Девичий головной убор «лентка» из села Чернуха

Венчание – одно из семи церковных таинств, означало принятие ответственности перед Богом и людьми. Поэтому свадебная одежда воспринималась как своего рода «одежда для Бога». Нижегородский большой кокошник в форме лопаты, надевавшийся невестой, визуально перекликался с богато украшенным венцом на окладе иконы Богородицы, которой благословляли молодых. Строгими блюстителями древнего благочестия были старообрядцы. После церковной реформы патриарха Никона в середине XVII века в Нижегородское Заволжье стекались несогласные с нововведениями «люди старой веры» из Москвы, Новгорода, Твери. Для них было важно сохранить старые традиции. Потому в традиционном костюме старовеков распашные косоклинные сарафаны остались надолго. Черные и синие надевали поверх белых рубаш с кружевными манжетами в качестве моленной одежды. К ним отношение было особым: стирали и хранили их отдельно. По праздникам девушки и женщины облачались в сарафаны из узорного шелка. Количество пуговиц на сарафанах, а также мужских кафтанах старообрядцы «возводили на степень догмата веры».

По набивным золотошвейным платкам из шелка, тафты, кисеи, особым образом повязанным на головах, можно узнать нижегородских старообрядков и на картинах Михаила Нестерова «Великий постриг», «Христо-

ва невеста», «В скиту. Сестры», и на фотографиях Жана Ксавье Рауля 1870-х годов. «Чаще всего ими покрывали голову так, чтобы два конца спускались по спине, а два других были спереди, – писала о способе ношения платков знаток народных промыслов искусствовед Нина Тимофеевна Климова. – Закалывали такой платок только под подбородком. Как говорили местные жители, носили платок «на распустиху», или по-городецки «на растото». Платок, вышитый с угла на угол, складывали вдвое и закалывали тоже под подбородком, по-местному, «под булавочку». Так же, по-старинному, платки были представлены и на выставке.

Для жен и дочерей купцов-старообрядцев самыми желанными и нарядными считались «дородоровые платы», то есть золотые. Цветы, ягоды, листики, гроздья винограда на них были вышиты золотными нитями столь искусно, что создавалось впечатление, будто ткань ровно залита золотом. Стоили они очень дорого и надевались только по праздникам. Исследователь местного народного искусства Дмитрий Васильевич Прокопьев писал в начале XX века, что «о владелице такого платка знала вся округа. Он сразу подымал престиж невесты. Из дальних семеновских деревень приходилось ездить в Городец, где жили «магистки», вышивавшие такие платки».

Золотное шитье процветало и в светских мастерских, и в старообрядческих скитах, и в крестьянских избах Городца, Лыскова, Выездной Слободы. Но самыми «мощными» золотошвейными центрами, – поясняет Лада Калинина, – были Николаевский и Алексеевский женские монастыри Арзамаса, основанные в XVI и XVII веках соответственно. Согласно сохранившимся приходно-расходным книгам, монахини и послушницы шили золотом помимо церковных облачений,

Молельный костюм нижегородской старообрядки с платком, заколотым «на растото»

плащаниц, воздухов еще и козыньки, платки, оплечья для рукавов рубах, кафтанчики». Слава про женскую общину Алексеевского монастыря, чье «бесподобное шитье, – по выражению поэта графа Дмитрия Ивановича Хвостова, – есть образец чудесного искусства» гремела не только на всю Россию. Заказы шли из Константинополя, Иерусалима, городов Греции. Золотошвейные работы арзамасских мастериц блистали на российских и международных выставках. На Всемирной выставке в Париже в 1900 году вышитые ими воз-

духи завоевали высшую награду – Гран-при.

Но если шитье церковной утвари и облачений прославило монастырских искусниц, то шитье для мирских нужд принесло им народную любовь. По данным этнографов, вплоть до начала XX века жительницы окрестных сел, особенно села Чернуха, заказывали в монастыре «всю сряду на свадьбу» – нарядную одежду для самого значимого события в жизни женщины, которую надевали всего один раз и за которую не жалко было отдать целый воз пшеницы весом 20 пудов.

Душегрея «кафтанчик» с трубчатыми складками «борами»

Посетительницы
мысленно
примеряли на
себя роскошные
«дивные обряды»
села Чернуха

НАША ГОРДОСТЬ

Чернухинский праздничный костюм действительно уникален. «Как и женский костюм села Безводное, он – наша гордость, самое яркое, что нас отличает», – заметила Татьяна Кузьмина. Среди многообразия локальных вариантов русского костюма на Нижегородской земле наряды именно из этих двух сел были в 1867 году отобраны и представлены на первой в истории Российской империи Этнографической выставке в Москве. Чернухинские костюмы привели в восторг императрицу Александру Федоровну, когда жительницы села приветствовали царскую чету в 1903 году, следовавшую на торжественное прославление мощей святого преподобного Серафима Саровского. В наши дни чернухинские «дивные обряды», как их называют сами жители села, красуются в музеях Москвы,

Санкт-Петербурга, Нижегородской области, частных коллекциях и бережно хранятся в укладах местных жительниц. Что же за костюм надевала невеста из Чернухи, про которую в старину говаривали: «Невеста богатая – рогатая и бородатая»? Наши современницы вздрогнули бы от подобной характеристики. Однако ничего обидного в этой фразе нет. Многосоставной головной убор «сорока» из штофа или бархата, который надевали женщины, был плотно покрыт золотым шитьем и напоминал высокую шапочку. За счет кроя спереди на очелье образовывались маленькие рожки, считавшиеся с давних времен оберегом. «Бородкой» же на-

В XIX веке чернухинские костюмы носили с полусапожками «вязанками»

зывали удивительное нагрудное украшение, своего рода ожерелье из многих метров золотой бахромы, намотанной в несколько слоев вокруг шеи вперемежку со шнуром «витейкой». Ряды такой же бахромы украшали подол косоклинного сарафана, передник «запон», верхнюю одежду «пониток». Чернухинский костюм неслучайно называется «дивная обряда с шелковьем».

Все эти предметы одежды шили из ярких шелковых тканей: тафты, атласа, сатины красного, фиолетового, розового цветов. Как пояснила Лада Калинина, «особой приметой местных шелковых «рукавов» (верхней части рубаш) были большие прямоугольные оплечья «мышки» с плотным золотым шитьем. В Чернухе было престижно

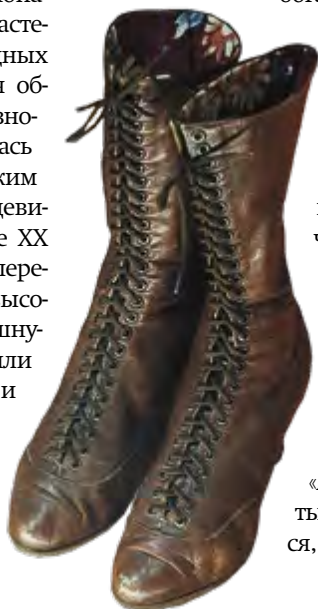
«Троицкие»
костюмы
с круглыми
сарафанами
девушек села
Безводное

заказывать вышивку всех деталей костюма в одном стиле».

В XIX веке в холодную пору с «дивной обрядой» надевали полусапожки «вязанки». Единственный в своем роде промысел по их изготовлению появился около 1840 года в Николаевском монастыре, а затем его освоили мастерицы в Арзамасе и пригородных селениях. Нарядная вязаная обувь самых разных форм с разноцветными узорами полюбилась и «взыскательным московским модницам, и купеческим девицам, и мещанкам». В начале XX века жительницы Чернухи переобулись в более изящные высокие кожаные ботиночки на шнуровке. С ярмарки их привозили в коробке, в ней же потом и хранили, потому и прозвали их «коробошные».

Костюмный комплекс села Безводное значит не меньше, чем чер-

Попуные кожаные ботиночки на шнуровке – «коробошные» – дополняли наряды в начале XX века

нухинская обряда. Фотографии крестьянок в безводнинских нарядах сегодня бьют рекорды по просмотрам в интернете и бурным обсуждениям на различных сайтах и в социальных сетях.

Девушки и замужние женщины богатого села, которое славилось «кипучей ремесленной деятельностью» по изготовлению из медной проволоки уд, якореи, крючков, решёт и сит, могли себе позволить носить эффектные парчовые сарафаны необычайной ширины. Крой у них был более поздний – прямой (круглый), и по-местному называли их «москаль». Разгадку ширины подобных сарафанов можно найти у Николая Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо?»: «А есть еще затейницы, // Одежды по-столичному – // И ширится, и дуется // Подол на обручах!»

В 1860–1870-х годах безводнинские модницы надевали под сарафаны кринолины, а нижние юбки сильно крахмалили или стегали на вате. Дополняли наряд пышные белоснежные «рукава» из колленкора, зауженные книзу и украшенные художественной сборкой и кружевом тонкой работы. Поверх надевали полностью расшитый золотными нитями «кафтанчик» из вишневого бархата с «борами» и на лямках. На головах у девушек были красивые повязки, украшенные в технике «сажень по бели» жемчугом, бусинами, цветными стеклами. «В таких нарядах девушки выходили «кругами играть» на Венец над Волгой. Парни же присматривали себе в хороводах невест. А происходило это на главный престольный праздник – Троицу, оттого и костюм назывался «троицким», – рассказали кураторы выставки.

РАЗНООБРАЗНЫЕ ОБРЯДЫ

Удивительных локальных вариантов традиционного русского костюма в Нижегородском Поволжье было немало. Каждый самобытен и красив по-своему. Так в селах Рогожка, Кочетовка, Мурзицы (ныне Сеченовский район) сарафаны носили плиссированные, а кокошники делились на нарядный свадебный, для больших праздников, для воскресений и будничный без вышивки.

В селе Мурзицы до сих пор проводят особый праздник, связанный с проводами весны. По описанию заведующей этно-

графическим отделом НГИАМЗ, куратора выставки Ольги Валерьевны Гальцевой, «обряд «Купание коня» – отголосок древних русалий на Нижегородской земле – в старину был распространен на всем юге губернии и знаменовал собой приход лета и гарантию хорошего урожая». Шествие по селу с обрядовым конем в неделю после Троицы сопровождали пением песен и хороводами. С большим трудом куратору удалось привезти настоящего ритуального коня на выставку. Такого коня делали из деревянных перекладин, на которые набрасывали торпище

В открытом показе на выставке воспроизвели Троицкие гулянья, в конце которых местные жители шли к реке топить березку. С этим обрядом связывали надежду на своевременный дождь и хороший урожай

Локальные варианты русского костюма Нижегородчины

(полотно), голову мастерили из соломы, но могли использовать и настоящий конский череп. Коня украшали разноцветными тряпичными, а к голове подвешивали большой колокольчик...

Более тридцати лет Лада Калинина занимается костюмами Вознесенского района. О том, как правильно их носить, сведений сохранилось мало. Первое, на что обращаешь внимание при взгляде на праздничные обряды сел Полховский Майдан, Новосёлки, Линейка, – это то, что они заметно короче привычного нам народного костюма. А еще сразу бросаются в глаза необыкновенные фартуки с кружевами, в которых угадывается что-то очень знакомое. «В экспедициях по селам нам рассказывали интересные истории, – говорит Лада Владимировна, – как девушки пешком ходили в Санкт-Петербург и Москву. Устраивались работать, зарабатывать деньги на вот эту обряд, чтобы сшить из покупных материалов к свадьбе косоклинные сарафаны «китайка» или «кумашник», а также «рукава». Возможно, там и подсмотрели крой и оформление передников городских горничных». В головном уборе к такому костюму всячески поддерживался образ птицы. Он назывался «кокошник», хотя по крою был похож на «рогатую сороку» с позатыльником. Под очелье такого кокошника вставляли волнистые перышки селезня – «кудри», а в уши вдевали серьги с «пушками» – белыми шариками из гусяного пуха.

В нескольких селах Вознесенского района женщины носили редкую «барскую обряд» с поневой, которая больше была характерна для южнорусской традиции. По словам кураторов, «барской» ее называли сами жители, так как до сих пор они помнят, что такой костюм был в обычае у «барских», то есть крепостных крестьян. Ее и сейчас еще надевают по особым случаям – для обрядового ряжения на второй день свадьбы, на Святки и для фольклорных выступлений.

МНОГОЛИКАЯ ГУБЕРНИЯ

Нижегородское Поволжье – многонациональный край. В конце XIX – начале XX века русские, мордва, татары, марийцы, чувашы, будаки мирно уживались на этой территории. Разные по верованиям, особенностям культуры и быта народы отличались и самобытными традиционными костюмами. На колофоне выставки организаторы представили огромную карту региона, на которой впервые попытались обозначить, где какой костюм был распространен.

Северо-западные марийцы, по рассказам кураторов, предпочитали «одежду только домашнего производства, сделанную своими руками, что требовалось для успешного моления марийским богам. В основе их костюма, и мужского, и женского, была рубаха «тугур», штаны и распашной кафтан «шавыр». У горных марийцев костюм изначально отличался богатой вышивкой. К концу XIX века ее количество в костюме уменьшилось, но она стала необыкновенно тонкой, почти ювелирной работы. У обеих групп марийцев бытовал интересный обычай оповещения потенциальных женихов о том, что девушки готовы к свадьбе. Северо-западные марийки тру-

Реконструкция обрядовой сцены из традиционного праздника Кугече – марийской Пасхи

били в девичью берестяную трубу «удырпуч», а горные – играли на гуслях».

Много общего с горномарийским костюмом имела одежда чувашей Воротынского уезда. Они носили белую рубашку из конопляного или льняного холста, на которую накладывались украшения и вышитые детали. Очень необычно смотрелись женское нагрудное украшение из широкой прямоугольной пластины кожи с нашитыми рядами монет и пояс с яркими, вышитыми тонкой шерстью и шелком поясными подвесками.

Уникальной была одежда мордвы-терюхан. При почти полной ассимиляции к середине XIX века

они тем не менее сохранили национальный костюм. В 1900 году этнограф Н.А. Александров писал: «Такая пестрая расписная краля-мордовка дорожит этим странным нарядом и сохраняет его так же, как и некоторые старинные обычаи, и прежний порядок своей жизни». «Главным героем» этого костюма был белоснежный холщовый шушпан, украшенный по рукавам вышитыми орнаментами, большей частью красного цвета. «Вышитые «рукава» являлись свадебным подарком невесты, и терюханские девушки заготавливали их в большом количестве, – поясняли кураторы. – В первые послевоенные годы середины XX века

Парь – кадка для приданого мордвы-терюхан

Вышитые геометрическим узором рукава были главным украшением белоснежных холщовых шушпанов терюшевской мордвы

женщины находили в парях – сундуках для приданого – шушпаны мам и бабушек, отпарывали красиво вышитые рукава и шили из них сумки для школьников». Показательным предметом женского костюма мордвы-эрзя был набедренник «пулай», щедро украшенный вышивкой, ракушками каури, бахромой, цветным бисером, монетками. Вес архаичного пулая достигал нескольких килограммов. По нему можно было многое узнать о достатке и статусе женщины. В конце XIX века эрзянки уже носили облегченную версию – декоративный вышитый щиток «пулагай» с цветными кистями из шерстяных нитей. У мокшанских женщин (мордва-мокша) были невероятно красиво и искусно украшены подолы рубах. Они надевали их несколько – одна на другую, выпуская подолы напоказ. Коли-

чество рубах в costume невесты могло доходить до шести. На выставке женская рубаха с лоскутными узорами «кюльмяк» и узорные сапоги «ичиги» татар-мишарей Сергачского уезда неизменно привлекали взгляды

Традиционная одежда и вышивки татар-мишарей

Старинные фотографии позади манекенов с костюмами помогали «оживить» образы или показывали места, в которых они бытовали

мастеров лоскутного шитья. Рубаха возрастом более ста лет выглядит настолько современно, напоминая модное платье, что кажется, будто над ее созданием поработал именитый дизайнер. Выставку «Сарафан. Шушпан. Одежда» пришлось продлевать дважды, настолько большой интерес у специалистов и обычных посетителей вызвали представленные в Манеже Нижегородского кремля 60 национальных костюмов региона. Некоторые из них были показаны впервые. Запомнился отзыв одной посетительницы: «Я пришла на выставку через силу, исключительно ради блога, и осталась в таком изумлении, что уходить не хотелось». Так что организаторам удалось показать, что «народное наследие – это не что-то скучное и безвозвратно ушедшее, а невероятно интересное, близкое и вдохновляющее». ■

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО ДОМА

АВТОР
ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДЛЯ МЕНЯ ЭТА ИСТОРИЯ НАЧАЛАСЬ В 2015 ГОДУ, КОГДА НА БЕРЕГУ РЕКИ ОМКИ Я СОБРАЛА ДВА ПАКЕТА РЕЗНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ЦВЕТОВ. БЫЛО НЕТРУДНО ПОНЯТЬ, ОТКУДА ОНИ ВЗЯЛИСЬ: РЯДОМ НА СТАРОМ ДОМЕ РАБОЧИЕ МЕНЯЛИ КРЫШУ И ПОПРОСТУ СБРОСИЛИ РЕЗНОЙ ФРИЗ. Я И НЕ ДОГАДЫВАЛАСЬ, ЧТО СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЭТИ ЦВЕТЫ ПОМОГУТ ВЕРНУТЬ ТОМУ САМОМУ ДОМУ ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ УБРАНСТВО...

И ТОГДА Я ЕЩЕ НЕ знала, что в том же году в Самаре появился удивительный проект – фестиваль восстановления исторической среды «Том Сойер Фест» (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2016 год, статья «Краска, кисти и идея»). Его схема проста: волонтеры реставрируют исторические здания, благотворители помогают стройматериалами, деньгами и обедами. Нынешняя география фестиваля впечатляет: 75 регионов и 163 отреставрированных объекта. Команда Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) присоединилась к фестивалю в 2018 году. Стараниями волонтеров в Омске отреставрированы четыре деревянных строения. «Такие здания создают гармоничную среду. Архитектура каждой эпохи имеет свои особенности, отказываться от какого-то пласта – губительно, – считает координатор «Том Сойер Феста» в Омске Святослав Коновалов. – Человек должен осознавать свою связь с историей. Если он каждый день будет

ходить мимо современных бетонных «коробок», он может оторваться от реальности. Только когда мы видим все исторические пласты, мы понимаем, что откуда происходило, и осознаем свое место в мире». А еще старинные дома хранят много тайн... И многое могут поведать о городе.

«СЕКРЕТНАЯ» ВЕРАНДА

Старые дома преподносят сюрпризы: при ближайшем рассмотрении выясняется, что они гораздо интереснее, чем кажется на первый взгляд.

И первый же отреставрированный волонтерами дом не стал исключением. Его выбрали по практическим соображениям: центр, проезжая улица... И во время реставрации выяснилось, что двухэтажный доходный дом на улице Булатова, построенный в начале XX века, скрывал веранду. «Скорее всего, изначально сдавался только первый этаж, а на втором жил хозяин, – рассказывает Святослав Коновалов.

За этой дверью – крутая лестница, ведущая на второй этаж

валов. – В доме была гостиная, парадная, кухня и открытая веранда, где можно было отдыхать, пить чай и любоваться видом. О ней мы узнали только во время реставрации: в советское время веранду закрыли внешней стеной, обшили тонкими досками, сделали два окна».

Один из арендаторов дома предоставил волонтерам комнату под штаб-мастерскую и помещение для хранения инструментов и стройматериалов. На второй ярус строительных лесов выходили прямо из окна этой комнаты. «Этот объект запомнился прекрасными закатами – с лесов было хорошо видно, как заходит солнце. Поначалу было сложно приучить себя залезать на леса, было даже немного страшновато. Дом, который мне казался непримечательным с виду, открылся вдруг с другой стороны. Я увидела, какой он на самом деле интересный и нарядный, – рассказывает волонтер Мария Миленина. – Я коренная омичка, город очень люблю, вся моя жизнь связана с ним. Я – художник, с этюдником обошла множество исторических мест города, хотелось бы сохранить их красоту и самобытность. Мне понравилось, что очень разные люди здесь делают одно дело, переживают за свой город, хотят сохранить его исторический облик».

Со спонсорами организаторам фестиваля пришлось вести долгие переговоры – «было сложно объяснить, кто мы такие и что мы делаем». А вот желающих поучаствовать в обновлении старинного здания оказалось более чем достаточно. За три месяца волонтеры отреставрировали сохранившиеся детали декора, остальные заменили на новые, изготовленные самостоятельно.

Кстати, закрытие первого сезона омского «Том Сойер Феста» стало настоящим культурным событием: из Тары приехали актеры Северного драматического театра имени М.А. Ульянова и сыграли сцену из своего спектакля «Том Сойер».

Координатор ТСФ в Омске Святослав Коновалов на фоне дома на берегу Оми, ставшего самым большим и сложным в сезоне 2021 года по всей России

Дом «с секретом» на улице Булатова

В СЕВЕРНОМ СТИЛЕ

Омский резной деревянный декор исследователи именуют «деревянным позументом». Это своеобразные узоры, плотно прилегающие к основе. Они почти никогда не образуют крупных объемных или ажурных фрагментов. Выразительные средства при этом приближаются к графическим. Причем эти элементы могут быть необычными: например, копыя и крутлый скандинавский щит. Казалось бы, как связаны сибирская степь и Скандинавия? А дело в том, что запечатленный на картинах многих омских художников обветшавший деревянный особняк с башенкой (улица 30 лет ВЛКСМ, 39) был построен во времена модерна, для которого характерны орнаментальность и декоративность.

Разглядеть затейливый узор вблизи я смогла лишь тогда, когда присоединилась к волонтерам «Том Сойер Феста». Правда, мне не сразу доверили работу с орнаментом. Сначала пришлось научиться обращаться с ножницами для металла, которыми нужно было вырезать из листовой жести детали черепицы для купо-

ла башенки. Затем мне поручили счищать старую краску с резьбы, которой более ста лет. А после я поднялась на крышу – вид оттуда открывался впечатляющий. Прибавьте ко всему этому атмосферу, царившую на реставрации дома. Можно сказать, что здесь царил какой-то пусть маленький, но правильный мир. С уютным двориком, чаем с десертами от спонсоров, водой из колонки, заброшенным старым домом, на крыльце которого так здорово в минуты передышки читать книгу. Ах да! Еще был мохнатый поклонник волонтеров – местный пес Грэй, мимо которого просто так не пройдешь, обязательно обнимет...

Лет пятнадцать назад в доме случился пожар, огонь уничтожил многие элементы декора. «Цоколь тоже был разрушен, из фундаментаросло дерево, его пришлось пилить. А еще там был слой пепла толщиной примерно 3 сантиметра. Пожар был давно, но пепел никто не убирал. Мы были все натурально черные, пепел летел во все стороны», – вспоминает Святослав Коновалов. Цоколь фактически пришлось выкладывать заново,

я помогала просеивать песок для раствора, замазывала щели и пустоты между кирпичей. А однажды мне довелось приколачивать к наличникам декоративные круги и палочки. Без разметки – вымеряешь линейкой на уже готовом окне, а все остальное на интуиции.

Лучше всего здесь было по вечерам. Когда сгущались синие сумерки, на доме развешивали лампы, похожие на старые фонари. Свет от них – теплый, какой-то волшебный. В такие моменты, даже просто замазывая шпательной трещины в старинной резьбе, ощущаешь присутствие сказки. А еще я тогда поняла, что некоторые детские мечты все же сбываются. В детстве мне попала чудесная книжка про реставраторов и очень хотелось заниматься чем-то аналогичным. И вот – пожалуйста.

Дом действительно ожил, когда его начали красить. Я разработала собственный алгоритм подъема наверх банки с краской и кисточек, причем проделывать это приходилось несколько раз за вечер. Мне доставалась в основном «акробатическая» покраска на труднодоступном

«Северная легенда» и омские мальвы

участке. До него я добиралась без стремянки: спускалась с верхнего яруса. Правда, потом долго оттирала уайт-спиритом капюшон куртки, испачканный зеленой краской...

«Мы не нашли данных о хозяине этого здания, отыскиали только имя владельца участка, а дом построили на десять лет позже. Возможно, именно Петр Маньков и построил дом на этом участке», – говорит Святослав Коновалов. Сегодня в этом доме живет не самая благополучная семья. Жильцы, конечно, порадовались происшедшим переменам, но не более. Впрочем, как бы то ни было, башенка с зеленым куполом теперь местный маяк, который видно издалека.

БЕЛОЕ КРУЖЕВО РЕЗЬБЫ

Наконец у волонтеров дошли руки до дома на берегу реки Омки – того самого, у которого я подобрала детали декоративной резьбы. Обновленный доходный дом братьев Степановых (улица Пушкина, 15) «собрал» панораму, дополнив отреставрированный ранее дом купца Коробейникова и принадлежавшую ему баню. В результате оформилась часть исторической улицы Часовитинской.

Этот проект стал самым большим и сложным в сезоне фестиваля 2021 года по всей России. Доходный дом в богатом купеческом квартале неподалеку от здания городской думы был по-

«Короны» над окнами – явные параллели с готикой. И на пламя костра чем-то похоже...

строен в конце XIX века. Мещане братья Степановы сдавали квартиры внаем людям определенно не бедным, о чем свидетельствует лепнина, сохранившаяся на потолке в одной из квартир. Кто мог квартировать здесь во времена, когда Омск называли «сибирским Лейпцигом», остается только гадать. После революции дом стал коммуналкой. Его несколько раз перестраивали: исчезла парадная лестница (лестничные пролет разгородили на комнаты, вместо двери сделали окно), появилась пристройка. В 2015 году дом попал в программу капремонта, и на нем заменили крышу, не позаботившись о том, чтобы сохранить резьбу. И только шесть лет спустя удалось вернуть то, что, казалось бы, было утрачено безвозвратно.

Декор восстанавливали по сохранившимся фрагментам деревянного кружева. Трилистники под самой крышей – по найденным мною деревянным цветам. В общей сложности волонтеры выпилили около 60 метров резьбы взамен утраченной. «Это титаническая задача для волонтерского проекта, и мы выполнили ее достойно! Предки выпилили все эти узоры ручной пилкой, что заняло немало времени. Мы же, имея в руках электроинструмент, просто обязаны были воссоздать декор», – констатировал координатор проекта.

Очень долго пришлось очищать этот дом от старой краски. Работа пыльная – в прямом смысле этого слова, но необходимая. «Когда я придумал слоган «Любим свой город с кистью в руках!», то отталкивался от сути фестиваля, но на деле оказалось, что 80 процентов времени в руке волонтера отнюдь не кисть, а цикля – инструмент для сдираания старой краски», – улыбается Святослав Коновалов.

Между прочим, краски на элементах декора было изрядно – четыре слоя. Так что очистку закончили уже тогда, когда выпал снег. Заодно выяснили, что из-

начально дом был зеленого цвета – в старом Омске многие дома красили именно такой краской. Этот старый дом будто ждал тех, кто вернет ему былую красоту. Когда мы начали очищать от старой краски наличники, то оказалось, что на всех сверху есть два гвоздя, прежде явно фиксировавших какой-то элемент декора. Некоторое время все ломали голову над загадкой, но, к счастью, она разрешилась сама собой. В конце августа за наличником окна на втором этаже под толстым слоем пыли обнаружился сохранившийся точеный «вазон» и две целые «короны», которые прежде украшали наличники. С помощью краудфандинга удалось собрать средства на токарные работы и восстановить убранство окон во всем великолепии.

А осенью нашлась архивная фотография, поставившая перед волонтерами новую задачу. «Когда мы начинали работу, то не знали, что здание имело фронтон, на его месте была просто косая линия, вертикально зашитая досками. Но на фотографии отчетливо читался контур фронтона, и мы поняли, что не можем себе позволить его не сделать. Мы докупили несколько досок, остальные предоставили благотворители. Мне пришлось залезть на крышу и болгаркой отпилить метр профнастила. Потом мы с отцом подняли наверх доски, и отец сколотил фронтон, который удачно вписался в габариты здания», – рассказывает Святослав Коновалов. Отец Святослава, Игорь Леонидович, профессиональный реставратор, восстановивший в Омске много старинных зданий.

Вообще, открытия в доме следовали одно за другим. Удалось найти новую информацию и про сам дом: предполагалось, что здание построили в 1910 году, но оно оказалось запечатлено на фотографии 1897 года. Во время реставрации этого дома я снова занималась «высотными работами»: красила доску за узорным карнизом

из архива ТСО Омск

Предполагалось, что здание на берегу Оми построили в 1910 году, но оно уже присутствует на фотографии 1897 года

на самом верху. Рядом шумела старая ива, ронявшая желтые листья, а небо – темное, со звездами в разрывах облаков, – казалось, было совсем рядом, только руку протяни. Конструктивные дополнения на фасаде

Еще одна старинная фотография, разрешившая загадку фронтона

из архива ТСО Омск

мы красили уже во время метели и штормового ветра. И это было захватывающее: передвигаться с банкой краски по занесенным снегом лесам – задача нетривиальная.

А в самом доме, где волонтерам под мастерскую выделили пустующую квартиру, было удивительно тепло и уютно. Там мы красили ставни. Несколько раз мы зажигали свечи, пили чай с мандаринами и апельсиновым пирогом, пели под гитару. И еще оказалось, что там удивительно хорошо писать, рисовать или читать книгу.

В конце декабря состоялось закрытие сезона, на которое пришла пожилая дама, чье детство прошло в этом доме. Нина Михайловна Куминова поведала много интересного: «Эти деревья мы ребятишками посадили в 1950-е годы, потом с коромыслом ходили на колонку, поливали – следили, у кого дерево лучше растет... Вот в той квартире Раиса Михайловна жила, она нас учила готовить, убираться, стирать. Напечет пирогов и идет всех угощать. Мы все жили как одна семья. Как-то играли свадьбу, так у нас стояли столы, в другой квартире готовили, а в третьей – танцевали. И никто никогда не думал, что кто-то украдет что-то, все было открыто. Когда мы отсюда переехали, мне было дико, что все закрылись в своих квартирах, никто ни с кем не разговаривает, нет такого общения, которое здесь было»...

Обновленный дом стал настоящим украшением улицы. А лучшей оценкой трудов волонтеров стало мнение старейшей жительницы этого дома. Валентине Тышик 91 год. На улице Пушкина, 15 она поселилась в 1942 году и помнит дом еще до реконструкций: с печным отоплением, без пристроенного подъезда. Волонтеры показали Валентине Федоровне фотографии обновленного здания на экране мобильного телефона. «Вижу дом таким, каким он был во времена моей молодости!» – восхищалась она.

ВОЗВРАЩЕННАЯ БАШНЯ

Теперь угловой деревянный дом на улице Герцена вновь увенчан башней. А напротив него на другой стороне улицы находится многоэтажное здание, верх которого тоже украшен башней. «Гармония пространства восстановлена, и будем надеяться, что восстановлена гармония еще и в людских душах», – говорит Святослав Коновалов.

В данном случае удалось установить имя владельца: известно, что в 1911 году домом владел купец Андрей Иванович Бекишев. Скорее всего, в одной части здания жил он сам, а в другой держал небольшую торговую лавку: со стороны улицы Герцена есть большие окна – похоже, это были витрины. На восстановление особняка Бекишева ушло четыре с половиной месяца. Причем помимо омичей в этот раз в работах приняли уча-

ИЗ АРХИВА ТСО ОМСК

стие студенты из Индии и Ливана. «Было очень интересно. Мы часто приходили, несмотря на то, что у нас было много учебы. Продолжайте сохранять свое историческое наследие, поддерживайте его и не теряйте», – говорит Дхармендра Шарма из индийского города Агры. Не остались в стороне от реставрационных работ и жители дома – сейчас здесь живут три семьи. «Мне даже не снилось, что нам могут бесплатно сделать ремонт. Приходили работать даже маленькие дети! Я волонтерам пирожки пекла,

Башню на доме купца Бекишева воссоздали буквально с нуля

Индийский студент Дхармендра Шарма весьма впечатлен сибирским деревянным зодчеством

печенье. Они говорили: да вы что, нас закормить решили?» – вспоминает Бута Саржанова, которая живет здесь более сорока лет.

Студентка Омского университета дизайна и технологий Ирина Боринос приходила на улицу Герцена чуть ли не каждый день. «Как-то я увидела сюжет про фестиваль в Самаре, и мне очень понравилась идея. Потом случайно нашла в соцсетях омскую группу, подписалась и следила за новостями несколько лет. А потом мне очень захотелось посмотреть, узнать, научиться, – рассказывает Ирина. – Восстанавливая дома, мы сохраняем часть нашей общей истории, каждый раз ты как будто доказываешь всем вокруг, что это не старая развалюха, а история, и притом очень красивая. Мне нравится рабочая атмосфера, общение, новые знакомства, интересные, увлеченные люди». Самый сложный этап реставрации – восстановление башни на крыше дома – занял несколько месяцев. Ведь от нее осталось только основание на чердаке. «Когда мы поднялись на чердак, то увидели гнезда от стоек этой башни, измерили расстояние между ними. А дальше просто вычислили, какой при таком расстоянии между элементами выстраивается правильный восьмерик. Высоту пришлось вычислять интуитивно. Я сначала предложил сделать башню выше. Но тогда и работы больше, и материала больше уйдет. В итоге мы остановились на компромиссном варианте. Если сравнить результат с историческим фото, видно, что в масштабе мы не ошиблись», – рассказывает Игорь Коновалов.

...Каждое обновленное здание возвращает городу часть утраченного исторического облика. Старинные деревянные постройки, возведенные и украшенные в соответствии с вековыми традициями, наполняют городской ландшафт ощущением единения человека с окружающим миром – то есть делают город живым. ■

ПЕВЕЦ ЖИВОЙ СТИХИИ

АВТОР

**ВАЛЕНТИНА
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА**

ФОТО

**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

«ВАШИ КАРТИНЫ ДО КРАЕВ ЗАПОЛНЕННЫ СОЛНЦЕМ И РАДОСТЬЮ». ЭТО СЛОВА МАКСИМА ГОРЬКОГО О ЖИВОПИСИ БОРИСА КУСТОДИЕВА, КОТОРОГО ПИСАТЕЛЬ ВЫСОКО ЦЕНИЛ ЗА ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И ЖИЗНЕЛЮБИЕ. ВОПРЕКИ БОЛЕЗНИ, ПРИКОВАВШЕЙ ХУДОЖНИКА К ИНВАЛИДНОМУ КРЕСЛУ НА ДЕСЯТИЛЕТИЕ, КУСТОДИЕВ СОЗДАЛ МНОЖЕСТВО КАРТИН, КНИЖНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕКОРАЦИЙ, ЛИТОГРАФИЙ, ГРАВЮР.

ПОСЛЕ СМЕРТИ МАСТЕРА Горький приобрел у вдовы художника шесть живописных полотен. Сегодня они составляют основу открывшейся недавно постоянной монографической экспозиции Кустодиева в Ниже-

городском государственном художественном музее (НГХМ). «Изначально Горький завещал свою прекрасную коллекцию Литературному музею в Нижнем Новгороде, который открывался еще при его жизни, — уточняет искусствовед, куратор

экспозиции, ученый секретарь НГХМ Ирина Миронова. — Но в 1930-е годы, после первой выставки Кустодиева в стенах художественного музея, городские власти приняли решение оставить картины в нашем фонде. Такое перераспределение было в СССР обычной практикой до 1950–1960-х годов».

Сейчас помимо живописи в собрании НГХМ хранятся гипсовые скульптуры, гравюры, автолитографии мастера. В монографическом зале демонстрируется 10 живописных полотен, по которым можно проследить весь творческий путь Кустодиева — от студенчества до последних лет жизни.

Портрет Г.Н. Смирнова, двоюродного брата художника, поступил в музей в 1999 году и требовал серьезной реставрации

НЕИЗВЕСТНЫЙ В КРАСНОМ

Самая ранняя из работ Бориса Кустодиева, представленных в НГХМ, – это одновременно и наиболее позднее приобретение музея. Полотно оказалось в музее лишь в 1999 году. Долгое время картина, значившаяся как «Портрет Г.Н. Смирнова в детстве», находилась в руинированном состоянии. Пока реставратор НГХМ Марина Коротаева восстанавливала это полотно буквально по миллиметрам, Ирине Мироновой удалось проследить путь, которым портрет оказался в Нижнем Новгороде (в то время – Горьком), и установить судьбу изображенного на нем человека. Ведь ранее о нем ничего, кроме имени, известно не было. Но прежде, чем раскрыть эту загадку, вспомним биографию

мастера. Борис Кустодиев родился в Астрахани в 1878 году. Он довольно рано увлекся рисованием. Мать Бориса Михайловича – вдова профессора местной духовной семинарии – воспитывала четырех детей одна, но нашла возможность организовать сыну обучение у выпускника Императорской Академии художеств (ИАХ) Павла Власова. Наставник сразу заметил талант юноши и сумел подготовить воспитанника так, что 18-летнего Бориса по итогам вступительных испытаний приняли в ИАХ. Кустодиев занимался в классе у Ильи Репина, который не раз отмечал способности и работы ученика. Проучившись два года, Борис приезжает в Астрахань на очередные каникулы. На рыхлом крупнозернистом холсте он

Основа монографической экспозиции Кустодиева в Нижегородском государственном художественном музее – шесть картин из коллекции Максима Горького

пишет портрет своего двоюродного брата – сына дяди по материнской линии, купца Николая Смирнова, и оставляет эту работу родным.

Светловолосый мальчик с голубыми глазами в ярко-красной рубашке вырос и стал профессиональным офицером. Гурий Николаевич Смирнов имел боевые награды, Великую Отечественную войну завершил в звании генерал-майора, а в 1950-м был назначен начальником Горьковского суворовского училища. Коллективное фото командования училища, которое удалось найти Ирине Мироновой, не оставляло сомнений: генерал Смирнов и серьезный голубоглазый мальчик на картине Кустодиева – одно и то же лицо. «Свой портрет генерал-майор, видимо, все эти годы возил с собой даже без подрамника, в свернутом виде, наподобие свитка, – поясняет Ирина Владимировна. – Перед отъездом в Москву он продал или, возможно, просто отдал его нижегородскому коллекционеру по фамилии Семеновых. А уже от него малоизвестная работа Бориса Кустодиева попала в Литературный музей им. Горького, где не экспонировалась, поскольку была в очень печальном состоянии».

В 2018 году после длительной реставрации портрет впервые представили широкой публике. Сейчас он встречается посетителей по правую руку от входа в монографический зал.

В бывшем доме военного губернатора в Нижегородском кремле находится коллекция русского искусства НГХМ – от иконописи до картин Серебряного века

Ирина Миронова, искусствовед, ученый секретарь НГХМ, куратор монографической экспозиции Кустодиева

СЧАСТЛИВЫЕ НА ТЕРРАСЕ

Но все-таки первое, что видит человек, входящий в зал, – это масштабный групповой портрет семьи художника, написанный в 1906 году.

Картина называется «На террасе», место действия – дача-мастерская, которую Кустодиевы называли «Терем». К тому моменту, который запечатлен на полотне, Борис Михайлович успел блестяще окончить Академию художеств и принять участие в создании монументальной работы Ильи Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года». Под руководством учителя он написал портреты членов Совета на правой части картины. Кустодиев уже съездил в оплаченную ИАХ пенсионерскую поездку за границу, которой был премирован как перспективный выпускник. Правда, вернулся он из нее досрочно, поскольку заскучал по родной земле. После работы с Репиным ему активно заказывали портреты. На гонорары он купил землю под Кинешмой, неподалеку от усадьбы, где за пять лет до этого познакомился с будущей женой, Юлией Прошинской.

Там, вдали от столиц, он построил Терем – деревянный дом словно из русской сказки. Каждое лето, пока была возможность, семья проводила там, совершая долгое, но очень вдохновлявшее художника путешествие по Волге. На недоумение, что перспективный модный портретист каждое лето уезжает в глубинку, Кустодиев отвечал: «Как мне скучать, когда я каждый день пишу, а вечером с Юликом моим дорогим разговариваю. Напротив, я переживаю теперь самую лучшую пору моей жизни – пишу картину и чувствую, что я люблю и что меня любят».

По-импрессионистски нежный портрет увековечил этот момент семейного счастья: 28-летний художник в окружении родных, с женой Юлией, трехлетним сыном Кириллом и годовалой дочерью Ириной с няней, рядом – старшая сестра с

«На террасе» – групповой портрет семьи художника, созданный в 1906 году

мужем. Им еще неведомы грядущие испытания: через год родится и вскоре умрет от менингита третий ребенок Кустодиевых – Игорь. А через три года начнет страдать от постоянных болей сам мастер. У художника уже не будет сил на долгие путешествия по Волге. Первая мировая, революция, Гражданская война – Терем опустеет и будет сначала разграблен, потом отдан под школу, а позже сгорит. Когда в голодные 1920-е годы художник не сможет достать в Ле-

нинграде холст большого размера, он попросит сына натянуть полотно обратной стороной на подрамник и загрунтовать: фактически пожертвует семейной пасторалью ради более свежего творческого замысла. Долгое время картина счастливого чаепития будет повернута к стене, скрыта от глаз. Только в 1980-х для нее создадут специальную установку, позволяющую демонстрировать обе стороны полотна. Но до этого момента еще далеко.

ПОБЕДА ДУХА НАД ПЛОТЬЮ

Натюрморт «Цветы на балконе на фоне гор» – обманчиво мирный сюжет, полный скрытого драматизма. Кустодиев написал его в 1912 году, лежа в кровати напротив балкона, восстанавливаясь после серьезной операции.

Жаловаться на сильную боль в руке, которая отдавала в шею и спину, он начал в 1909-м. Лечился в Швейцарии, а затем в Берлине, где врач диагностировал болезнь позвоночника и провел сложную операцию, которая принесла художнику облегчение. Но доктор предупредил Кустодиева, что вскоре боль вернется и тогда необходимо будет повторное хирургическое вмешательство, которое должно помочь излечиться от недуга полностью.

Прогноз берлинского доктора сбылся наполовину: боль действительно вернулась. Но из-за начала Первой мировой войны попасть в Германию Кустодиев не смог. Живописец Игорь Грабарь писал: «Помню, в самый разгар ликований, вызванных галицийскими победами 1914 года, я навестил его <...> Он рассматривал только что принесенный иллюстрированный журнал и, показывая снимок

с какой-то патриотической демонстрации, произнес, глядя на меня своими лучистыми, ясными, слегка насмешливыми глазами: «Вот они ликуют,

«Цветы на балконе на фоне гор» Кустодиев написал в 1912 году, восстанавливаясь после операции

Уроженец Астрахани, Кустодиев всегда относился к Волге с особым трепетом. «Волга. Радуга»

ну а мне-то как? Тоже радоваться войне, отрезавшей меня от единственного человека в мире, могущего меня спасти?» Вторую операцию провели в Петербурге. Чтобы удалить опухоль на позвоночнике, врачам пришлось лишить художника подвижности ног – до конца жизни Кустодиев будет прикован к кровати и инвалидному креслу, но продолжит работать с удвоенной силой, не боясь браться за большие полотна и решение сложных задач. «На глазах знавших его происходило истинное чудо – именно то, что называется победой духа над плотью», – вспоминал друг Кустодиева, художник Мстислав Добужинский. А Кузьма Петров-Водкин так описывал моральное состояние Бориса Михайловича: «Он всегда был бодр, энергичен, так что я в тяжелые годы после революции приходил к нему освежиться, набраться энергии и отдохнуть». К наполовину парализованному – набраться энергии!

Казалось, чем тяжелее в течение одиннадцати лет становилось состояние Кустодиева, так что он писал только сидя и лежа, тем сочнее, ярче, мажорнее становились его герои и сюжеты. По ночам он нередко кричал от страшной боли, а утром, по воспоминаниям родных, завтракал и шутил с детьми и женой, которые взяли на себя все тяготы быта и административных хлопот – от общения с издателями и заказчиками до создания специальных подвижных приспособлений для фиксации холста.

Надежда снова попасть в Германию появилась в марте 1927 года, когда Наркомпрос наконец выдал Кустодиеву разрешение на лечение за границей и даже выделил на это средства. Но пока готовился загранпаспорт, 49-летний художник скончался от воспаления легких. Его супруга Юлия пережила мужа на пятнадцать лет и умерла от голода во время блокады Ленинграда.

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА

По воспоминаниям близких, именно в Швейцарии Кустодиев впервые задумался о том, как, в противовес Боттичелли, Тициану, Рубенсу, можно изобразить национальный идеал русской красоты. Какой должна быть истинно русская красавица?

В монографическом зале НГХМ – несколько женских образов. Спокойный, написанный в духе ностальгии по раннему Возрождению портрет известной пианистки Рахили Слонимской, женщины из артистической петербургской среды, будто обозначает один из полюсов творческого поиска идеала женской красоты.

Напротив – нарочито декоративная «Купчиха, пьющая чай». Женщина того типа, который позднее станет принято называть «кустодиевским». Пышная, холеная, румяная, в окружении изобильных угощений, она напоминает более раннюю работу – «Купчиху за чаем» из Русского музея, для которой позировала девушка благородных кровей, баронесса Галина Адеркас.

И, конечно, «Русская Венера» – это ради нее мастер пожертвовал групповым портретом на террасе Терема, изобразив с обратной стороны обнаженную девушку почти в натуральную величину. У флорентийцев Венера выходит из пены морской, а русская богиня красоты прячется от зимнего холода в бане, балуя себя пышным веником и дорогим марсельским мылом. Художнику важно было не просто подвести итог своим многолетним исканиям идеала национально-женского образа, но продемонстрировать преемственность античных традиций, одновременно сделав наготу полностью уместной и потому целомудренной.

В Ленинграде 1925–1926 годов сложно было достать не только огромный холст, но даже дрова для обогрева мастерской, в которой работал мастер. Дети активно помогали: сын Кирилл готовил полотно, а потом взбивал мыло в большом тазу – пузыри и пену Кустодиев писал с натуры. Дочь

«Русская Венера» написана в 1925–1926 годах на обороте картины «На террасе»

Портрет Р.И. Слонимской, известной пианистки, дочери И.Н. Слонимского и А.И. Слонимской, сестры театроведа, критика и драматурга Ю.И. Слонимского

Ирина позировала, специально принимая перед этим ванну, чтобы тело было распарено горячей водой. Дочь вообще была у Кустодиева любимой моделью. На обратной стороне холста она – годовалая малышка, а здесь – пышущая здоровьем молодая женщина: «Я угодила отцу, выросла «в его вкусе», – говорила она о себе. Лицо ее художник, однако, изменил: считал, что у дочери оно слишком «строптивое», а истинно русская красавица должна быть мягче, улыбчивее, проще.

«КОМУ НУЖНА ЭТА ГОЛАЯ БАБА?»

Отношение к творчеству Кустодиева не всегда было таким восторженно-почтительным, как сейчас. И среди его современ-

ников были те, кто называл сюжеты и героев «нарочитым и выдуманным безвкусием», а уж с конца 1930-х годов «певца дармоедов и угнетателей» практически вычеркнули из отечественной истории искусства. Не писали о нем книг, не публиковали каталогов, не проводили выставок.

По словам Ирины Мироновой, был момент, когда даже «Русскую Венеру» собирались снять с экспозиции и убрать в фонд: обнаженная красавица не соответствовала пролетарским представлениям об идеологически правильном искусстве. В музее есть легенда, что не допустить этого помог... Валерий Чкалов. Смотрительницы, работавшие в музее в конце 1930-х годов, рассказывали, что когда уже ставший героем летчик-испытатель посетил Нижегородский художественный музей, кто-то из сопровождающих при виде шедевра Кустодиева воскликнул: «Ну и кому нужна эта голая русская баба?» На что Чкалов ответил: «Она нужна нам, русским мужикам».

«Русская Венера» оставалась в основной экспозиции все время существования музея, несмотря на то, что отношение к ее автору по политическим причинам кардинально менялось.

«БЫТ – ЭТО ЧЕЛОВЕК»

«Вербный торг у Спасских ворот» (1917), «Купец-сундучник» и «Купчиха, пьющая чай» (оба – 1923 года) – полотна с образами ушедшей России, созданные уже глубоко больным художником. Цветовую гамму, детали, настроение картин он писал по памяти. Творил с ностальгическим любованием тот мир, которого уже не существовало. Сын Кирилл в своих воспоминаниях приводит слова отца: «Что бы я стал теперь делать, когда не хожу с 1917 года? А вот сейчас вспоминаю и рисую! Когда пишу, у меня всегда стоит картина перед глазами, я ее как бы целиком списываю и срисовываю. Мне легко, так как стоит захотеть, и я могу заказать голове картину, и эти картины сменяются, как в кино. Иногда от виденного голова пухнет». Советские теоретики искусства пытались позже оправдать «мещанские» сюжеты, приписывая Кустодиеву насмешку, сарказм, осуждение героев на картинах.

Даже после революции Кустодиев продолжал писать любимые им народные праздники. «Вербный торг у Спасских ворот». 1917 год

Вот лишь одно из характерных замечаний той эпохи, принадлежащее перу историка Эриха Голлербаха: «Он знал цену этому сонному, скотоподобному житию-бытию, знал, как груб и смраден захолустный, звериный быт, подлежащий истреблению,

«Купец-сундучник» – дань «доброму старому миру»

«Купчиха, пьющая чай» перекликается с «Купчихой за чаем» из Русского музея

и все же не мог разлюбить свое, родное, кровное».

Несколько десятилетий о таланте Кустодиева вспоминали, только когда требовалось проиллюстрировать косность царского времени, китч старого быта. Вне идеологического контекста его картины не воспринимались. А между тем Кустодиев писал сюжеты и героев, в которых для него выражалась вся суть русского характера. Биограф Всеволод Воинов цитирует слова мастера: «Говорят, что русский быт умер, что он «убит» революцией. Это чепуха! Быта не убить, так как быт – это человек».

«Амнистия» для Кустодиева наступила вместе с «оттепелью» и публикацией в издательстве «Искусство» большой монографии Марка Эткинда, который отдал Борису Михайловичу должное не только как живописцу, но и как театральному художнику, книжному иллюстратору, талантливому скульптору и литографу. Разнообразие жанров, в которых творил Борис Михайлович Кустодиев, даже будучи сильно ограниченным физически, действительно впечатляет. Советский график и иллюстратор Дмитрий Митрохин напутствовал: «Изучение оставленного им – долг всех, для кого русское искусство – живая и близкая стихия».

ПОКРОВКА. ВВЕРХ-ВНИЗ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ВЕШАЛКИ, А ПРОГУЛКА С ПРИБЫТИЯ. В СЛУЧАЕ С ПОКРОВСКИМ БУЛЬВАРОМ ЭТО ОСОБЕННО ВАЖНО, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ. БОЛЬШАЯ ОШИБКА СЧИТАТЬ, ЧТО НА ПОКРОВСКИЙ БУЛЬВАР МОЖНО ЗАЙТИ ОТКУДА УГОДНО. НЕТ, НЕТ И ЕЩЕ РАЗ НЕТ!

ПОКРОВСКИЙ БУЛЬВАР только на первый взгляд самый обыкновенный, девятый по счету, в цепочке столичного Бульварного кольца. Отнеситесь к нему с особым уважением. Он того требует.

Вот идут, тяжело отдуваясь, в горку экскурсанты, уже осмотревшие прелести бульвара Яузского... У многих из них – тех, что постарше, – как говорили в нашей семье, «язык на плечо». Вид печальный и взгляд задумчивый... Им как-то не до истории с географией, мол, тут жил такой-то, а здесь умер сякой-то, тут строил один, а перестроил другой... Их уже раздражает оптимистическое – «посмотрите налево, посмотрите направо»... Высоко, круто и ноги болят. Им очень хочется посидеть на лавочке.

Они с завистью смотрят на трамвай, который так быстро, легко, непринужденно, с шиком везет пассажиров в гору. Вжик – и нет трамвая. А мы, бедолаги, все идем и идем неведомо куда. И еще головой, зараза такая, крутим.

Нет, люди с жизненным опытом ни за что не пойдут этим путем. И правильно сделают. Сначала бульвар Покровский, а уж потом – самый нижний – Яузский. И никак иначе! Это аксиома для всех, кроме физкультурников, так и передайте своим хорошим знакомым, они будут вам благодарны.

Есть еще одна мелкая методическая ошибка.

Право, не стоит осматривать Покровский бульвар сразу после бульвара Чистопрудного. Не советую вам этого делать от всей души. Это примерно то же са-

Экскурсии на Покровском бульваре проходят при любой погоде

мое, как после кинокомедии угодить на лекцию, посвященную добыче полезных ископаемых с обязательным приложением графиков и таблиц.

Вроде бы тоже интересно, но... как-то не заходит. Не лезет. Не строится. Вроде бы рядом эти бульвары, улицу перейти, а мирки вовсе разные, не совпадающие друг с другом.

В такой прогулке только один плюс: вы шагаете в правильном направлении, не в гору, а с горы. Шагаете правильно, но после широты и простора Чистых прудов Покровка покажется вам скучноватой, узкой, холодной. Здания, особенно те, что слева, нависают над вами,

хмурятся, давят и настроение портят, небо отчего-то темнеет, печалится – и вам уже жаль, что вы не остались там, под липами, у воды, с мороженым, лавочкой, детским смехом и видом на театр.

Да, именно так: Чистые – отдельно, Покровка – отдельно, годами проверено, подколото и отжато.

Садитесь себе на трамвайчик в Замоскворечье, выходите из трамвайчика у Покровских Ворот и – поворот через левое плечо, как учили в местных казармах с павловских времен, пешочком, покуривая, с остановочками на лавочках, обратно, под горочку, к реке, сверху вниз.

Памятник Николаю Чернышевскому в сквере на Покровке

Памятник Николаю Гавриловичу Чернышевскому, автору некогда знаменитого романа «Что делать?», влопыхах можно и не заметить. Между тем памятник в небольшом сквере выполнен со знанием дела.

Уставший от мыслей, переживаний, сомнений, хлопот молодой человек в очках, чуть согнувшись, сидит, скрестив на коленях руки. Всё им уже сделано, и немало, кажется, сделано, а вы там, идущие следом, дальше делайте – как хотите. Цветочки к памятнику приносят редко. Более пятидесяти лет Покровка звалась улицей Чернышевского, а соседняя Маросейка – улицей

Богдана Хмельницкого, так что памятник революционному критику, идеалисту, недругу Достоевского и Тургенева здесь уместен. Но припозднились с памятником. Установлен он в 1988 году, а уже в начале 1990-х улицам вернули исторические названия. Памятник остался без улицы, но остался. И это радует. Однако кто такой Чернышевский, прохожих, особенно молодежь, лучше не спрашивать. Молодежи пришлось по вкусу совсем иное творение.

Сразу за западным корпусом бывшей стасовской гостиницы, наполненной теперь разнообразными питейными заведениями, притаился глубокий амфитеатр под открытым небом. Вот он в теплое и вечернее время молодежи очень привлекает. Как, впрочем, и местных скитальцев без определенного вида на жительство. Соответственно, здешнее отделение полиции получило дополнительную нагрузку! Неужели открыватели амфитеатра всерьез полагали увидеть на полукруглых скамьях задумчивых читателей произведений Н.Г. Чернышевского?

Или верных поклонников критика, поэта, мемуариста другой эпохи – Владислава Фелициано-

Популярность амфитеатра зависит от сезона. Пока прохладно, и амфитеатр пуст

Покровский бульвар – три здания, три судьбы, три эпохи

вича Ходасевича? Книжная лавка его имени располагается неподалеку и, доложу вам, заслуживает визита. А уж как был бы доволен сам Ходасевич, не испытавший большой прижизненной славы, этим демократическим магазинчиком на Покровке... Определенно оценил бы задумку и исполнение. Зашел бы, покопался в развалах. Ну а в холодное время года оставившиеся здесь гости столицы стараются скрыть удивление

от «ямы», именно так сразу и прозванной москвичами, раздумывая, делать тут дежурное селфи или не надо... Ишь, Москва-то, опять чудит!

Прежде здесь была автостоянка, затем шел плац для строевых занятий, а Покровский бульвар начинался ниже, от Казарменного переулка. Так что из всех московских бульваров он еще и самый юный, вырос в нынешнюю длину только в 60-е годы прошлого века.

Хохловский переулочек –
главнейший в этих местах,
он длинен и извилист

Церковь Троицы в Хохловском
переулочке – скромна и пригожа

На храме Троицы в Хохловском переулочке отдыхает глаз. Особенно если вы перед этим долго смотрели на чудовищного местного исполина – бывшие Покровские казармы... Да, здесь явно переборщили с размахом классицизма! Тонкие пропорции греческого искусства, на мой обывательский взгляд, превратились в пошловатый гигантизм. Император Павел разместил здесь первоначально роту. Затем

казармы горели, восстанавливались, достраивались, переоборудовались, уходили ввысь, размещая полки столичного гарнизона, а затем и дивизию НКВД имени Феликса Дзержинского. Для офицерского состава дивизии в 1938 году архитектор Чериковер соорудил и суровый восьмизэтажный дом в открытии бульвара.

Так что дело императора не пропало даром – ведь ниже по бульвару и тоже в классическом мо-

Восточный корпус ставской гостиницы на Покровке весь в работе, в отличие от западного корпуса, что скучает на Чистых прудах

нументальном здании, бывшей усадьбе Дурасовых, а позже известной всей торговой Москве Коммерческой академии, расположилась в 1932 году академия военно-инженерная, получившая вскоре имя В.В. Куйбышева. И это здание успешно достраивалось, росло, архитектурно оставаясь вроде бы в привычном классическом стиле, помноженном на размах и нужды времени. Дух военный на бульваре поселился прочно. И по сию пору он, мне кажется, не выветрился. Хотя царствуют здесь нынче ЛУКОЙЛ, Высшая школа экономики, многие другие дипломатические и хозяйственные учреждения и плаца давно уж нет, но что-то неуловимо строгое, уставное будто бы сохранилось в воздухе. Левая, внешняя сторона бульвара Покровского официально правая, внутренней. Вот слева иранское посольство, занимающее целый комплекс дореволюционных усадебных зданий, вот, ниже, помпезный белый дом с часами, втиснутый в прошлые века в 2019 году... Старались, конечно, но получилось как всегда. Появился чужак на бульваре. Вот почему на сравнительно небольшой церкви Троицы в Хохловском переулочке отдыхает глаз.

Сижу на лавочке старинного Милютинского сада, покуриваю и вспоминаю. Вспоминаю, как попал в этот садик олимпийским летом 1980 года. Как принял рискованное решение. Давно это было.

Командовал я, тогда студент третьего курса, небольшим студенческим стройотрядом, мы мороженое по машинам грузили в Филях. Жаркое стояло лето, мороженое шло на ура и у москвичей, и у гостей столицы. Олимпиада! Праздник!

И вот, по тогдашнему строгому правилу, пришло время отчислить какие-то деньги с нашего общего заработка в Фонд мира. А принимали их в МГК ВЛКСМ, в Колпачном переулке, дом 5.

Кому же ехать? Конечно, мне. Отыскал переулок, дом, этаж, кабинет нужный, дверь приоткрыта, голоса оттуда – мужские, веселые, громкие... Рассказывает один комсомолец другому таким барином, как сладко вчера провел вечер и ночь. Как хороши были девушки, как играла музыка, как рекой разливался шампань-коблер в баре, как их угощали какие-то иностранцы, то ли из Чили, то ли еще откуда, галстук вот подарили с пятью колечками... Потом поехали к Ларисе... Такси взяли... Как горяча олимпийская ночь...

Ну а у меня накануне – ночная смена была. Грузили пятнадцатитонку.

Из холодильного цеха цепочкой к машине встали. Передавали друг другу коробки с мороженым – эскимо, «Ленинградское», сливочное, пломбир, фруктовое. Аккуратненько, из рук в руки, чтобы не помять и не уронить. В цеху – мороз, как положено для хранения. На тебе телогрейка, шапка, валенки... А на улице – ночная теплынь, градусов двадцать, не меньше...

Не все хотели работать в ночь, но пришлось. Уж очень фабричное начальство просило. Обещало даже заплатить сверхурочные. Остались из тридцати наших бойцов с дневной смены

Колпачный переулок спускается от Покровки к переулку Хохловскому

Милютинский сад известен москвичам уже несколько веков

человек двенадцать – в ночную. Нагрузили мы к утру «Алку» доверху.

Со смены я в МГК и приехал. Впервые в жизни к такому большому комсомольскому началству собрался. Чтобы в Фонд мира деньгу отдать, честь по чести. А тут – такие рассказы и сказки сказывают... Про олимпийскую ночь, про шампанское, про Ларису и про галстук из Чили. Купечество гуляет! Хороши начальнички. Бр-р-р...

Послушал еще минутку, развернулся и вышел тихонечко. Внутри кипело. Ощущался некий классовый гнев, перемешанный с брезгливостью.

По Колпачному вниз ноги сами несли. Потом уже вверх – по Хохловскому. Там, правее, сквозь не всем известную узкую щель между двух домов – раз, еще чуток – и ты в Милютинском садике. Тут покурил в теньке, отдышался, прикинул. Принял решение.

Замок Кнопа, пожалуй, самое красивое здание здешних мест

Вернулся назавтра на фабрику. Деньги раздал ребятам, которые ночью работали, всем строго поровну. Сказал, что премия. Злость внутри сразу поухнула. Опасения, правда, остались, но олимпийское лето закончилось, а из Московского городского комитета комсомола в наш маленький стройотряд за взносом в Фонд мира так никто и не обратился.

Теперь в этом здании иные хозяева. Попробуй зайди! Тут и ворота. И охрана. Сигнализация. И все же неоготический замок английского типа неплохо виден. Он великолепен и удивителен, на мой вкус. Зря ли первый хозяин замка, барон, обрусевший промышленник Андрей Кноп, нанял талантливого архитектора Карла Треймана и не пожалел денег, чтобы выстроить резиденцию на века. Совсем не зря. Наряду с Петропавловским костелом в Старосадском переулке замок этот напоминает о большой роли иностранцев в дореволюционной России. При костеле, кстати сказать, существовала школа, пользовавшаяся заслуженным авто-

Эту узкую щель между домами полюбили местные поэты. Они пишут стихи на стенах

ритетом у просвещенных родителей того времени. Учили в ней хорошо.

Иной раз идешь по Маросейке и специально свернешь в Г-образный Петроверигский переулок, чтобы выйти через него в Старосадский и полюбоваться на костел, где когда-то на органе (легенда – был?) играл перед публикой сам Ференц Лист.

Бросишь взгляд на родную Историческую библиотеку и вниз, вниз, вниз – к монастырской стене, а кресты, купола за стеною сияют на солнышке, и затем влево в марафонский длиннющий, соединяющий здесь все и вся Хохловский переулок – вверх, вверх, вверх. Все же переулочки покровские, – думаю себе на лавочке Милютинского тихого сада, – поинтереснее самого Покровского бульвара. Только ноги гудят. И это нормально. Ивановская горка – один из семи холмов московских.

И все же вниз, вниз, вниз – по правой сторонке бульвара. Вот он, дом ВСНХ, №14, последний московский адрес поэта Марины Ивановны Цветаевой. Сни-

Родная Историческая библиотека. Каков вид на Иоанновский монастырь!

Дом ВСНХ, последний московский приют Марины Цветаевой

мала здесь комнату в 14 метров. В квартире №62. Отсюда в начале августа 1941 года уехала в эвакуацию, на Каму, в Чистополь, а затем и в Елабугу... Как тут не постоять.

Была ли она где-то счастлива? В детстве, в Москве, в Борисоглебском переулке? В Петербурге? В Коктебеле? В Тарусе? В Праге, Берлине, Париже? Была, наверное, – когда писала стихи. Из Москвы до Чистополя добирались беженцы на пароходе,

неспешно, за десять дней. Пароход назывался «Александр Пирогов».

Подхожу к угловому невысокому домику. Дом Карзинкиных. №18/15. Он завершает бульвар. Табличка. Портрет и короткие строки. «В этом доме в 1913–1957 годах жил и работал русский писатель, заслуженный деятель искусств РСФСР Николай Дмитриевич Телешов».

Памятная доска создателю
знаменитых писательских
«Сред»

Вот именно здесь продолжались и завершились знаменитые писательские «Среды» после переезда семьи Телешовых с Чистых прудов. В своих поздних парижских воспоминаниях Иван Алексеевич Бунин писал: «В Москве существовал тогда литературный кружок «Среда», собиравшийся каждую неделю в доме писателя Телешова, богатого и радужного человека. Там мы читали друг другу свои писания, кри-

тиковали их. Ужинали. Шаляпин был у нас нередким гостем. Слушал чтения, – хотя терпеть не мог слушать, – иногда садился за рояль и, сам себе аккомпанируя, пел – то народные русские песни, то французские шансонетки, то «Блоху», то «Марсельезу», то «Дубинушку» – и все так, что у иных «дух захватывало». Раз, приехав на «Среду», он тотчас же сказал: – Братцы, петь хочу!

Дом Карзинкиных – Телешовых. Наследники Николая Телешова живут в нем по сию пору

Вызвал по телефону Рахманинова и ему сказал то же:

– Петь до смерти хочется! Возьми лихача и немедленно приезжай. Будем петь всю ночь.

Было во всем этом, конечно, актерство. И все-таки легко представить себе, что это за вечер был – соединение Шаляпина и Рахманинова. Шаляпин в тот вечер довольно справедливо сказал:

– Это вам не Большой театр. Меня не там надо слушать, а вот на таких вечерах, рядом с Сережей».

Московеды с удовольствием напоминают вам, что потомки гостеприимного и хлебосольного Николая Дмитриевича Телешова живут в этом домике по сию пору.

Поджидаю трамвай в Замоскворечье. Ноги уже постанывают. Вот и трамвай, что идет до самого «Университета». Сажусь у окна. И вижу, как снизу вверх, от бульвара Яузского, переходит дорожку на бульвар Покровский небольшая группа людей почтенного возраста. Этак 55+. Впереди гарцует экскурсовод средних лет, преисполненный сил, знаний и оптимизма. Ну, знаете ли...

Петропавловский костел в Старосадском переулке обрел в новом веке новую жизнь

ТАЙНИК ДРЕМУЧЕГО БАРОККО

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВОКРУГ ТАК ТИХО, ЧТО СКРИП СНЕГА ПОД НАШИМИ ЛЫЖАМИ КАЖЕТСЯ НЕПРИЛИЧНО ГРОМКИМ – БУДТО ЧТО-ТО НЕУМЕСТНОЕ ВТОРГАЕТСЯ В СКАЗОЧНЫЙ МИР ЗИМНЕГО ЛЕСА. Я СТАРАЮСЬ НЕ ОТСТАВАТЬ ОТ СЕРГЕЯ САРАНСКОГО, НО ТО И ДЕЛО ХОЧЕТСЯ ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯДЕТЬСЯ ВОКРУГ. ДО ЧЕГО Ж КРАСИВО! А ЛЕС ПО-СВОЕМУ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ ВТОРЖЕНИЮ: ПРОГНУВШИЕСЯ ПОД ТЯЖЕСТЬЮ СНЕЖНЫХ ШАПОК ВЕТКИ ПРЕГРАЖДАЮТ ПУТЬ, ПРИХОДИТСЯ УВОРАЧИВАТЬСЯ, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ ЛЕДЯНОГО ДУША.

О СТАНОВИЛИСЬ МЫ на прогалине. Сергей показывает на укутанную снегом высокую сосну: «Вот оно, любимое дерево моей Веры». Два года назад жена художника-дизайнера Сергея Саранского ушла в мир иной. И каждый раз, когда Сергей бывает в зимнем лесу, он обязательно навещает эту сосну. Летом сюда не пробраться – место сильно заболоченное.

Мы аккуратно обходим сосну и пускаемся в обратный путь по лыжне. Ее накатал Сергей, чтобы зимой вывозить из леса пеньки, коряги и упавший сухостой. По пути художник рассказывает, что в последние годы он больше работает с корнями. Говорит, что все они очень разные. Тополиные, например, большие

и мощные, а березовые – тонкие и изящные. Еловые – распластанные, липовые – витиеватые. Если еловый корень распилить по вертикали, то получится готовая столешница. А профили из корней тополя выглядят как лепестки. Собери их – и готов стол в виде цветка.

Обычно Сергей отправляется в лес, вооруженный тележкой, веревкой и лопатой. Они нужны, чтобы откопать в снегу присмотренный еще летом сухостой и привезти его в мастерскую в деревне Тайник. Но сегодня задача иная. Завтра на экскурсию придут дети из райцентра Верхошижемье Кировской области. Все они из семей мобилизованных для участия в СВО. Нужно собрать высохшие ветки и мелкие корешки – их Сергей раздаст ре-

бятам на мастер-классе в своей «Мастерской сказок». А заодно подобрать опавшие еловые ветки – для коз. «Так что Лешачок один не остается, – говорит Сергей о себе в третьем лице. – Всё кто-нибудь да придет». Помолчав, он добавляет, что Вера любила с детишками работать. Нарядилась Бабкой-Ёжкой. А он сам представлял перед маленькими гостями в образе Лешего. Вот супруга и называла его Лешачком. «Это она уговорила меня сделать избушку Бабки-Ёжки. Нарисовал эскиз, всю зиму собирал детали, а летом построил. Поставил избушку на куриных ножках. Вместо трубы – ступа. Детям нравится», – усмехается в бороду Сергей.

Пока мы идем по лесу на лыжах, я присматриваюсь к своему спутнику и не могу понять этого

В глубине
вятских
лесов

странный человека, о котором так много говорят в Верхошижемском районе. На его «Мастерскую сказок» приезжают посмотреть даже с Урала. Дивятся на избушку Бабки-Ёжки и гнездо Соловья-разбойника. «Говорят мне, что им трудно поверить, что я создал «Мастерскую сказок» своими руками. Но без Веры я бы не обошелся»...

Дома у Сергея я долго разглядываю удивительную большую подкову на стене, пытаясь угадать, из какого дерева она сделана. И всё – мимо. Мастер объясняет, что это срез дупла старой яблони. Таких подков на стенах дома немало, все они разного цвета – от желтого до почти красного.

Да и сам дом художника затейлив. Стены он обил корявыми необработанными ольховыми

Для Сергея
Саранского
главное
в жизни –
творчество

досками с сучками, отчего кажется, будто из углов растут острые пальцы. Фасад собирается кореньями покрыть, а вокруг окон пустить «графику» из веточек на бересте. Люстру в комнате соорудил из веток, раму для большого зеркала сделал из корней. «Кто-то расписывает дом, кто-то резьбой покрывает, а я – дремучу», – улыбается Сергей. Свой стиль «одремучивания» Саранский называет «лесным барокко».

БЕЛЫЕ ВОРОНЫ В ТАЙНИКЕ

«Мастерская сказок» – это гектар земли, на котором расположены арт-объекты и дом Сергея Саранского. Вход на территорию сторожат две драконьи головы. И если бы художник не сказал, что они тоже сделаны из корней, я бы подумал, что пасти и шипы чудищ выточены умелой рукой.

«Привозишь корни и пни, складываешь, а дойдут ли руки до всех – сам не знаю», – делится Сергей. Кажется, он немного лукавит, ведь сам же говорил, что красота прячется в любом старом пне. Просто нужно ее увидеть. Или почувствовать?

Вместо ответа на вопрос художник улыбается и сообщает, что его друзья и знакомые всегда вспоминают о нем, если видят выкорчеванные корни или срубленные деревья. Вот когда вырубали плодовый парк в Кирове, друг тут же позвонил Саранскому, и в итоге в «Мастерской» появились стволы яблонь и груш. Бывало, художник прямо на городской улице останавливал трактор с нагруженной пеньками тележкой и увозил «добычу» в деревню Тайник, затерянную в глубине вятских лесов. Жители ближайших сел и деревень тоже сообщают Сергею о том, где идет вырубка де-

Лестница
на Дерево
желаний

ревьев. Например, вырубали старые тополя в центре села Нижнеивкино, так 15 больших бревен привезли Сергею. Три из них он пустил на 6-тонный пень, на котором установил избушку Бабки-Ёжки. Неподалеку построил загон для коз, качели с лесенками. Из большого корневища соорудил гнездо Соловья-разбойника...

Старые друзья, навещающие художника, удивляются: и откуда у Сергея взялась тяга к отшельничеству? Ведь свой Тайник мастер не покидает уже два года...

Тайник был мертвой деревней. Двенадцать лет назад Сергей и Вера купили здесь дом и участок. Зимовали одни. Место им понравилось, хотя до ближайшего города далековато. Вокруг дикий лес и болота, да такие, что летом не пройдешь. «Почему деревня называется «Тайник»? Смотрите: тут рядом ручей, и по осени, когда солнце заходит, температура быстро понижается и наползает густой туман. Он полностью скрывает деревню. Окрестные жители насочиняли много чего сказочного про Тайник. Говорили даже, будто здесь когда-то псы на золотых цепях сидели», – смеется Сергей.

Поначалу те самые жители ближних деревень настороженно отнеслись к новоселам. Странные. Купили развалюху с землей, по болотам и лесам шастают, коряги какие-то собирают... Их даже несколько раз обворовывали, но Сергея и Веру это не отпугнуло.

А нечто сказочное все же стало здесь происходить. Сначала к супругам прибились собаки, которых выгнал наследник одного из жителей села Нижнеивкино, что в 10 километрах от Тайника. Потом появились кошки. Первой же весной в корнях пня, который Сергей приволок из леса, свил гнездо белоголовый сип. Затем в Тайнике поселились аисты. Пришли ежики и зайцы. Прибилась лиса.

Стоит ли говорить, что Сергея и Веру местные стали считать белыми воронами?

Труды мастера
требуют отдельного
толкования

Свой мир
создается только
своими руками

ПЕРВЫЙ ТЕРЕМ

В детстве Сергей любил возить в маленькой мастерской отца, его привлекала работа с деревом и железом. Сколько подсвечников из коряг он вырезал и подарил одноклассникам, Саранский подсчитать не в состоянии. А одно из самых ярких воспоминаний детства – парусная лодка, которую построил для внука дедушка. На ней будущий мастер не раз пересекал пруд в родном южноуральском городе Снежинске.

Затем была учеба в профессионально-техническом училище, где Саранский приобрел специальность слесаря-сборщика, освоил черчение и материаловедение. Еще во время учебы начал оформлять интерьеры. Эти навыки пригодились во время службы в армии, где ему поручали украшать комнаты истории воинской части и клубы. Один из сослуживцев рассказал Сергею про Вятское художественное училище имени А.А. Рылова в Кирове. Туда Саранский и направился после службы. В училище он освоил различные техники росписи, мозаику, керамику, кузнечное дело, работу по стеклу. Старательно изучал учебники и альбомы по искусству,

постоянно ездил в Северную столицу. Но большинство своих идей он, как и в детстве, черпал в окружающей природе. А когда открыл для себя зооморфную архитектуру, противостоящую современной городской архитектуре, почувствовал, что нашел родную стихию.

Когда Сергей жил в Кирове, то не мог спокойно видеть срубленные и сваленные на улицах деревья. Вот только куда нести это богатство? К тому времени художник уже обзавелся семьей. Но не тащить же обрубки в комнату с маленькими детьми! Ситуация улучшилась, когда Сергей и его первая жена обзавелись участком в деревне Бутырки. Саранский купил старый дом в поселке Оричи, разобрал его и перевез в Бутырки. Пока собирал дом по бревнышку, сам жил в ветхом сарайчике без одной стены. В холода ее заменяла

огромная куча листьев. Гвоздей не хватало. Сергей собирал старые, распрямлял их и складывал в ведро.

Перевезенный им сруб XIX века был сложен из крепких сосновых бревен. На нем путем проб и ошибок Сергей тоже учился. Советовался со стариками из Нижнеивкина, штудировал книги по деревянному зодчеству, освоил все виды замков при со-

Даже привычные вещи в «Мастерской сказок» имеют необычный вид

единении бревен в срубе. На получившийся в итоге терем с входной галереей, стеклянной башней и обводными балконами в виде крыльев приходили полюбоваться местные жители. Друзья помогли притащить из леса два огромных корневища, из которых Сергей сделал оригинальный мостик через пруд, устроенный перед теремом. Вот тогда он и начал отовсюду свозить в Бутырки пни и коряги. Семейная жизнь не задалась. Терем Сергей оставил первой супруге с детьми. А собранные пни и корни переправил в Тайник, где задумал создать свой сказочный мир. Эти мечты разделила с упрямым художником владелица фотостудии из Кирова Вера Шестакова. «Если вы думаете, что здесь я стал строить новый мир, то это не так. Я свой мир вожу везде с собой», — объясняет Сергей.

МАСТЕРСКАЯ

В Кирове Сергей сотрудничал с инновационным интерактивным парком, который включает комплекс стилизованных построек и аттракционов «Заповедник сказок». Он расположен в заповедном сосновом лесу Заречного парка города. Там Сергей создал Комплекс горок, «Дом Кикиморы» и «Чайный домик». Одновременно выполнял частные заказы: проектировал причудливые особняки в Подмоскovie и рестораны в эко-стиле, делал предметы мебели и украшения интерьера. Особенно нравились заказчикам его столы, созданные по авторской «цветочной» технологии: спилы дерева, напоминающие лепестки, собираются в замысловатые фигуры и получается столешница-«цветок». Ради поисков сырья для таких изделий Сергей с Верой отпра-

влялись в лес и добывали пни и корневища. «Самые счастливые годы!» – вспоминает это время Сергей. Вырученные средства Сергей пускал на обустройство территории «Мастерской сказок» в Тайнике. Создать ее он решил после того, как в очередной

раз его творческие фантазии разошлись с ожиданиями заказчиков из «Заповедника сказок» в Заречном парке. Все делал своими руками. Вот только столбы для дома «Звездолет» помогли установить знакомые рабочие из Заречного парка.

Такое окно с ветками старой яблони могла придумать только огромная фантазия

А мелкие отходы дерева идут на сувениры

Эта русская печь
установлена
в доме
«Звездолет»!

Самым первым строением в «Мастерской сказок» стало «Воронье крыло». Дом Сергей назвал так из-за двух черных навесов, напоминающих птичьи крылья, и окон, оформленных как большие вороны глаза.

Сегодня масштабы «Мастерской» поражают и самого Сергея. Что уж говорить о посетителях! Впрочем, удивляют их не только масштабы, но и сами постройки. Особенно – дом «Звездолет», который мастер считает центром сказочной территории. Кажется, что он прилетел сюда из далекого прошлого, чтобы рассказать о древних технологиях, которые использовали наши предки. Двухэтажный шатровый дом возведен в русско-канадском стиле из дерева и саманных кирпичей. Его асимметричная крыша с мягкой черепицей стоит на восьми мощных столбах. Эти огромные столбы не поместились в раму деревообрабатывающего станка на местной лесопилке, и их привезли Сергею. В общем-то они и вдохновили художника на создание «Звездолета». Дом и правда удивительный. Окна-иллюминаторы сделаны из дупла липы. Внутри – длинный стол-бумеранг из цельного куска дерева, напоминающий пульт управ-

Из очищенных
до белизны
корешков
родится
какой-нибудь
шедевр

ления космического корабля. А еще есть стол-звезда из огромного корневища. Пол в «Звездолете» выложен широкими плахами из ели и дуба, люстра собрана из еловых корней. Да и вся мебель здесь из пней и корней. На второй этаж ведет винтовая лестница. «С детства не люблю квадратных домов, – объясняет Сергей. – Я стремлюсь к есте-

ственным природным формам. У меня для каждого нового проекта – новая технология. Мои технологии простейшие. Могу обучить. У меня много технических решений, которые не бросаются в глаза». Завершил «Звездолет» Сергей недавно, притом работал над ним, надрывая здоровье. Закончить его постройку он обещал своей спутнице и соратнице Вере.

Но самым популярным объектом у гостей «Мастерской» остается избушка Бабки-Ёжки. Та самая, которую Сергей построил для любимой Веры. Он рассказывает, как таскал из леса сухостой и пни, что каркас и стропила избушки сделал из еловых бревен, а крышу сложил из нескольких слоев досок с корой. И затем украсил ее корявыми сучьями и корнями можжевельника. Лестница внутри избушки сделана из древесины черемухи. Ступени – из сосны. Перила – из дуба и ели. На втором этаже устроены полы, у которых стоит большая клюка. Стены внутри избушки расписаны цветами и грибами – их рисуют дети, приходящие сюда на экскурсии. Избушка Бабки-Ёжки узнается гостями сразу. Впрочем, как и Дерево желаний, и Лешачье царство.

Иногда в «Мастерскую сказок» навдывается на велосипедах и детвора из ближних деревень. Сергей поручает им ответственные задания: помыть пень из шланга, очистить корневище от земли... Труд еще тот! На один пень или корневище может месяц уйти. К счастью, не все «сырье» у Саранского требует такой серьезной обработки: пни и корни, которые он добывает из местного ручья, гораздо чище «подарков», присылаемых сочувствующими. И все бы хорошо, но тратить столько времени на чистку одного пня Сергей не может. Поэтому из таких корневищ и пней художник решил устроить сад корней. И даже дал имена некоторым из них. Вон тот трехметровый пень зовется «Затерянный мир». А другой – огромный и черный – «Овцебык»...

P.S.

Практически во всех окрестных деревнях Сергей Саранский помогал реставрировать или украшать дома, за что многие люди ему благодарны. И готовы помогать художнику-отшельнику. Но и у них не получается избавиться мастера от грусти. Скучает мастер по своей Вере. Но она просила его не бросать «Мастерскую сказок» и продолжать начатое дело. Сергей не собирается никуда уезжать: «Как я могу бросить «Мастерскую сказок»? Это мое детище!»

И вот интересно: в Тайник потянулись на житье люди. И некогда мертвая деревня начала оживать. Уже переселилась сюда молодая семья Мельниковых. Завели стадо коз и открыли сыроварню. Обжился и завел большое стадо гусей еще один новый сосед – Леонид Козлов.

Сергей
Саранский
верит
в сказки

Уже сам вход
говорит, что за этой
дверью таятся чудеса

А Сергей Саранский все-таки неугомонный человек. Теперь он охвачен идеей создать еще одну сказочную площадку в Тайнике. Выкупил по другую сторону улицы от своей усадьбы землю и уже заложил фундамент нового оригинального дома. А в планах – еще несколько: «Рыба», «Дом Отшельника», «Дом на дереве» и беседка «Джунгли». Загадочно улыбаясь, Сергей намекает, что, возможно, украсит новую площадку какими-то невообразимыми творениями, формы и сюжеты которых ему подскажут бесконечные запасы корней. И он точно знает, что Вера его решение одобрила бы...

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспоттрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru